

Секция XIII.

Функциональная стилистика русского языка

Роль культуры речи в современном российском обществе

Н.-Л. М. Акуленко

Калужский государственный педагогический университет им. К. Э. Циолковского

Языковая политика, культура речи, культура речевого поведения, нормативность

Summary. Speech culture is considered to be an important stabilizing social factor because degradation of speech culture is closely connected with degradation of society.

В последнее время все очевиднее становится необходимость разработки на основе идеалов взаимопонимания, терпимости, ненасилия, духовности и культуры, которые были и остаются высшими достижениями человеческой цивилизации, комплексной системы неотложных мер по созданию четких механизмов социального сотрудничества и согласия.

Одним из таких механизмов является ясная и осмысленная языковая политика, утверждение общественного приоритета культуры речи, ибо язык является не только неотъемлемой частью культуры и формой выражения культуры, но и мощным инструментом формирования духовного мира общества, средством сохранения культурно-исторической преемственности, так как благодаря языку осуществляется накопление, сохранение и передача опыта и традиций от поколения к поколению. Согласно онтологической (или реалистической) теории языка, «язык есть система понимания, т. е., в конце концов, миропонимания; язык и есть само миропонимание» [Лосев 1997, 190].

Русский язык играл и играет огромную созидательную роль в развитии культуры, науки и образования народов России, однако он нуждается в серьезной защите и охране, так как его функции и позиции в социуме заметно ослабли, что является отражением изменившейся социальной ценностной ориентации.

Современный период развития общества отличается резким падением грамотности, расшатыванием языковой нормы, значительным уменьшением объема словаря «среднего человека», примитивизмом и приблизительностью в выражении мыслей, обеднением и обезличением речевых средств выразительности, антигуманным стилем как межличностной, так и публичной коммуникации, частотностью неадекватного речевого поведения в той или другой ситуации. Особенно влияет на массовое языковое сознание реклама, которая путем многократного повторения формирует новую систему ценностей (только материальных, ибо социальной рекламы в нашей стране практически нет) и популяризирует агрессивно-императивный стиль общения. В речи активно создаются и используются преимущественно дискурсы малых форм.

Менталитет коммуникантов характеризуется публицистичностью, что проявляется в доминировании оценочно-прагматической языковой функции и в размывании границ между официальным общением и общением непубличным, личным. Наиболее ярко это проявляется в броской оценочности и в диалогичности, которые отличают оформление многих речевых жанров.

Не только в обиходно-бытовой речи, но и в речи официальной, в средствах массовой информации, в публицистике, в авторской речи художественных произведений значительно активизировались элементы городского просторечия, что по-разному оценивается лингвистами. Резко изменяются коммуникативные установки устно-разговорной речи: оптимальным и целесообразным становится экспрессивное, вульгарное общение и преднамеренное использование аномативных единиц, то есть публично манифестируется оппозиционное речевое поведение. Чрезмерное следование клишированным образцам часто свидетельствует не о стремлении говорить ярко и выразительно, а о неспособности к речевому продуцированию, т. е. является демонстрацией бедности тезауруса.

Обществу через средства массовой информации и литературу «новой волны» навязываются аргогические языковые

разновидности, обслуживающие такие деструктивные социальные процессы, как алкоголизм, наркомания, сексуальная распущенность, социальный эгоизм. Все больший размах получает явление, которое терминологически можно обозначить как криминализация речи: уголовный интержаргон («русская феня») перестает быть замкнутой социально-речевой разновидностью языка. Однако хорошо известно, что произнесенное слово рождает мысль, мысль рождает поступок. Тотальное использование воровского жаргона формирует низменные потребности и дает ощущение вседозволенности.

Практически без ограничений в речи многих социальных и почти всех возрастных групп используется конативная и обсцентная лексика (скатологизмы и матизмы), которая начинает выполнять фатическую функцию. По мнению ряда лингвистов, педагогов, психологов (В. В. Смолковский, А. А. Мурашов и др.), обиходно-бытовое использование обскенцизм демонстрирует речевое саморазрушение, ведущее к деформации личности в целом, поскольку нарушаются все нравственные и эстетические нормы.

Деградация речевой культуры тесным образом связана с деградацией общества. Журналист К. Коробова («Весть», № 211–214) справедливо пишет, пытаясь разобраться, почему мы не можем вырваться из разрухи: «Есть такое слово: Закон. Если жить по предписанным правилам, образуется порядок. ...Во всех так называемых цивилизованных странах неукоснительно соблюдается Закон». Действительно, социальная дисциплина – это строгое исполнение и общественно-правовая защита норм, причем не только поведенческих, но и этикетно-речевых. Любая безнаказанность развращает, ведет к деморализации.

Речевая неряшливость является не только проявлением недостатка личной культуры и выражением неуважения к окружающим, она инициирует социальную деградацию, способствует утверждению культа агрессии и насилия, ведь хорошо известно, что чем ниже уровень общей социальной культуры, тем больше преступлений против личности совершается. Достижение социального мира и гармонии возможно только путем утверждения принципа как физической, так и моральной неприкосновенности личности, путем внедрения в общественное сознание нормативно-оценочных приоритетов, в том числе и речевых, что обеспечивает гражданское взаимопонимание и успешную социализацию подрастающего поколения. Языковая нормативность не есть слепое, консервативное следование заданному образцу и ограничение свободы речевого самовыражения, это есть определенный четко обозначенный языковой ориентир, некий лингвистический маяк, указывающий верный путь в языковом море, ясный и понятный критерий уровня культуры речевого поведения. Следовательно, государственный, общественный и педагогический патернализм по отношению к речевой культуре не только оправдан, но и остро необходим, так как способствует солидаризации и интеграции общества, созданию комфортной среды обитания в социуме, сохранению нравственного здоровья человека.

Язык обладает огромной силой воздействия. А. Ф. Лосев справедливо пишет: «Слово – могучий деятель мысли и жизни. Слово поднимает умы и сердца, исцеляя их от спячки и тьмы. Слово двигает народными массами и есть единственная сила там, где, казалось бы, нет уже никаких надежд на новую жизнь» [Лосев 1993, 627].

Феномен языковой игры в российской и американской рекламе

Л. П. Амири

Ростовский государственный университет, Ростов-на-Дону

Языковая игра, язык рекламы, игровые приемы в языке рекламы

Summary. The paper presents the study of contemporary language of Russian advertising. The author compares similar samples of Russian advertisements with American ones, which are based on the use of language game and introduces samples of the latest Russian advertising, incorporating words written in Latin type.

Факт формирования российской рекламы под влиянием западной рекламы, в частности американской, не является ни для кого секретом, но и не является полностью обоснованным. Данный процесс обусловлен тем, что современная реклама, т. е. реклама, какой мы ее видим сейчас, появилась именно в США. Кроме того, американская экономика и культура оказывают огромное влияние на развитие культуры и экономики многих стран мира, что в нашем случае отражается в профессиональном языке рекламы и в языке рекламных текстов в России.

В профессиональном языке рекламы это проявляется, главным образом, в заимствовании терминов рекламного бизнеса. В языке рекламных текстов влияние американской рекламы происходит по-другому. Российские составители рекламных текстов заимствуют существующие рекламные техники и используют их с учетом выразительных возможностей русского языка. Возникающий, таким образом, межъязыковой параллелизм наиболее ярко проявляется в тех примерах российской рекламы, при создании которых использованы разнообразные приемы языковой игры (ЯИ).

Аналогичные примеры ЯИ реализуются разнообразными языковыми средствами в российской и американской рекламе:

- фонетическими:
P-p-p-екомендую!
The best to you each morning. They'rrrre GR-R-REAT!
- графическими:
куПИКквартиру;
FORDiesel ranger 2003;
- морфологическими:
САМЫЙ ИГРУШЕЧНЫЙ МАГАЗИН КАТЮША!
More tomato for your money!
- словообразовательными:
– инновации:
РЕШИТЕЛЬНО! ОСВЕЖИТЕЛЬНО! Мороженое «Орешок»;
ABSOLUT ABSOLUTLY («ABSOLUT» – название водки);
– контаминации:
удоVOLVOствие («Volvo» – название марки автомобиля);
REVOLVOLUTION («Volvo» – название марки автомобиля);
- лексическими:
– обыгрывание многозначности:
СВЯЗЬ В БОЛЬШОМ ГОРОДЕ;
Armour Hot Dogs The dogs kids love to bite;
– обыгрывание омонимии:
Найди свой ОАЗИС! («Оазис» – название мороженого);
I always stop at the RITZ («RITZ» – название кондитерской продукции).

О межъязыковом параллелизме в российской и американской рекламе также свидетельствуют аналогичные примеры, построенные на обыгрывании прецедентных феноменов:

- А любовь КАТЮША бережет* (фраза из песни);
- Don't worry... Bee happy! Send a Smiley Greeting!* (фраза из песни).

Но современные рекламисты не ограничиваются лингвистическими инновациями, основанными на применении только своего родного языка. Особое место в современной рос-

сийской рекламе занимают примеры с использованием иноязычных элементов, в частности замены русских букв латинскими буквами, лежащими, как известно, в основе английского алфавита:

СКАТ современная качественная техника;

Где иСКАТЬ пылесос? [СКАТ (название онлайн-магазина) + искать];

WWW магазине SKAT.RU! Телефон: 788-89-89;

Заказывайте и ...СКАТертью доставка! [СКАТ (название онлайн-магазина) + скатерть].

Выделенная часть слова может также обладать самостоятельным значением в английском языке, которое может:

- иметь прямое отношение к рекламируемому товару:
Symbolический подарок для фанатов иномарок [англ. сл. symbol – символ]; *КАЖДЫЙ МОЖЕТ ВЫИГРАТЬ АВТОМОБИЛЬ Рено символ; В ПРИЗОВОМ ФОНДЕ: 10 автомобилей Рено Символ.*
- не иметь прямого отношения к рекламируемому товару:
КЛИНСКОЕ REDKOE (реклама пива «Клинское») [англ. red – красное].

Данный рекламный прием заслуживает особого рассмотрения в связи с тем, что в последнее время он все чаще используется при создании рекламных текстов, что также, безусловно, связано с распространением сферы влияния английского языка и американской культуры. Использование данного рекламного приема свидетельствует о растущем интересе к английскому языку самих рекламистов и о социальном заказе потребителей рекламы на рекламу с элементами английского языка. О социальном заказе на английский язык в рекламе свидетельствуют примеры рекламных текстов, дешифровка которых лежит за пределами графической формы слова:

ХОТ или неХОТ;

вХОТящие бесплатно (реклама тарифа «Хот» сотовой связи «Джинс»).

Звуковая форма обыгрываемого слова *хот* соответствует английскому слову *hot* – ‘горячий, жаркий’, которое на сленге обозначает ‘модный, пользующийся успехом, имеющий спрос’. Для носителей русского языка, не владеющих английским языком, данное слово будет обозначать только название товара, в то время как люди, знающие английский язык, будут в состоянии получить доступ к имплицитной информации, содержащейся в этих рекламных текстах. Таким образом, влияние западной культуры, в частности американской, через призму рекламной культуры может быть как очевидным, так и скрытым.

ЯИ является той точкой соприкосновения, благодаря которой возможно осуществить анализ сходных характеристик рекламных текстов американской и российской рекламы. Несмотря на то, что между российской и американской рекламы есть ряд отличий, т. к. первая – это составляющая культуры, а последняя – бизнеса, они обладают парадоксально схожим использованием одних и тех же языковых средств и приемов. Российская реклама не только заимствует существующие техники и приемы из языка американских рекламных текстов и успешно адаптирует их к нашей российской действительности, но и развивает свои собственные, свойственные именно русскому языку.

Понятийно-тематические особенности русского школьного жаргона XIX века

О. А. Анищенко

Кокшетауский государственный университет имени Ш. Уалиханова (Казахстан)

olga_alex62@mail.ru

Социальный диалект, школьная среда, идеографическое описание

Summary. The Report deals with the school slang of the 19-th century. It considers the names of the persons and marks the actions connected with the process of bringing up and education.

Изучение русского субстандарта в последние годы заметно активизировалось. Появилось значительное количество статей, мо-

нографий, словарей, описывающих просторечие, различные жаргоны. Особый интерес ученых-лексикографов вызывает

молодежный жаргон ([Елистратов 1994]; [Югановы 1997]; [Шинкаренко 1998]; [Мокиенко, Никитина 2000]; [Вахитов 2001]; [Никитина 2003]; [Вальтер, Мокиенко, Никитина 2005]; [Грачёв 2006] и др.) Вышедшие в свет словари ставят своей целью полное, системное описание молодежного лексикона во всем его многообразии. Таким образом, речь современных молодых людей (школьников, музыкантов, спортсменов, компьютерщиков, художников-«граффитчиков», дигеров, байкеров, футбольных болельщиков и других молодежных групп) можно не только «подслушать», но и всесторонне изучить, пользуясь представленным в словарях богатым лексико-фразеологическим материалом. Однако, история формирования русского молодежного жаргона (в частности школьного) остается недостаточно изученной. В связи с этим актуальным представляется идеографическое описание русского школьного жаргона XIX века, рассмотрение его понятийно-тематических особенностей.

Собранный и проанализированный нами лексико-фразеологический словарь жаргона школьников (семинаристов, кадетов, юнкеров, гимназистов, институток и других учебных корпораций) насчитывает более тысячи единиц. В тематическом отношении наиболее представлены лексические единицы, объединенные понятиями учебной деятельности, связанные со спецификой воспитания и обучения в том или ином учебном заведении, отношениями внутри учебных группировок.

Центральное положение в кругу жаргонной лексики занимает агентивная лексика: 35% от общего количества выявленных нами специфических лексем составляют наименования лица (более 350-ти). Данная лексико-тематическая группа объединяет лексику и фразеологию, характеризующую воспитанника (-ницу) учебного заведения по различным признакам, в том числе: 1. По типу учебного заведения: *семинар* «семинарист», *сизяк* «гимназист», *монастырка* «воспитанница института благородных девиц», *реал* «ученик реального училища». 2. По классу (отделению, роте): *ритор* «ученик низшего отделения семинарии (*риторики*), *четвертушка* «воспитанница четвертого отделения в институте», *мазочки* (юнкера третьей роты). 3. По занимаемой должности, по возложенным поручениям: *ольдермен* «командир над студентами-первокурсниками», *секундатор* «ученик, секущий по приказанию учителя своих товарищей», *малхальный* «кадет, обязанностью которого было стоять у дверей и предупреждать о появлении начальства». 4. По отношению к учебе: *огуряло* «прогульщик», *медальон* «отличник», *корова* «получающий единицы». 5. По характеру поведения: *отчвалый* «неисправимый», *бонсюжешка* «прележная, послушная». 6. По интеллектуальным способностям: *башка* «умный», *дриттка* «глупая». 7. По нравственным качествам: *блинник* «трусливый», *стрекулятник* «веселый, шутник», *чугунный* «упрямый», *биток* «ленивый». 8. По

отношению к ученикам, учителям: *объяснялка* «грубый», *подскула* «лестливый, угодливый». 9. По внешнему виду, физическим особенностям, состоянию здоровья: *цынготный* «слабый», *мазена* «толстый», *матрешка* «красивый, симпатичный». 10. По имущественному, социальному положению: *белоподкладочник* «обеспеченный», *санкюлот* «бедный» и т. д.

Высокую антропоцентричность описываемого жаргона подтверждает и тот факт, что значительная часть лексем связана с действиями учащихся, учителей. Выделяется целый ряд подгрупп: 1. Обозначения действий, связанных с подготовкой к урокам и поведением на уроках: *долбить* «заучивать наизусть путем многократного повторения», *плавить балл* «отвечать плохо, мучительно», *заговаривать* «уводить от темы урока, задавая посторонние вопросы», *прожечь* «весьма твердо ответить, без остановки». 2. Обозначения действий, связанных с отдыхом и развлечениями: *базить* «дразнить, злить», *закатить гелертера* «вызвать на пивную дуэль за оскорбление – намек на ученость», *дать грушу* «больно ударить большим пальцем по макушке», *нахаживать* «раскачиваться, взявшись руками за парту». 4. Обозначения действий учителя на уроке – *волочь* «вызывать, спрашивать не знающего урока», *влетить дубину* «поставить двойку». 3. Обозначения действий – наказаний: *выдрать на воздух* «наказание, при котором провинившего держали за руки, за ноги и секли со всех сторон», *отправить за ворота* «исключить из училища за плохую дисциплину и неуспеваемость», *водить в канцелярию* «наказывать розгами» и др.

Таким образом, в жаргоне школьников дореволюционной России актуализируется человек (а точнее – воспитанник учебного заведения, учитель) и сферы его деятельности, что подтверждает закономерность: «Чем больше человеку приходится сталкиваться с определенным участком или областью действительности, тем интенсивнее членится она в языке» [2, 483]. И в этом отношении школьный жаргон сближается с профессиональными лексическими системами: практическая заинтересованность порождает соответствующую терминологию [1, 83].

В сегодняшнем школьном социолекте, также как и в дореволюционном, субстандартные лексемы являются преимущественно экспрессивными наименованиями лиц, действий, событий, состояний, связанных с учебной деятельностью.

Литература

1. Копыленко М. М. О семантической природе молодежного жаргона // Социально-лингвистические исследования. М., 1976.
2. Серебрянников Б. А. Социальная дифференциация языка // Общее языкознание: Формы существования, функции, история языка. М., 1970.

Власть языка в политической коммуникации

Г. П. Байгарина

Казахстанский филиал Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Астана (Казахстан)

Политическая коммуникация, социокультурный вариант языка, идеологема

Summary. The report considers verbal forms of power demonstration in political communication. It also discusses variations of political discourse of Kazakhstan.

Проблема взаимоотношения «язык и власть» активно обсуждается в настоящее время. Язык рассматривается как инструмент социальной власти. Эволюцию стратегии власти видят в том, что она использует управление поведением человека посредством языка. Дискурсивное выражение любого рода власти, в том числе и политической, проявляется в системе коммуникации между различными ее субъектами. Политическая сфера относится к числу ведущих сфер коммуникации, без которой не может существовать ни один политический режим. Специфику политики исследователи видят именно в дискурсивном характере: многие политические действия по своей природе являются речевыми действиями [1, 18]. Политическая коммуникация-это речевая деятельность, целью которой является не столько передача информации, сколько пропаганда тех или иных идей и побуждение адресатов коммуникации к определенным политическим действиям.

Если исходить из того, человек вступает в то или иное дискурсивное пространство не только в определенной социальной роли, но и с определенными целями, то интенциональную базу политического дискурса составляет борьба за власть [1, 16]. Исследователи дискурсивного выражения власти отмечают тот факт, что она тесно связана с категорией социального статуса коммуникантов. В дискурсивной практике коммуникативные роли предстают как реализация социального статуса. «При этом позиция социальной власти далеко не всегда однозначно детерминирует власть коммуникативную» [2, 38]. Политическая коммуникация в этом отношении своеобразна, поскольку представляет собой не непосредственное общение, а в основном опосредованную СМИ коммуникацию. Поэтому отсутствует такая составляющая коммуникации, как взаимные реакции участников речевого акта. Хотя и существует монополия на ведение коммуникации со стороны властных структур, но она не аб-

солютна, особенно в рамках демократического общества. Кроме того, при обсуждении проблемы отношений языка и власти необходимо учитывать тот факт, что политический дискурс разнопланов, в рамках самого политического языка наблюдается вариативность, обусловленная неоднородностью самих субъектов политики с их ценностными ориентациями, хотя конечной целью всех участников политического пространства является борьба за власть. Существуют социокультурные варианты языка политики. Выделение их находится в прямой зависимости от ответа на вопрос, с помощью каких языковых средств и способов осуществляется власть в дискурсе.

Казахстанский политический дискурс представлен социокультурными вариантами партии власти и оппозиции. Как известно, среди выделенных Р. Блакаром «инструментов власти» главная роль отводится «выбору слов и выражений». Социолекты в рамках политического дискурса не отличаются специфическим набором лексики, не известны представителям других групповых объединений. Политические субъекты независимо от их партийно-групповой принадлежности обращаются к таким ключевым словам и выражениям, как *власть, политика, демократия, стабильность, прогресс, интересы государства, простой народ, в интересах народа* и т. д. Различие в лексических подсистемах разных вариантов общественно-политической речи заключается в коннотативных характеристиках одних и тех же лексем и в их синтагматических связях. В этом отношении очень точным оказывается введенное лингвистами понятие идеологической полисемии, которая является следствием возникновения групповых коннотаций, выражающих интерпретацию политической реальности с позиций той или иной социальной группы [1, 51]. Синтагматика базовых политических лексем может свидетельствовать о происходящих в политическом дискурсе изменениях. Одно из ключевых слов политического языка – *демократия* (и его производные). В социолекте оппозиции эта лексема коннотативно по-разному нагружена и получает соответствующую сочетаемость в зависимости от партийно-корпоративной принадлежности оцениваемых субъектов и их действий. Так, в контексте «свои» это и *демократическая оппозиция; подлинная демократия; подлинно демократические выборы, потрясающее достижение демократии* (оценка событий в Украине). Применительно к «чужим» – *в нашей насквозь демократической стране; сама власть становится настоящим рассадником демократии; в плену демократических иллюзий; демократический балаган*. В социолекте власти возникла сочетаемость *суверенная демократия*, приобретающая характер мифологемы.

Высокой частотностью употребления обладает базовый концепт политического дискурса *власть*, особенно в оппозиционном социолекте, что вполне объяснимо: в дискурсивном пространстве оппозиционной коммуникации власть предстает как желаемый объект обладания. В целом кон-

цепт *власть* в социолекте оппозиции интерпретируется в рамках основных словарных значений. Однако комбинаторика этой лексемы свидетельствует о ее идеологической заданности, об отсутствии положительной оценочности. Набор идеологем – любое ключевое слово, отягощенное идеологическим компонентом, становится идеологемой – в каждом из вариантов политического языка напрямую задается базовой оппозицией политического дискурса *свои / чужие*. Если в социолекте власти одно из ключевых слов-идеологем – *стабильность*, то в социолекте оппозиции все больше говорят о *так называемой всепоглощающей стабилизации* или *дестабилизации*, к которой могут привести действия власти.

В политической коммуникации используются артефакты как политические символы. Среди символов-артефактов – здания и помещения, другие знаковые места, в которых располагаются власть предержащие. В современном дискурсе Казахстана – это новая столица *Астана, Левый берег, АК-Орда*. Отношение к ним в различных социолектах также задается групповыми интересами и отягощено идеологическими коннотациями. В оппозиционном дискурсе артефакты часто используются по принципу контраста: *Левобережье Астаны и алмаатинский «Шанырақ». Там – блеск президентского дворца, зданий парламента, банков, министерств, здесь – люди на грани выживания, без газа, тепла и света* («Свобода слова»). В политической коммуникации оформляются новообразования, которые используются не в целях языковой игры, а для соответствующего именованию действительности: *«пресловутая хабаризация; жалкий и горький итог хабаризации всей страны* («Свобода слова»). Обращает на себя внимание разный удельный вес определенных оценочных метафор в социолектах казахстанского дискурса, употребление которых является ярким примером отказа от открытой пропаганды и перехода к завуалированному манипулированию сознанием людей. В дискурсе оппозиции это метафора, в основе которой концептуальный образ «войны», «криминального мира», «болезни», «театра». Во властном дискурсе высокой степенью частотности отличаются метафоры персонификации, актуализирующие понятийный образ движения, развития, роста.

Таким образом, несомненно взаимосвязь политической позиции и речевых средств ее выражения. Все характерные особенности политической речи задаются идеологической ориентацией, определяемой базовой оппозицией политического дискурса «свои / чужие». Именно эта оппозиция определяет в целом тональность дискурса, целенаправленный подбор интеллектуально-оценочных или эмоционально-оценочных языковых средств.

Литература

1. Шейгал Е. И., Черватюк И. С. Власть и речевая коммуникация // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 64. 2005. № 5.
2. Шейгал Е. Н. Семиотика политического дискурса. М., 2004.

Языковая рефлексия в современных публицистических текстах

Н. А. Батюкова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Языковая рефлексия, рефлексивы, метаязыковая функция, публицистические тексты

Summary. A lot of new words have appeared in the Russian language during the past years. Some of them left very soon, others are still vividly discussed. This «language reflection» can be found in all types of texts: scientific prose, modern fiction, oral speech, newspaper articles.

В последнее десятилетие в русский язык пришло много новых слов, которые стали активно осмысляться и оцениваться говорящими. Это явление в лингвистике получило название метаязыкового комментирования: *так называемый электорат; «бороться» – не совсем подходящее слово; в хорошем смысле этого слова; красиво говоря; как в народе говорят; не побоюсь этого слова* и т. д. Современные средства массовой информации изобилуют примерами языковой рефлексии. Причина этого – не только в стремлении автора сделать свое высказывание более понятным и выразительным, но и в том, чтобы посредством него воздействовать на адресата. Результат воздействия зависит от того, насколько говорящий способен учитывать психологические особенности и степень осведомленности участников беседы.

Выступления известных политиков, артистов, деятелей науки и культуры в ток-шоу являются примерами повседневной устной речи и отражают сложные процессы формирования узуса, поэтому «словоупотребление в телепередачах зачастую еще воспринимается в качестве авторитетной нормы» [1, 27–28]. В телевизионных ток-шоу мы имеем дело со спонтанными высказываниями, в которых вероятность появления метаязыковых комментариев значительно выше, чем в новостных передачах.

В текстах современных средств массовой информации используются вербальные и невербальные метаязыковые средства: к первым относятся вводные слова и словосочетания, отдельно оформленные предложения, ко вторым – интонационное оформление высказывания, знаки пунктуации,

шрифт. Они способствуют связности текста, выделяют в нем важные, с точки зрения говорящего, фрагменты. Метакоммуникативные высказывания «касаются «техники» ведения беседы: способа выражения мыслей, формы изложения, отношения собеседника к избираемому оформлению речи, т. е. внешних моментов участия в общении, «обслуживания» бесперебойности и надежности «канала связи» [2, 86].

Рефлективы выполняют следующие функции в современных публицистических текстах:

1. Комментирование стилистически отмеченных и недавно пришедших в язык слов при помощи различных ремарок: *мягко / строго / откровенно / по правде говоря, выражаясь простым языком, как говорят в народе, так называемый* и под. Это помогает избежать двусмысленности и возможного непонимания: *Мы были под его, так скажем, крышей, как сейчас принято говорить, и я пришел к нему, не побоюсь этого слова, как к отцу, посоветоваться и получить благословение* [А. Мохов. «Большая стирка». ОРТ. 18.02.2004].

2. Соотнесение высказывания с литературной нормой. Использование незнакомых, малоупотребительных и стилистически окрашенных слов, которые могут быть неправильно или неоднозначно истолкованы, требует их пояснения: *Как говорят спортсмены, <Бьёрн Отто> «облизал», что называется, планку – так чистенько сработал* [О. Богословская. Репортаж с Кубка Европы по легкой атлетике. Спорт. 14.02.2004].

3. Соблюдение необходимых параметров речи (тематической однородности, ясности изложения, громкости, четкости артикуляции). Метаязыковые комментарии помогают оценить, скорректировать не только свое, но и принадлежащее другому лицу высказывание: *Если говорить о чистке, то не об этнической чистке, и хватать всех так называемых «черных», – я терпеть не могу это слово, – но, тем не менее, я имею в виду чистку этнической преступности* [Д. Рогозин. «Свобода слова». НТВ. 06.02.2004].

4. Управление ходом беседы. При помощи метаязыкового комментария участники коммуникации регулируют ведение диалога: они попеременно захватывают инициативу, прерывают друг друга, подбирают слова и вводят их в свое высказывание, контролируют их восприятие, высказывают замечания о речевой культуре собеседника, уместности темы и условиях протекания разговора: *Я не хотел бы вступить*

*в полемику с выступающими. Я считаю, что оно <решение президента об отставке правительства> сделано, как англичане говорят, *untimely* – не вовремя, его надо было делать раньше. Я не очень согласен со словом «увольнение» – это уход в отставку* [В. Герасченко. «Свобода слова». НТВ. 24.02.2004].

В современных публицистических текстах метаязыковым комментарием сопровождаются различные слова и словосочетания: общеупотребительные (*предательство, увольнение, защитник*) и стилистически маркированные (*крыша, бытовуха*), новые, недавно вошедшие (или вернувшиеся) в активный речевой обиход (*россиянин, олигархия, электорат*), иноязычные (*секс, брифинг, скинхеды*), устойчивые и клишированные выражения (*борьба с преступностью, язык не повернется сказать, гражданское общество, силовые структуры*), авторские неологизмы, сконструированные по существующим словообразовательным моделям (*чеченолюбы, басавофилы*), текстовые реминисценции, цитаты, прецедентные высказывания (*Остата понесло; Хватит ждать милости от природы; Полгода назад было рано, а вот завтра было бы уже поздно*).

Комментируемые слова и выражения «всесторонне» осмысливаются: предметом обсуждения становятся их фонетическое звучание, словообразовательные особенности, семантическое значение, синтаксическое построение, стилистическая принадлежность. Популярность метакоммуникативных высказываний во многом обусловлена активизацией языковых процессов, таких как заимствование, разрушение языковых норм и развитие слов максимально родового значения (гиперонимов), изменяющих сложную синонимическую систему литературного языка.

Языковая рефлексия является неотъемлемой чертой русской языковой личности. Подобный тип языкового поведения приоткрывает завесу над духовным миром человека, его способностью к осмыслению собственного опыта, знаний о себе.

Литература

1. Васильев А. Д. Слово в российской телеэфире. Очерки новейшего словоупотребления. М., 2003.
2. Девкин В. Д. О неродившихся немецких и русских словарях // Вопросы языкознания. 2001. № 1.

Рекламный слоган как отражение активных процессов в русском языке

3. К. Беданоква

Адыгейский государственный университет, Майкоп

Рекламный слоган, семантические преобразования, экспрессивный синтаксис

Summary. The article highlights the prominent features of the advertising messages. Special attention is paid to lexical and syntactic structures considered to be its distinguishing feature.

1. Наблюдения, а затем и исследования в области современного русского языка демонстрируют ряд заметных явлений, как в стилистике, так и в прагматиконе языка. Емко и достаточно точно этот процесс был назван «карнавализацией», т. е. смещением стилей и совмещением их в одном контексте, а в целом «перестроечной и постгорбачевской либерализацией 1980–1990-х гг.» [1, 234–239]. Естественно, что активные процессы в языке, происходящие практически на всех уровнях, взаимообусловлены. Анализ языка масс-медиа демонстрирует общность лексико-синтаксических и изобразительных средств в языке газеты, радио и телевидения и в языке рекламы. Поэтому реклама один из самых ярких примеров либерализации языка, а затем и «карнавализации».

2. Рекламный текст, рекламный слоган – языковые объекты, активно исследуемые в настоящее время из-за динамичного накопления и расширения базы данных. Рекламный слоган являясь «сжатой, ясной и легковоспринимаемой формулировкой рекламной идеи» [2, 104], отражает наиболее яркие процессы в современном русском языке. На лексическом уровне это расширение парадигмы лексических средств: употребление новой (оказиональной) лексики: *Семейный скиндинг, Кармеладка. Отличная загадка, Весенний ценонпад*; использование лексических групп социально или профессионально ограниченного употребления (жаргонная и просторечная лексика): *«Бешеных бабок» в Новом году!!! «Радио 107» поздравляет; Не разводи Бодягу. Гель «Бодя-*

*га»; Пора брать кассу! Кассовые аппараты; Тирет профилактик. Неприятному запаху труба; Fanta персик. Вкус такой, башню сносит; Причуда. Раскуси секрет вкуса; Рыжий Ап. Веселая вкусятина; Крошка-картошка. Здоровая вкуснота – вкусная быстрота; Эльдорадо. Не прощелкай распродажу; активное использование иноязычной лексики, которая определяется как товарный знак или торговая марка, так как это международные слова – клейма, имеющие юридическую регистрацию и сохраняющие оригинальную исконную графику: *Попробуйте новый «Sprite» с лимоном.* Следует уточнить, что функционирование иноязычной лексики в рекламном тексте отличается от традиционного, имеет свои способы графического оформления и грамматического употребления. Только по истечении времени оформление иноязычных слов в рекламе упорядочится.*

Но наиболее интересными и глубокими, отражающими богатейшие возможности русского языка, являются семантические преобразования в лексике, в частности, 1) расширение и сужение значения слова в результате языковой игры: *Зиртек. Приговор аллергии; Визин. Ясный взгляд в мгновение ока; Ролтон. Горячая поддержка!; Софья. Берегите «зеркало души»; Погрейте руки на новогодней распродаже в «Эльдорадо»; 2) языковая игра как результат столкновения ассоциативного значения с переносным и буквальным в, так называемых, прецедентных текстах: *Лучше пиво в руке, чем девица вдалеке (пиво «Золотая бочка»); Мы**

сделаем из слона муху (Альфа Страхование); Нашел камень на «Колгейт» (зубная паста «Colgate»); *Strepsils. Когда простуда берет за горло; Незапятнанная репутация* (спрей K2R для удаления пятен).

3. Реклама, как и все формы речевой коммуникации, отражает современные тенденции (экспрессивный, «блочный» синтаксис), когда синтаксические построения становятся все более расчлененными, фрагментарными; формальные синтаксические связи – ослабленными, свободными, что в свою очередь повышает роль контекста внутри отдельных синтаксических единиц и, как следствие, ведет к их смысловой емкости, поэтому элемент рекламного текста – слоган, является несомненной реализацией всех этих процессов. Более того, формируется как синтаксическая единица с отличительными признаками и особенностями. Безусловно, игра слов, искажение правописания, экспрессивный синтаксис и необычное использование знаков препинания являются характерными для рекламы и нередко способствуют созданию наиболее выразительных и успешных рекламных слоганов. «Подчиняясь структуре мысли, синтаксис экономит свои средства, постоянно работая в поисковом режиме. Одним из проявлений этих поисков может служить синтаксическая компрессия и редукция» [3, 227–232]. В синтаксической компрессии, как правило, опускается внутреннее звено конструкции при сохранении крайних: *Мы работаем [пока] вы отдыхает; Будущее [отдам] за настроение; Веселье [пройдет] без похмелья. Алка-Зельцер*. Другое явление синтаксического сжатия структур – это синтаксическая редукция. Синтаксическая редукция понимается как отсечение необходимого грамматического звена в синтаксической структуре. Что приводит к сокращению словесных компонентов. *Она мечтает [о чем?]. Любит [что?]. Вдохновляет [кого?]; В тебе больше [чего?], чем ты думаешь*.

В результате проведенного нами анализа синтаксических особенностей слоганов с точки зрения традиционной лин-

гвистики, предлагаем выделить три группы: слоган-текст: *Достали разрывы соединения? Diesel – стабильный Интернет без тормозов!; Почему дешево? Потому что мы производим и продаем; Лэтуаль. Культ красоты. Не путай запах. Иди на запах. Ползи на запах*, слоган-предложение: *Покупатели выбирают; Ты заводишь меня; Это случится благодаря тебе; Возможности растут!; У красоты есть свой метод; Калория – молочная жемчужина* (с дальнейшим делением на простые и сложные предложения) и слоган-конструкция именительный представления: *Ile De Beaute. Тобой плененный мир; Олгуд. С любовью к себе и заботой о доме; Вектрум. Вектор вашего здоровья!; Алвитил. Формула чистых витаминов; Селмевит. Любое дело по плечу!; Дуовит. Здоровье в красном и синем; АлфаВит. Пейте витамины грамотно*, а также именительный названия: *Солнечный мир здоровья! Сана-Сол*.

4. Известно, что все процессы в языке взаимообусловлены, но наблюдаются некоторые особенности, когда для рекламного слогана контекст особенно важен в процессе семантизации. Но, с другой стороны, слоган с точки зрения синтаксиса выделяется в структурную единицу, имеющую свои особенности как структурного, так и стилистического плана.

Обозначенные процессы, выявленные при анализе рекламных слоганов, отражают, на наш взгляд, наиболее яркие, заметные тенденции, общие для всех разновидностей средств массовой коммуникации.

Литература

1. Костомаров В. Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. М., 2005. 287 с.
2. Комлев Н. Г. Словарь новых иностранных слов. М., 1995.
3. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие. М., 2003. 304 с.
4. Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 1996. 480с.

Анализ идиостиля в коммуникативной стилистике художественного текста на основе теории текстовых ассоциаций

Н. С. Болотнова

Томский государственный педагогический университет

Коммуникативная стилистика, текстовые ассоциации, лексическая структура текста, идиостиль

Summary. The work substantiates and shows a new approach to individual style on the basic of the theory of text's associations.

Изучение идиостиля является одной из ключевых проблем в стилистике художественной литературы (а в связи с антропоцентризмом современной научной парадигмы – и в коммуникативной лингвистике вообще). Интерес к личности писателя стимулирует особое внимание к его стилю, который проявляется в отборе материала, в тематике, в особенностях композиции, в характере эмоциональной тональности произведений, в характерных для автора средствах и способах создания образов, в идее, в жанровых предпочтениях, в отборе и организации языковых единиц и т. д.

Многообразие подходов к анализу идиостиля в рамках стилистики художественной литературы и новых направлений в изучении художественного текста, отражающих интеграцию со смежными областями знания (психопозитики, лингвосинергетики, когнитологии, функциональной лексикологии и т. д.), связано с поступательным развитием лингвистики и сменой научных парадигм [1].

В коммуникативной стилистике художественного текста ([2], [3] и др.) рассматривается *сопряженность деятельности автора и адресата* на основе регулятивной функции текста. В связи с этим меняется подход к анализу идиостиля писателя, проявляющемуся в его *текстовой деятельности*. В снятом виде результаты этой деятельности представлены в тексте, на основе которого происходит диалог автора и читателя. Идиостиль рассматривается как многоуровневое отражение языковой личности создателя в структуре, семантике и прагматике текста, в характерной для автора стратегии организации текстовой деятельности адресата. Данный подход опирается на *теорию речевой деятельности* (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, Н. И. Жинкин, А. А. Леонтьев, И. А. Зимняя и др.), *теорию языковой личности* Ю. Н. Караулова, *концепцию* Т. М. Дридзе об иерархии целевых программ в тексте.

Одно из направлений коммуникативной стилистики связано с развитием *теории текстовых ассоциаций*. Она включает: 1) разработку понятийно-терминологического аппарата (*текстовые ассоциации, ассоциат, маркеры ассоциатов, актуализаторы ассоциатов, текстовые и межтекстовые ассоциативно-смысловые поля ключевых слов, ассоциативное развертывание текста, направление ассоциирования, ассоциативная структура текста, ассоциативно-смысловое поле текста, текстовое ассоциативное поле концепта*); 2) создание типологии текстовых ассоциаций в аспекте первичной и вторичной коммуникативной деятельности; 3) исследование лингвистического механизма формирования текстовых ассоциаций и их роли в творческом диалоге автора и адресата; 4) анализ идиостиля писателей и поэтов с точки зрения использованных ими средств и способов регулирования ассоциативной деятельности читателя [3].

Деятельностный подход к анализу идиостиля не исключает имеющуюся традицию в его изучении, а дополняет ее. При статическом подходе к тексту авторское начало выявляется на основе многоаспектного сопоставительно-типологического анализа ряда произведений писателя и стилистического узуса. При динамическом (деятельностном) подходе к изучению идиостиля наряду с контекстологическим анализом необходима опора на показание языкового сознания читателя и исследователя (*абсолютного читателя*).

Теория текстовых ассоциаций, разрабатываемая в коммуникативной стилистике, открывает новые перспективы для исследования идиостиля писателя. Поскольку диалог автора и читателя происходит на ассоциативной основе, а ассоциации стимулируются главным образом лингвистическими средствами, прежде всего лексическими, необходимо детальное изучение лексической структуры текста с точки зрения способности «управлять» познавательной деятельно-

стью адресата, возбуждать его ассоциации. Выявление механизма стимулирования ассоциативной деятельности читателя осуществляется через анализ регулятивных средств и структур, дающих ключ к коммуникативной стратегии автора и его творческому замыслу.

Познавательная деятельность адресата предполагает сотворчество, которое имеет ассоциативно-образно-логический характер, хотя и основано на знании законов парадигматики и синтагматики языка / речи. Активность читательской позиции выражается в способности воспринимать сигналы эстетической информации и творчески их «перерабатывать» на основе социального и языкового опыта, знаний о мире. Имеющийся в тексте лингвистический механизм актуализации смысла ограничивает субъективность ассоциативной деятельности читателя и связанной с ней интерпретации, регулируя их.

Специфика текстовой деятельности автора проявляется в выборе средств и способов организации сотворчества с читателем, стимулирования его ассоциативно-смысловой деятельности, а также в неповторимости и оригинальности текстовых ассоциаций, материализованных в лексической структуре произведения. *Ассоциативные переключки и параллели*, наиболее характерные для автора *типы ассоциаций*, пронизывающие все его творчество, особенности состава и структуры вербализованных в тексте *ассоциативных полей ключевых концептов* становятся важной приметой идиостиля. Столь же своеобразными, как показал анализ творчества поэтов серебряного века, могут быть и лексически репрезентированные *направления ассоциирования*, формирующие разные типы *ассоциативных структур* поэтических произведений и их *смысловое развертывание* у разных авторов [3].

Обобщим основные результаты исследования идиостиля на основе теории текстовых ассоциаций, полученные в работах по коммуникативной стилистике художественного текста. 1) Обоснована роль *ассоциативных связей* слов в формировании их коммуникативного потенциала, установлены особенности его реализации в творчестве М. И. Цвета-

евой, А. А. Ахматовой, Н. С. Гумилева; 2) изучена роль *ассоциаций* в словесно-художественном структурировании текста, выявлены законы и принципы этого структурирования (коммуникативные универсалии); исследовано своеобразие их воплощения в творчестве И. Бродского и Б. Л. Пастернака, изучена роль *коммуникативных универсалий* в формировании имплицитного смысла в ранних рассказах В. В. Набокова; 3) исследована связь лексической структуры текста с его *ассоциативно-смысловым развертыванием* в творчестве А. А. Ахматовой, М. И. Цветаевой, Н. С. Гумилева, О. Э. Мандельштама; 3. Гиппиус; 5) разработана *теория регулятивно-сти художественного текста*, определяющая его *ассоциативно-смысловое развертывание*, выявлены особенности *регулятивных средств и структур* в творчестве разных авторов; 6) создана методика анализа специфики художественных концептов в лирике разных поэтов на основе моделирования *текстовых ассоциативно-смысловых полей* и их связи в тексте; 7) рассмотрены информативные возможности *ассоциативного поля поэтического текста*; 8) изучена связь между разными типами структур поэтического текста: *лексической, ассоциативной и концептуальной*.

Дальнейшая разработка теории текстовых ассоциаций важна для изучения идиостиля авторов в коммуникативно-когнитивном аспекте и создания методики смысловой интерпретации текстов разных типов.

Литература

1. Болотнова Н. С. Новые подходы к изучению идиостиля в современной лингвистике // Новая Россия: новые явления в языке и науке о языке: Материалы Всеросс. науч. конф., 14–16 апр. 2005 г., Екатеринбург / Под ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 2005. С. 182–193.
2. Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика художественного текста // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожинной. М., 2003.
3. Болотнова Н. С., Бабенко И. И., Васильева А. А. и др. Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль. Томск, 2001. 331 с.

Выражение субъекта и адресата отрицательной оценки в русских и немецких научных рецензиях

Б. Бремер

Институт славянской филологии, Университет в Гамбурге (Германия)

Отрицательная оценка, научная рецензия, вежливость, контрастивная лингвистика

Summary. The talk deals with means of denoting reviewer and reviewee in contexts expressing negative evaluations in Russian and German peer reviews. The analysis shows that Russian peer review texts contain more direct references to the reviewer whereas they impose more restrictions on explicitly naming the reviewee as the addressee of the negative evaluation in comparison with German peer reviews.

Оценочные выражения выполняют в текстах научных рецензий центральную функцию. В то время, как положительная оценка является для автора рецензируемой работы публичным вознаграждением за его вклад в развитие науки, отрицательная оценка работы представляет собой акт речевой агрессии, угрожающий имиджу ее автора. В терминах теории вежливости Браун и Левинсона подобные акты, оспаривающие научную ценность работы, угрожают позитивному лицу (*positive face*) ученого, т. е. его желанию, чтобы другие представители научного сообщества одобрительно отзывались и по достоинству оценивали его труд.

Размер ущерба, который может быть нанесен имиджу автора рецензируемого труда, зависит от того, какие языковые способы выражения критики выбирает рецензент. Степень конфронтативности вербального поведения рецензента определяется его выбором средств выражения оценки, наличием языковых средств, смягчающих критику, а также выражением других компонентов оценочного акта, в первую очередь субъекта и адресата оценки.

Сравнительный анализ 50 русских и 50 немецких рецензий, опубликованных в научных журналах филологического профиля, показывает, что именно в выборе способов номинации как субъекта отрицательной оценки (т. е. в области самоназвания рецензента), так и ее адресата обнаруживаются значительные различия между русским и немецким языками.

Выбор способов указания на лиц, которые являются участниками научной дискуссии, определяет индивидуальную манеру изложения. Рецензент может предпочитать из-

ложение от первого лица, подчеркивающее субъективный оттенок выражаемой критики, или повествование от третьего лица, придающее критике более объективный характер. Первое различие между русскими и немецкими рецензиями состоит в том, что в русских рецензиях при выражении отрицательной оценки гораздо чаще, чем в немецких рецензиях, встречается изложение от первого лица. Непосредственное упоминание рецензента осуществляется введением личных местоимений первого лица и / или глагольной флексией, а также употреблением притяжательных местоимений первого лица, чаще всего в вставных конструкциях. Кроме различий в общей частотности эксплицитного упоминания рецензента в русских и немецких рецензиях, наблюдается и дивергентное предпочтение форм выражения авторского «я». В немецких рецензиях предпочтение отдается лично-эксклюзивной манере изложения, т. е. выражение отрицательной оценки строится исключительно от первого лица единственного числа (Я-повествование). В проанализированных русских рецензиях, однако, представлена как лично-эксклюзивная, так и лично-инклюзивная манера (Мы-повествование) изложения. Использование форм авторского «мы» встречается даже чаще, чем формы я-повествования, особенно при употреблении притяжательных местоимений как средства эксплицитного упоминания рецензента. Выбирая формы *мы* вместо *я*, рецензент символически присоединяется к группе представителей научного сообщества в целом, повышая таким образом степень авторитарности и персуазивности своих суждений. Факт, что в русских рецензиях

употребление выражений отрицательной оценки, построенных от первого лица, оказывается менее ограниченным чем в немецких рецензиях, проявляется и в том, что личные местоимения первого лица в русских текстах встречаются как в именительном падеже, так и в косвенных падежах, в то время как в немецких рецензиях они выступают почти исключительно в косвенных падежах. Другие формы полноценной номинации автора рецензии, как напр. употребление слова *рецензент* или слов, включающих рецензента в более объемную группу адресатов рецензируемого текста (*читатель*), встречаются крайне редко в обоих языках. Несмотря на широкое представление форм личной манеры изложения в русских рецензиях, в обоих языках при выражении критических суждений преобладает все-таки неличная манера изложения. Элиминация субъекта изложения соответствует широко распространенному мнению о стилистических требованиях в научных текстах, поскольку безличность придает критическим замечаниям более объективный онтологический статус. С точки зрения теории вежливости, такая тенденция может быть истолкована как стремление рецензента символически отказаться от ответственности за ущерб, наносимый имиджу оппонента. Поэтому немецкие рецензенты чаще всего прибегают к употреблению конструкций с неопределенным местоимением *man* или к различным родам безличных конструкций, в первую очередь к инфинитивным оборотам с модальными значениями. В русских рецензиях наиболее часто выступают безличные обороты с модальными словами (*следует, приходится* и т. д.), а также словосочетания, позволяющие опустить упоминание автора оценки (напр. *возникает вопрос, X вызывает сомнение* и т. д.).

Подобная тенденция наблюдается и в случае номинации адресата оценки. Под адресатом оценки имеется в виду автор рецензируемой работы, хотя разумеется, что текст ре-

цензий рассчитан на более широкий круг читателей. Здесь в обоих языках тоже преобладает безличная или неопределенно-личная манера изложения с помощью страдательных конструкций, неопределенных местоимений, безличных конструкций с модальным значением и т. д. Различия между немецкими и русскими рецензиями выступают опять же на уровне прямых номинаций адресата оценки. Упоминание фамилии автора рецензируемой работы как наиболее прямой способ номинации адресата отрицательной оценки более типично для немецких рецензий, где фамилии встречаются как в именительном падеже, так и в виде уточняющих определений в косвенных падежах. В русских рецензиях они употребляются реже чем более обобщающие слова (напр. *автор, исследователь* и др.). Кроме того, связь отрицательной оценки с ее адресатом устанавливается путем наименования объекта критики. Выражения, обозначающие рецензируемый текст или его части (*книга, глава* и т. д.), теоретические продукты научной деятельности (*анализ, предположение* и т. д.) или источники информации (*материал, пример* и т. д.), находящиеся в фокусе критики, представляют собой метонимическую отсылку к автору рецензируемого труда.

Следовательно, можно с уверенностью утверждать, что русские и немецкие рецензии отличаются друг от друга тем, что в русских рецензиях с одной стороны чаще используются прямые способы выражения авторского *я*, с другой стороны прямая номинация автора рецензируемого труда подлечит более строгим ограничениям чем в немецких рецензиях. Иными словами, русские рецензенты, подчеркивая субъективный характер выдвигаемой ими критики, придают защите позитивного лица оппонента большее значение, в то время как немецкие рецензенты, скрывая авторство оценки, отдают предпочтение защите собственного позитивного лица и поэтому более склонны к непосредственному именованию своих оппонентов.

Современный русский язык и «русская» (православная) вера

Е. М. Верещагин

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва

Религиозный дискурс, лексический фон, рече-поведенческая практика, сапиентема, луминозный опыт

Summary. The problem of Language and Religion is being neglected in the modern Russian linguistics. So we dare to suggest a new philological conception of the orthodox discourse in the Russian language in terms of 1) sapienteme and 2) luminative experience

1. Религиозный дискурс актуален для современного российского общества, но изучен довольно слабо. Соответственно доклад нацелен на осмысление и описание филологического аспекта проблемы соотношения языка и религии. Феномен не поддается прямому наблюдению, поэтому любое его описание будет лишь догадкой, но косвенные показатели позволяют объективно выявить ряд характеристик религиозного дискурса. В настоящем исследовании (посредством экстраполяции) используется поисковый аппарат, развитый в рамках лингвострановедческой концепции языка и культуры.

2. Опытны проверяются две гипотезы. Согласно **первой**, пригодным исследовательским инструментом является постулируемый нами феномен *сапиентемы* – механизма врожденной человеку объективной (не мистической!) коммуникативной способности (отнодь не обязательно вербальной, но все же знаковой), реализуемой поначалу вне национальной культуры, а затем и внутри ее и факультативно включающей в себя вербализацию, в том числе, парадоксальный образ, и невербализуемого. В последнем случае коммуникация совершается поверх и помимо, но не без слов. **Вторая** гипотеза состоит в предположении, что элементами комму-

никации в богословии, в том числе литургическом, являются не логико-эмпиритивные гипотезы, а – lumina (букв. «[априорные] прозрения»), которые богослов получает в результате хотя и длительных, иногда и поддержанных аскетикой, размышлений-медитаций, но тем не менее симультанно и не от себя самого. Если луминозный опыт захватывает богослова, то он затем тратит время и силы, чтобы сукцессивно и вербально развернуть его (не только для другого, но и для себя). С указанной точки зрения кажущийся рациональным язык богословия ведет, по своей природе, не столько к сообщению позитивных сведений, сколько к трансляции lumina от адресанта к адресату, т. е. к нуминозному наведению на теологумен.

3. Исследуемый фактический материал черпается исключительно из традиционных и новых текстов, обращаясь в пределах Русской Православной Церкви; соответственно много внимания уделяется продолжению Кирилло-Мефодиевской традиции и соотношению в религиозном дискурсе церковнославянского и русского языков. Предполагается затронуть проблему церковнославянского и (синодальной переводы) русского Евангелия как самостоятельной духовной линии в мировой истории и культуре.

Русский межличностный дискурс как объект прагмалингвистики

Т. Е. Владимирова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Прагмалингвистика, межличностный дискурс, принцип взаимности

Summary. Specificity of Russian impersonal discourse is considered.

Развитие прагмалингвистики, основное внимание которой сосредоточено на отношении к языковым знакам говорящих, создало необходимый понятийный аппарат для изуче-

ния межличностного дискурса (далее – МД). Наряду с анализом развивающегося «речевого целого» (синхронический аспект), которое является частью дискурсивной практики и,

– шире, – межкультурной коммуникации (структурный аспект), в поле зрения исследователей вошло описание дискурса как особым образом организованной открытой системы (прагмалингвистический аспект).

Разрабатываемое понимание МД как триединства интенционального, коммуникативного и аксиологического планов опирается на известную триаду Аристотеля: <DYNAMIS – ENERGEIA – ENTELECHEIA>, где dynamis трактуется как «возможность», начало движения или изменения; energeia – как деятельность, действительность, «энергеия»; entelecheia – как «осуществленность», совершенство. Энергийное начало, проявляющееся в «воле говорящего», реализуется в постоянном соотношении с имеющимися аксиологическими представлениями (энтелехией). Целостное взаимодействие интенционального, коммуникативного и аксиологического планов – важное условие перерастания речевого взаимодействия в «глубинное общение» (Г. С. Батищев) и в «диалог на высшем уровне... диалог личностей» (М. М. Бахтин), поэтому оно может рассматриваться в качестве релевантно-го признака МД.

Русская речевая культура выработала самобытную коммуникативную стратегию, направленную на достижение в межличностном общении полноты взаимопонимания, взаимоотношения и взаимодействия. Основополагающая функция принципа взаимности (ср. с принципом кооперации Х. П. Грайса) выражается в создании «коммуникативного контура», в рамках которого происходит накопление личностно значимой информации. Благодаря контекстуальной событийности, возникающей «союзнической экспрессии» и энергийной заряженности высказываний слова не только становятся носителями определенного значения, но и выражают эмоциональное отношение и состояние говорящего. (Параллельно заметим, что ярко выраженная субъективно-эмоциональная окраска, свойственная МД, в значительной степени обусловлена большой долей эмоционально-оценочной лексики в русском языке [Петров М. К. Язык. Знак. Культура. М., 2004]). В итоге это способствует перерастанию установки на взаимность в установку на эмоциональную открытость, искренность, истинность и значимость высказываний, которая дополняется затем установкой «на отвечающего», которая учитывает возможную реакцию адресата (М. М. Бахтин).

Особый статус принципа взаимности в русском этническом «поле поведения и активности» (Л. Н. Гумилев) предопределил «вплетенность» МД в различные типы общественных отношений и, следовательно, в дискурсивную практику в целом. Поэтому, выступая в различных социальных ролях, русская языковая личность как правило не утрачивает внутреннюю идентификацию с самой собой и не ограничивается ролью пользователя языком в программируемых ситуациях общения. Межличностный контакт воспринимается ею как возможность проявить себя в качестве творческой, сопричастной высшим ценностям личности. Ориентация речевого замысла говорящего на достижение взаимности выражается в системном преобразовании начальной прагмалингвистической ситуации. Это, в частности, проявляется в изменении денотативного статуса местоимения 1 лица мн. ч. **мы**, с характерной для него доминантой «первичного единства» (С. Франк). (Ср. **Мы же с тобой не увидимся больше** и **Мне с тобой так хорошо сейчас**.) Так, например, на этапе становления МД оно как правило имеет 1) **значение некоторой общности с адресатом**: <Я – Вы / Ты> (*Куда мы идем?*), а в процессе его развития – 2) **значение совокупной субъектности**: <Я + Вы / Ты> (*Когда будут страшные морозы и мы совсем превратимся в ледышки, мы будем сюда приходить и делать вид, что ждем вызова; Мы нищие студенты*). Характерной особенностью приближения МД к «общению сознаний» (Л. С. Выготский) и к общению «лицом к лицу» (Б. Ф. Ломов), в котором реализуется потребность в эмоционально-чувственном общении, является 3) **значение искомой целостности с адресатом**: единое <Мы> (*Витек, все точно сговорилось, чтобы мы помешались. Первая ночь Нового года, вино, в общежитии пусто – мы одни на всем белом свете* [Л. Зорин]). Каждый из этих условно выделяемых уровней отличается доминирующей установкой, характерным «приращением» семантико-прагматического поля общения и уровнем развивающихся диалогических отношений и свойственной им модальности. Это позволяет представить становление и развитие МД в виде матрицы, которая в самом общем виде раскрывает его процессуальную сторону. При этом каждая последующая ступень в развитии установки, семантико-прагматического поля общения и диалогических отношений включает предыдущую.

<Я – Ты>	<Я + Ты>	единое <Мы>
установка на взаимность	установка на эмоциональную открытость, искренность, истинность и значимость высказываний	установка «на отвечающего»
«приращение» вербально-семантической сферы семантико-прагматического поля общения	«приращение» лингво-когнитивной сферы семантико-прагматического поля общения	«приращение» мотивационной сферы семантико-прагматического поля общения
фатические диалогические отношения (фатическая модальность)	целостные диалогические отношения (субъективная модальность)	согласованные диалогические отношения («общий модус существования»)

Представленное обобщение – результат прагмалингвистического анализа русского МД. Обращая внимание на специфику денотативного статуса местоимения 1 лица мн. ч. **мы**,

автор стремился «раскрыть тот духовный мир, который стоит за словом» (Л. В. Щерба), а следовательно, и за МД, в котором оно реализует заложенный в нем потенциал.

Риторика как научная дисциплина и учебный предмет

А. А. Волков

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

1. Исследования в области риторики в Московском университете начались в конце 60-х – начале 70-х годов после доклада Ю. В. Рождественского на семинаре Проблемной группы по семиотике и первоначально вылились в ряд публикаций ([2], [3]) и диссертаций (В. Н. Радченко, О. П. Брынской, Н. А. Безменовоной) по истории риторики.

Занятия риторикой стимулировались двумя обстоятельствами: своего рода завещанием акад. В. В. Виноградова [1], о котором Ю. В. Рождественский сказал в упомянутом докладе, и тенденциями развития русской словесности. Последнее обстоятельство, разумеется, было определяющим.

В это время стали обнаруживаться (1) стагнация книжного рынка, которая выразилась в увеличении тиражей издаваемой литературы с одновременным сокращением номенклатуры изданий, и (2) смещение читательских интересов в 368

сторону прозаических жанров литературы – философии, богословия, истории, публицистики, что выразилось главным образом в развитии так называемого самиздата. Одновременно руководящие круги стали проявлять известную обеспокоенность состоянием политической пропаганды и уровнем подготовки корпуса пропагандистов. Само упоминание риторики в этих кругах вызывало одновременно отторжение и обостренный интерес. Эти тенденции заметно усилились к концу 70-х годов. Эта ситуация требовала изучения истории риторики и развития ее теории в современных условиях. Универсальной риторики не существует – риторика исходит из факта национального языка и национальной литературной традиции. Эмпирическая база риторики – оратория, гомилетика, публицистика, философская проза. Эти области русской словесности не имели сколько-нибудь

полного и удовлетворительного филологического описания. Главная трудность, однако, состояла в особенностях и строении самой риторики как теории речи, исходящей из принципов различия мнений, личного замысла и публичности.

2. В составе филологических дисциплин риторика занимает особое место, сохраняя в системе своих понятий и в дидактической конструкции след традиции «свободных искусств» – конструктивный принцип: предметом риторики является не анализ высказывания, а его синтез, она ищет ответ не на вопрос «что представляет собой произведение?», а на вопрос «как его строить?».

Риторика изучает закономерности культурных моделей построения прозаического целесообразного высказывания в условиях исторически сложившейся системы речевых отношений в обществе.

Культурная традиция вырабатывает состав и последовательность операций конструирования целесообразного высказывания, которые оказываются нормой отношения мысли к слову. Отсюда – традиционная последовательность риторического построения: изобретение, расположение, словесное выражение (элокуция). Эти операции не являются объектом психологии, поскольку они не относятся к психике как таковой, процесс создания произведения слова и не всегда соотносим с риторической конструктивной моделью. В известном смысле риторической модели подобно структуре генеративных грамматик (сама идея генеративной грамматики, как известно, сложилась в свое время под влиянием риторического рационализма XVII века): реальный человек создает высказывание иначе, чем предполагается логически организованной системой правил, но рационализированная система правил образует своего рода каноническую форму синтеза предложения. В риторике, однако, дело обстоит значительно сложнее, поскольку каждая операция как возможный ход мысли произвольно выбирается для решения частной задачи в рамках общей сформулированной цели и поэтому предполагает использование широкого спектра языковых ресурсов.

3. Риторические модели строятся на основе эмпирического материала прозаической речи в смысле А. А. Потегни и В. В. Виноградова, а сама риторика предстает как филологическая теория прозы. Если рассматривать произведение слова с позиции аудитории, то под поэзией в широком смысле можно понимать произведение словесности, для которых характерно наличие художественного вымысла и содержание которых поэтому не предназначено для оценки с точки зрения истинности или ложности. Под прозой понимаются произведения, содержание которых в принципе предназначено для оценки с точки зрения истинности или ложности. С точки зрения дидактической (а также историко-литературной) риторическими являются те виды произведений, создание которых возможно путем конструирования по определенной модели.

Как поэтические, так и риторические произведения могут быть оценены в литературно-эстетическом плане как художественные и нехудожественные, например, развлекательная печатная продукция («fiction»), текущая деловая речь, научная проза. Кроме того, в литературе обнаруживается множество промежуточных, мозаичных форм, которые можно отнести и к разряду поэтических, и к разряду риторических, а состав и значимость таких жанровых форм различны в разные периоды развития литературы.

4. Современная русская словесность, как и нормы литературного языка, переживают смену исторического стиля, а состояние филологического образования общества, справед-

ливо или несправедливо, часто оценивается как катастрофическое. На деле, современный кризис языковой ситуации состоит, как представляется, в том, что произошел резкий сдвиг литературных интересов общества в направлении деловой, философской и информационной прозы. При смене общих стилистических предпочтений в условиях смены идеологии и развития массовой коммуникации, в особенности Интернета, бурно развивается языковое творчество – от лексических неологизмов, синтаксических новаций до формирования новых литературных и речевых жанров. Речевая подготовка общества, воспитанного в эстетических принципах классической реалистической художественной литературы, оказалась недостаточной для отбора и освоения языковых и литературных новаций: они не укладываются в рамки привычной литературной нормы и вызывают резкое отторжение, а вместе с тем, необходимо возникают в ходе общественно-языковой практики.

5. Вполне очевидно, что вслед за кризисом наступает период стабилизации, но на новом уровне. Современному состоянию русского общества свойственно риторическое мышление, в отличие от прежнего его состояния, для которого было характерно мышление художественно-поэтическое и научное. Риторическое мышление ориентировано на принятие оптимального в реальных условиях решения проблемы, относительно которой высказываются различные точки зрения. Для реализации риторического мышления требуется соответствующий языковой инструментарий.

Достаточно обратить внимание на массовое стремление молодежи к получению риторических профессий – связанных с юридической, деловой, политической деятельностью. В ходе такой деятельности искусство слова, на котором и строятся такие профессии, становится искусством убедительной аргументации. Решительно меняется и образ эстетики слова: прекрасное определяется совершенством реализации предметного замысла. Но главное, возникает острая проблема речевой этики публичной аргументации. Поэтому методология филологического исследования риторической прозы не может сводиться к изучению образной системы произведения, но предполагает анализ риторической аргументации как его содержательной основы, что, в свою очередь, выдвигает требование логико-семантического анализа и оценки произведения.

6. Независимо от того, каковы взгляды и предпочтения организаторов системы образования, принудительная сила реальности современного российского общества диктует развитие риторического образования и риторики как образовательной дисциплины в старших классах общеобразовательной школы и в высших учебных заведениях. Дело не изменят даже эвфемистические замены слова «риторика» или симулирующие риторике дисциплины типа «культуры речи» или «психологии общения». Обществу необходимы разработка и преподавание нормативной теории публичной речи, которая исходит из национальной культурной традиции. Базой такой теории является дальнейшее развитие методов филологического анализа художественной риторической прозы как образцовой в дидактическом отношении и создание истории русской риторической прозы как направления в изучении истории русской литературы.

Литература

1. Виноградов В.В. О языке художественной прозы. М., 1930.
2. Козаржевский А. Ч. Античное ораторское искусство. М., 1980.
3. Рождественский Ю. В. Слово в нашей жизни // Вопросы лекционной пропаганды. Вып. 9. М., 1985. С. 6–21.

Язык современной прозаической пародии: опыт анализа

О. Б. Волкоморова

Тюменский государственный университет

Пародия, пародийность, лингвостилистические приемы

Summary. The article is devoted to linguistic analysis of modern Russian parody. The author is interested in revealing of the lingvostylistic methods of the prose parody's creating.

Обращение к теме представляется своевременным, так как дух пародийности пронизывает все современное культурное пространство. Пародия как литературная форма и пародийность как прием мышления привлекают внимание многих ученых. В мае 2001 года была организована конфе-

ренция «Карикатура, пародия, гротеск: феномены современной культуры» (Российский институт культурологии), в сентябре 2005 – конференция «Языковые механизмы комизма» (Институт языкознания РАН). Были выпущены сборники статей «Проблемы изучения литературного пародирования»

(Самара, 1996), «Пародия в русской литературе XX века» (Барнаул, 2002), «Ирония и пародия» (Самара, 2004). Различные издательства формируют антологии и серии, включающие пародийные тексты (Русская литература XX века в зеркале пародии: Антология М.: Высшая школа, 1993; Антология сатиры и юмора России XX века. М.: Эксмо-Пресс – выходит с 2000 года; Золотая серия юмора. М.: Вагриус – с 2001 года; Клуб 12 стульев. М.: Вече – с 2002 года и др.)

Исследователями отмечается, что современная литература, отечественная и мировая, носит пародийный (и автопародийный) характер. Создается множество произведений, в которых пародийность проявляется на уровне заголовка, системы персонажей, сюжетной линии и т. п. 3.01.2006 был открыт сайт «Литературные пародии» <http://parody.poetry.com.ua>. На нем представлены поэтические пародии Ю. Левитанского, Л. Филатова, А. Иванова и др. Нас интересуют языковые средства и стилистические приемы создания пародийности в художественном прозаическом тексте.

Пародия – специфическое использование различных языковых средств в целях комического подражания стилю какого-либо писателя или литературного произведения (Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. С. 313); вид сатирического произведения, целью которого служит осмеяние литературного направления, жанра, стиля, манеры писателя, отдельного произведения. Пародия может быть направлена против определенных особенностей литературных произведений – тематики, идейного содержания, сюжета, образов героев, композиции, языка (Словарь ли-

тературоведческих терминов / Ред.-сост. Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. М., 1974. С. 259).

Историей и теорией пародии занимались Ю. Н. Тынянов, В. Я. Пропп, Б. Бегак, Н. Кравцов, А. Морозов, О. М. Фрейденберг, М. М. Бахтин, В. И. Новиков, Б. М. Сарнов и др. С. Н. Тяпков, Н. И. Николаев, В. П. Скобелев анализировали русскую литературную пародию XVIII – начала XX веков. Отечественные пародии XX привлекали внимание Г. Мандри, А. В. Млечко (пародии в творчестве В. В. Набокова), Н. А. Нагорной (пародия в поэме В. Ерофеева), М. А. Богомоловой (пародия в текстах Л. Улицкой). Зарубежные пародийные произведения изучали М. В. Вербицкая (в английской литературе), Л. А. Иванова, Г. В. Стрельцова (в немецкой литературе). Античные и средневековые пародии интересовали Е. В. Макаревич (пародия в комедиях Аристофана), Б. Д'Анджело (пародия в средневековой романской литературе), В. П. Даркевича (пародия в литературе и искусстве IX–XVI веков). Фольклорные пародии рассматривали Б. Н. Путилов (пародирование как тип эпических трансформаций), Н. И. Усачева (пародия в немецкой народной сказке).

Исследователи (И. П. Ильин, Ф. Джеймсон, Р. Поириер) выделяют особую форму современной пародии – пастиш (от итал. *pasticcio* – опера, составленная из отрывков других опер; попурри, стилизация).

В современных прозаических текстах используются такие лингвистические способы создания пародийности, как изменение лексической тематики, оксюморон, смешение стилей, использование аббревиатуры, актуализация многозначности слова и др.

Жанры речи и жанры дискурса: к проблеме терминологии

А. Р. Габидуллина

Донецкий национальный университет (Украина)

Речевой жанр, жанр дискурса, текстема

Summary. In the article we differentiate the terms “genre of speech”, “type of the text”, “genre of discourse”. Genre of the text and genre of discourse are found as gender in comparison with aspectual term “genre of the text” and determinate as equal participants of communicative act.

В современном языкознании отношение к речевым жанрам неоднозначно. Часто отождествляются понятия жанр и текст, хотя ставить их на одну таксономическую горизонталь нельзя: текст конкретен и индивидуален, а жанр представляет собой абстрактную схему, отвлеченную от индивидуально-речевой конкретики, он надындивидуален, что сближает его с понятиями стиля и формы.

Важной проблемой в ТРЖ является разграничение понятий «жанр речи» и «жанр (тип) текста». «По нашему убеждению, – пишет К. Ф. Седов, – они принадлежат к различным плоскостям исследования общения. Текстовый подход рассматривает речевое общение в аспекте его внутреннего строения, с точки зрения тех языковых единиц, которые обслуживают межфразовые связи, выполняют композиционную функцию и т. п. Жанр (речи. – А. Г.) есть вербальное отражение интеракции, социально-коммуникативного взаимодействия индивидов» [2, 69].

Ряд лингвистов отмечает несомненное сходство между так называемыми первичными РЖ М. М. Бахтина и речевыми актами. Цель / функция выступают в обеих теориях как главный критерий классификации высказываний. Учеными подчеркивается модельность / схемность речевого жанра и типа речевого акта. Однако есть и существенные различия, на которые обращают внимание современные лингвисты (Е. А. Селиванова, М. Н. Кожина, В. В. Дементьев, Т. В. Шмелева, И. В. Труфанова, С. Дённингхаус, К. А. Долинин и др.). По мнению Т. В. Шмелевой, главное различие состоит в том, что «теория речевых актов обращена к сфере действий, тогда как учение о речевом жанре – к сфере текстов, высказываний как результатов действий» [4, 59]. «Такоое разделение приводит к отождествлению первичных речевых жанров с речевыми актами, – пишет Е. А. Селиванова, – а вторичные жанры связывают с единицей текстового уровня языковой системы – текстемой, которая становится основой РЖ как единицы системы речи» [3, 357]. Обращается внимание на размер РЖ и РА (А. Вежбицка, В. В. Дементьев, М. Ю. Федосюк, О. Б. Сиротинина): РЖ – единица более крупная, чем РА. Поэтому к элементарным, состоящим из

одного предложения, речевым высказываниям применяют термин «речевой акт», а к комплексным, состоящим из нескольких высказываний, – «речевой жанр». Основным отличием РЖ от РА М. Н. Кожина считает диалогичность первого [1].

Сторонники прагматического направления в жанроведении понимают речевой жанр как «вербальное оформление типичной ситуации социального взаимодействия» (К. Ф. Седов, В. Е. Гольдин, В. В. Дементьев, О. Н. Дубровская, D. Swales, V. Bhatia и др.). Особое внимание здесь уделяется факторам реальной коммуникации, когда текстовый тип мыслится как динамическая единица, включенная в типизированный речевой контекст. Речевые жанры (РЖ) понимаются как составляющие дискурса, они являются неотъемлемой частью большинства сценариев (ситуационных моделей), описывающих социальное взаимодействие.

Украинский лингвист Е. А. Селиванова считает, что «установление соотношения текстемы, речевого акта и РЖ требует в первую очередь разграничения текста, инвариантом которого является текстема, и дискурса, инвариантом которого является речевой жанр, а элементарной единицей членения выступает речевой акт. При такой точке зрения РЖ являются классами коммуникативных событий, основываются на соответствующих текстовых клише, характеризуются определенными стандартными установками, коммуникативными стратегиями, особенностями интерактивности и коммуникативной среды» [3, 357].

Итак, понятие «речевой жанр» трактуется в лингвистике достаточно широко. Сюда объединяются и отдельные единицы речевого поведения (речевой акт, речевой шаг, речевой цикл и т. п.), и текстемы (типы текстов), и разные типы сложных и простых коммуникативных событий. Думаем, что имеет смысл разграничивать понятия «жанр дискурса» и «жанр текста» (т. е. текстему, тип текста, вторичный жанр речи, по М. М. Бахтину) как видовые относительно родового «речевого жанра». При этом под дискурсом мы понимаем модель речевого поведения человека как коммуникативной личности, выражаемую системой типических коммуника-

тивных актов – речевых жанров, регулярно осуществляемых в стереотипных ситуациях социального взаимодействия людей. Одним из наиболее важных компонентов ситуации (применительно к речевым жанрам) мы считаем коммуникативное событие.

В институциональных типах дискурса (например, педагогическом, юридическом, религиозном и т. п.) коммуникативные события структурированы, а реализуемый в них дискурс всегда имеет определенную жанровую форму. И тексты, и жанры дискурса «на равных» участвуют в коммуникации (коммуникативном акте): тексты обеспечивают ее содержательно-языковую основу, дискурсивные жанры как совокупность вербальных форм практики организации и оформления коммуникации – содержательно-речевую. Дискурсивные жанры, в отличие от текстов, имеют диалогическую природу и являются средством формализации речевого поведения индивида в стереотипных коммуникативных событиях (простых и сложных). Сложные коммуникативные события (каковыми, например, в педагогической коммуникации являются этапы урока) обслуживаются макрожанрами, имеющими определенную коммуникативную стратегию. Так, дискурсивные макрожанры *эвристическая беседа*, *«слово учителя»*, *школьная лекция* ассоциируются у участников учебно-педагогической интеракции с этапом «изуче-

ние нового материала», *упражнение* – с этапом закрепления или обобщения. Сложные коммуникативные события складываются из взаимосвязанных частных событий, которые обслуживаются микрожанрами дискурса, играющими роль коммуникативных тактик. Таким микрожанром в педагогическом дискурсе может быть историко-лингвистический комментарий, который включается в объяснение материала (например, в макрожанр «слово учителя»). Наряду со сложными речевыми событиями (и их частными подвидами) в учебно-педагогической коммуникации наблюдаются и простые коммуникативные события. Так, в педагогическом дискурсе простые события могут входить в этикетную рамку урока, сопровождающую сложные коммуникативные события с их частными разновидностями: *обращение*, *приветствие*, *замечание*, *похвала* и др.

Литература

1. Кожина М. Н. Речевой жанр и речевой акт (некоторые аспекты проблемы) // Жанры речи. Вып. 2. Саратов, 1999.
2. Седов К. Ф. Дискурс и личность. Эволюция коммуникативной личности. М., 2004.
3. Селіванова О. О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія. Полтава, 2006.
4. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов, 1997. С. 88–98.

Лингвокогнитивный анализ политических текстов (на материале инаугурационных речей российских президентов)

М. В. Гаврилова

Невский институт языка и культуры, Санкт-Петербург

Политический дискурс, когнитивные исследования, концепт, жанр

Summary. This report deals with cognitive strategies of a text organization of a new genre in Russian political discourse – the President's Address. The author represents a linguistic procedure to examine it.

Обращение к выступлениям российских президентов обусловлено возрастанием роли публичного, в том числе устного общения. Кроме того, именно глава государства во многом становится референтной языковой личностью для участников политического процесса, тем самым, оказывая влияние на развитие политического дискурса. Однако, на наш взгляд, речевые аспекты профессиональной деятельности политика, устные формы взаимодействия власти с народом недостаточно изучены. Мы предлагаем использовать в качестве перспективного метода исследования когнитивный подход, который не только связывает форму речевого произведения с такими универсальными познавательными процессами, как порождение речи, интерпретация сообщения, семантический вывод с определением коммуникативных устремлений и прагматических целей автора, но в определенной мере ставит вербальное оформление сообщения в зависимость от языковой компетенции автора и его внеязыковых знаний. Эту особенность когнитивного подхода используют для выявления представлений политика о структуре политической ситуации, о целях политической деятельности, о ценностной ориентации политика и т. п. Другим преимуществом когнитивного подхода является возможность выснить ментальные схемы или когнитивные модели, которые лежат в основе политического текста. Структура и содержание этих когнитивных моделей имеют большое значение для эффективного речевого взаимодействия различных политических сил России, поскольку позволяют выявить особенности мышления представителей государственных и негосударственных политических институтов в определенный исторический период, а также строить предсказывающие модели в политологии.

Президентский дискурс представляет собой сложное и многомерное речевое образование, в котором наблюдается процесс взаимодействия речевых структур различных жанров, которым присущи историческая изменчивость, культурно-национальная обусловленность, индивидуальные предпочтения.

В настоящее время в русском политическом дискурсе выработываются нормы и принципы составления текста инаугурационной речи как одного из торжественных выступлений главы государства.

Инаугурационная речь и послание Федеральному собранию – особые речевые формы, с которыми может выступать только глава государства. Инаугурационная речь – ритуально важный политический текст, который занимает высокое положение в системе политической коммуникации. Первое выступление новоизбранного президента формулирует идейную основу для объединения общества на новом этапе развития страны. Инаугурационная речь как один из основных идеологических инструментов политической коммуникации представляет собой строго функциональный текст и создается группой людей, хотя личностное начало вступающего в должность президента ощущается достаточно сильно. За пафосными высказываниями политического лидера обычно скрывается жесткая идеологическая конструкция.

Поскольку инаугурационная речь, являясь новым жанром русского политического дискурса, не подвергалась комплексному лингвистическому анализу, мы предлагаем следующую процедуру описания жанра: исследование контекста коммуникативного события, глобальной организации дискурса (схематической суперструктуры, тематической макроструктуры), экспликации понятия «президент», пространственно – временной структуры, репрезентации политических ценностей, концептуальной структуры инаугурационной речи, лексико-синтаксических особенностей употребления ключевых концептов русского политического дискурса («Россия», «народ», «власть»), риторических приемов.

Лингвокогнитивный анализ инаугурационных речей российских президентов позволил выделить обязательные устойчивые компоненты композиционной структуры выступления: обращение к адресату сообщения; положительная оценка деятельности бывшего президента; благодарность сторонникам, отдавшим свой голос за избранного президента; обращение к избирателям, которые голосовали за других кандидатов; определение цели развития страны; уверенность в возможности реализовать поставленные задачи; обещание президента достойно выполнять свои обязанности; кульминационный финал. В инаугурационных выступлениях российские президенты обращаются к теме единства нации, к историческому прошлому; подчеркивают значимость момента и новизну ситуации; говорят о необходимости преобразований, определяют роль и персональную

задачу президента. Общими семантическими макропропозициями являются утверждения: избрание на пост главы государства – это высокое доверие и честь; народ выразил свою волю, избрав президентом именно этого кандидата; президент будет действовать в соответствии с Конституцией, выполняя присягу; цель деятельности главы государства – повышение благосостояния народа; для достижения цели важна помощь и поддержка всех граждан; основные задачи президента – государственные интересы и служение народу;

президент уверен в улучшении ситуации. Обязательным элементом концептуальной структуры инаугурационных речей российских президентов является концепт «единство», реализуемый на различных дискурсивных уровнях.

Следует отметить, что формирование закрепленной структурной организации инаугурационной речи допускает вариативность ее языкового наполнения, что приводит к возникновению новых смыслов, вбирающих в себя значение, индивидуальность автора и дух времени.

Речевая агрессия: варьирование к условиям поликультурной среды

Т. В. Гамалей

Дагестанский государственный университет, Махачкала

Речевая агрессия, стратегии речевого поведения, поликультурность

Summary. The factors of intolerant behavior and specifying means to counter speech aggression in multicultural environment.

В «войне Севера и Юга», практически укорененной в сознании общества средствами массовой информации, южане, так называемые «лица кавказской национальности», представляют, несомненно, более агрессивную сторону противостояния. Обостренное чувство собственного достоинства, сильно развитое представление о приоритетности маскулинного начала в жизни как социума, так и отдельной личности, незыблемость и даже сакральность некоторых концептов: религии (ислама), семьи (прежде всего – родителей, кровных родственников), рода (тухума), национальной принадлежности, табуирование ряда тем (например, смешивания гендерных ориентаций и др.), обращение к которым вызывает резко негативную, взрывную реакцию, – это неполный перечень факторов, стимулирующих их интолерантное поведение.

Если в массовом общественном сознании возникнут и, главное, укоренятся идеи мирного и равноправного сосуществования граждан Российской Федерации, то необходимым представляется определение моделей речевого поведения в инокультурном контексте, в которых должны учитываться следующие параметры: скорость агрессивной реакции, то есть особенности перехода от толерантного к агрессивному

поведению, различие в речевых стратегиях участников конфликтной ситуации, прежде всего, особенности использования пейоративной, обсценной лексики, соотношение эвфемистической и дисфемистической лексики, определение табуированной лексики, вербализация которой не оставляет возможности для выхода из конфликта (достаточно вспомнить поведение французского футболиста, этнического араба З. Зидана в подобной ситуации), «конфликтные круги», то есть темп «затухания» конфликта, стратегии выхода из конфликта и под.

Наблюдения за природой речевой и поведенческой агрессии в Дагестане позволяет выявить существенные отличия в стратегии речевого поведения дагестанцев и жителей северных регионов, определить так называемые «ложные сигналы речевой агрессии», неверно интерпретируемые участниками коммуникации, и «усилители агрессивной информации».

Поликультурная среда, формируемая представителями не только разных социумом, но и, что не менее важно, разных ментосов, диктует необходимость учитывать параметры коммуникативной безопасности – это один из основных факторов ее витальности.

Изучение стилей произношения: краткая история

Ж. В. Ганиев

Московский городской педагогический университет

История изучения русских стилей произношения

Summary. Two historical phases in study of pronunciation styles in Russian are considered in these thesis (18th and 20th centuries).

0. Теория стилей произношения была сформулирована одновременно с возникновением русской фонетической науки [Тредиаковский, серед. 1740-х гг.], диглоссия же осознавалась книжными людьми на Руси с начала православия. Спустя 7 столетий Г. В. Лудольф написал известные строки: «...Невозможно ни писать, ни рассуждать по каким-либо вопросам науки и образования, не пользуясь славянским языком» [Лудольф 1696; 1937]. А протопоп Аввакум признавался «...Люблю свой русской природной язык, ...того ради я и не бегу о красноречии и не уничтожаю своего языка русскаго».

Научно-учебное конвенциональное противопоставление церковнославянских звуков русским в вариантах словоформ (при близости или общности лексико-грамматических значений) длилось около 100 лет, вплоть до трудов А. С. Шишкова и А. Х. Востокова.

Современный этап в изучении стилей произношения естественно связан с пробуждением интереса к систематическому изучению живых языков, он теоретически оформлен в трудах И. А. Бодуэна де Куртенэ (Казанская и Петербургская лингвистические школы), причем это сделано до появления похожих теорий в западноевропейской лингвистике («Движение реформы», «Новая волна» и т. д.).

1. Культурная секуляризация (отделение сакральной духовной жизни от светской, в частности для развития наук и их языка), переход книжности на русскую основу по пове-

лению Петра были исторической неизбежностью, как и отставание русского нового времени от европейского кватроцента [Ольшки 1933]: важнейшим компонентом культурных процессов на Руси был своего рода историзм, проявлявшийся и как историческая память, и как историческая ответственность. В XVI в., когда Запад уже накладывал свой отпечаток на историю почти всех стран мира, Зиновий Отенский сомневался, следует ли «уподобляти и низводити книжные речи от общих народных речей» или, наоборот, «от книжных речей и общия народныя речи исправляти». Потребовалась царская воля для культурного переворота (хотя бы в больших городах); причиной громадной разницы между Русью и Западом в этом отношении был и традиционный восточноевропейский деспотизм (см. о деспотии у Юрия Крижанича в «Политичных думях, или Разговорах о владетельству», XVII в.).

Попытка В. К. Тредиаковского создать прецедент литературного языка на русской барочной основе (1730 г.) в целом объяснялась концептуальным влиянием Европы во времена царствования Анны Иоанновны. Позже, в политических условиях 1740-х гг., став сторонником «родного», «нашего» церковнославянского языка, он назвал наибольшее число оппозиций в «славенском» и русском (простонародном) произношении. Хотя метания Тредиаковского не нашли поддержки у его младших современников, М. В. Ломоносов, А. П. Сумароков, А. А. Барсов и др. продолжали придержи-

ваться мнения о различиях в высоком и простом произношении. Почти столетнее использование церковнославянских звуковых отличий расценивается как зацепка за средневековую книжную речь. Произносительные церковнославянизмы закрепились в русской книжной речи в разное время: изначально различались заударные местоименные окончания *-кий, -гий, -хий* и *-гой, -кой, -хой*, пары [ч'н – шн] и т. д.; оканье как черта книжного языка определилось с развитием аканья в живой речи (с XIV в.), а [γ] было насаждено в XVII в. юго-западным клиром в период церковной «справы».

Интерес общества и школы к произносительным церковнославянизмам как приметам высокого стиля упал вместе с идеологическим поражением архаистов. Остатки церковнославянской огласовки постепенно превратились в факты русской орфоэпии, не более.

2. Предпосылки к различению стилей произношения во втором этапе впервые находим в трудах Бодуэна де Куртэна в 70-е гг. XIX в. и позднее.

Из всех концепций о стилях произношения, родившихся в русистике за последние 100 лет, наиболее продуктивной в общезыковедческом и культурноречевом плане является точка зрения Л. В. Щербы. (А ргoгoс в связи с этим нельзя оставить без внимания многочисленные замечания русских театроведов последней трети XIX – начала XX в., оставленные ими для актеров и людей «из общества».)

Изучение функционального распределения вариантов произношения, уже систематизированных для европейских языков (П. Пасси, Г. Суит и др.), не входило в программу зарубежной командировки Щербы в 1906–1909 гг. Вместе с тем, сблизившись в ходе работы над кандидатской диссертацией с руководителем Международной фонетической ассоциации в Париже (П. Пасси, А. Рамбо и др.), Щерба почерпнул в тогдашних французской и английской фонетических школах «Новой волны» стремление стратифицировать варианты литературного произношения, как они его понимали. Такое направление в русистике по-своему и капитально было оформлено Щербой в 1915 г. («О разных стилях произношения...»); кстати, Щерба писал о вариативности в общепринятом произношении уже начиная с 1909 г.). Вновь

он вернулся к этой теме, как бы комментируя известную статью Д. Н. Ушакова «Русская орфоэпия и ее задачи» (1928), в неопубликованной при жизни работе «К вопросу о русской орфоэпии». Привлекают внимание две великолепные мысли Щербы: в методических целях следует различать два стиля произношения (четкое и проявляющееся в непринужденной речи) и соответственно в фонетическом (орфоэпическом) словаре должно быть две колонки, где бы эти стили были отражены (к примеру, *здра(в)ствуйте* и *здрасте*).

Московское направление в фоностилистике возглавил Р. И. Аванесов (см. его «Русское литературное произношение», 6-е изд. 1984 г.). Очень интересный материал, в том числе и для Аванесова, был представлен М. В. Пановым в новаторской статье «О стилях произношения...» [Развитие совр. русского языка 1963]; проблема несколько видоизменена автором к 1979 г. («Современный русский язык. Фонетика»).

3. М. В. Ломоносов, будучи истинным православным человеком и сторонником традиций в сохранении церковнославянских элементов, поддержал конвенциональное различение церковнославянского (книжного) и русского произношения, назвав 10 оппозиций (иначе и не могло быть). Вместе с тем в споре с Тредиаковским 1746 г. проявилась амбивалентность исследовательского подхода Ломоносова: обиходная речь слышалась в виде «невястного произношения в тихих разговорах», ему противостояло отчетливое произношение, например «когда один другому издали кричит» [Ломоносов 1952]. Конгениально в начале XX в. Щерба написал о «полном стиле» так: «Мы всегда так произносим, ... когда говорим из другой комнаты, когда говорим занятому, рассеянному, тугоухому и т. п.» [Щерба 1915]. Другое произношение, по Щербе, проявляется в связной непринужденной речи [Щерба 1957].

В русистике еще нет работ, где бы весь необходимый произносительный материал был рассмотрен в виде реальных вариантов нормированного произношения (намерения Щербы в главе «Фонетика» Грамматики 1952 г. очевидны, но глава осталась неоконченной). Как представляется, дальнейшая разработка проблем стилей произношения возможна в тесной связи с социофонетикой [Ганиев 1976] при наличии экспертных оценок произносимых текстов.

Узурпация номинаций в русском политическом дискурсе

Д. Б. Гудков

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Дискурс, вербальное воздействие, десемантизация, семантический сдвиг

Summary. The usurpation of it's interpretation of social significant concepts by a certain social group is observed.

Политический дискурс агонален по определению. Целью политика является достижение и удержание власти в борьбе со своими противниками. При самой грубой схематизации участвующих в коммуникативных практиках в рамках политического дискурса можно классифицировать следующим образом: субъект власти, объект власти («народ»), противник(-и) власти. Как обладающие властью, так и стремящиеся к ней апеллируют к народу, при этом коммуникация строится по модели «вождь – толпа» (С. Московичи). При любых формах правления, при любых политических режимах «вождь» стремится заручиться поддержкой «толпы», управлять ею, влиять на ее поведение, формируя у нее выгодную для себя и способствующую достижению тех или иных целей «вождя» картину мира и ценностную шкалу. «Вождь» при этом может быть и коллективным: политическая партия, социальный институт, газета и т. д.

Существует множество стратегий, тактик и рожденных ими конкретны техник воздействия на «толпу», значительная часть которых хорошо известна еще со времен античности. Мы остановимся лишь на вербальном воздействии и лишь на одном из приемов подобного воздействия. Речь пойдет об узурпации номинаций. Это объясняется как широкой распространенностью данного приема, так и его эффективностью. Под узурпацией номинации понимается навязывание некоторой социальной группой (в самом широком понимании) своего толкования того или иного концеп-

та, являющегося весьма неоднозначным, всему лингвокультурному сообществу, присвоение себе исключительно права на использование / отказ от использования выражающего концепт слова и его дериватов по отношению к различным объектам и явлениям действительности.

В качестве примера рассмотрим три таких концепта и их функционирование в современном русском политическом дискурсе: *цивилизация, право, демократия*. При этом нас будет интересовать употребление в текстах СМИ таких слов и устойчивых дескрипций, как *цивилизированная страна, правовое государство, демократ*. Анализ текстов показывает, что при использовании указанных единиц происходит трансформация их семантики, можно говорить о 1) «сужении» значения, 2) «сдвиге» значения. При этом для политического дискурса характерны сведение градуальных оппозиций к бинарным и жесткая аксиологичность, т. е. приписывание тому или иному объекту, явлению и т. п. однозначных и жестких оценок, занимающих крайнее положение на шкале «хороший – плохой».

Функционирование устойчивой дескрипции *цивилизированная(-ые) страна(-ы)* является ярким примером «сужения» значения. Авторы многих текстов в отечественных СМИ рисуют картину мира, в которой *Западная цивилизация = цивилизация*. *Западная цивилизация* метонимически замещает любую цивилизацию вообще, причем иные цивилизации лишаются права на это имя.

«Сдвиг» значения наглядно виден при анализе употребления такого имени, как *демократ(-ы)*. Самоназвание представителей определенной социально-политической группы является, вероятно, наиболее ярким примером узурпации номинации, причем проведенной весьма эффективно, с максимальным результатом. Легко заметить, что в современном русском лингво-культурном сообществе *демократом* именуют отнюдь не сторонника демократии, т. е. не того, кто считает народ источником власти, а его волю обязательной для носителей этой власти, а человека, исповедующего либеральную (назовем это так) идеологию

Подобное употребление указанных единиц ведет к тому, что границы и без того достаточно размытых, не имеющих однозначного толкования понятий (такова, вероятно, судьба всех абстрактных концептов) окончательно разрушаются, а сами они становятся фактически асемантичными

ми, о чем свидетельствует, кстати, их употребление в качестве инвектив.

Десемантизация сопровождается аксиологизацией, т. е. для большинства из тех, кто употребляет слово *демократия*, оно означает или «что-то такое очень хорошее», или «что-то такое очень плохое», употребление оказывается не денотативным, а коннотативным. То же можно сказать о *цивилизированной стране* и *правовом государстве*. Социально значимые понятия, стоящие за этими лексическими единицами, фактически перестают существовать. Это не может не вызывать тревогу.

Десемантизация рассматриваемых лексических единиц и разрушение стоящих за ними понятий неизбежно воздействуют и на модели социального поведения, существующие в лингво-культурном сообществе, причем воздействие это трудно признать позитивным.

Старое и новое знание: конфликт или взаимодействие? (на материале научной коммуникации)

Н. В. Данилевская

Пермский государственный университет

Динамика текстообразования, дискурсивный анализ, познавательная деятельность, компоненты знания, познавательная функция оценки

Summary. Old and new knowledge: a conflict or interaction? (Based on the material of scientific communication). The dynamics of developing a scientific text to a certain extent reflects the dynamics of a cognitive process. At the same time the changing of the knowledge available in the text from hypothetical to more valid is fulfilled according to the principle of its pithy and thematic accessibility for the broad continuum of special scientific information: proper new knowledge of a researcher becomes scientific only under conditions of its going into the system of available knowledge. Guided by already known information the new knowledge acquires substantiation, theoretical and practical value and becomes cognitively and logically rightful both for an author and a reader, but what is more important – for the science in general.

Известно, что динамика развертывания научного текста в определенной мере отражает динамику познавательного процесса. При этом движение представляемого в тексте знания от гипотетического ко все более обоснованному осуществляется по принципу его содержательно-тематической открытости широкому континууму специальной научной информации: собственно новое («свое») знание исследователя становится *научным* только при условии его (знания) «вписанности» в систему наличного (т. е. «чужого») знания. Благодаря опоре на известную научную информацию информацию, новое приобретает контуры обоснованности, теоретической и практической ценности, становится когнитивно и логически правомочным как для автора, так и для читателя, но главное – для науки в целом.

Переплетение известного и нового пронизывает весь процесс развертывания научного текста и выступает в нем в качестве одного из текстообразующих механизмов, а также является инструментом смыслообразования, поскольку отражается в речевой ткани особенностей организации научного мышления. Таким образом, анализ глубинного уровня текста говорит о том, что конфликт «старого» и «нового» знания в научной коммуникации (о чем пишут некоторые исследователи) оказывается не конфликтом, а скорее взаимодействием, диалектическим единством, в рамках которого обе стороны (и старое и новое знание) одинаково ценны.

Наблюдения над процессом развертывания научного текста убедительно свидетельствуют о том, что взаимодействие известного и нового осуществляется по принципу *чередования* компонентов старого и нового знания. Это чередование реализуется: 1) как взаимодействие компонентов научно известного («чужого») и научно неизвестного (собственно авторского, «своего») знания – *интертекстуальное чередование*, т. е. взаимодействие компонентов *научно старого* и *научно нового* знания; 2) как взаимодействие компонентов знания, известного читателю по данной коммуникации и пока неизвестного, выражаемого в тексте впервые – *интратекстуальное чередование*, т. е. чередование *коммуникативно старого* и *коммуникативно нового* знания. Важно, что интер- и интратекстуальное чередование пронизывает весь текст в целом (имеются в виду тексты академических жанров – статьи и монографии) и является поэтому нормативным для научного стиля. При этом важно, что интертекстуальный план чередования компонентов знания формирует лишь внешний уровень концептуальной систе-

мы как нового научного знания. Собственно же смысловой уровень, само онтологическое ядро нового знания формируется преимущественно за счет интратекстуального чередования компонентов знания.

Основой взаимодействия компонентов старого и нового знания и их текстообразующей роли выступает критическая *оценка* старого знания (в процессе его анализа), представляющая собой те или иные исходные ментальные действия, которые познающий субъект осуществляет при определении своего отношения к содержанию объекта познания. Эти познавательно-оценочные действия, благодаря выявлению негативных (устаревших) сторон предшествующего знания и перспективы нового подхода к объекту, его потенций, «приводят в движение» смысловое и речевое развертывание текста, завершая формирование механизма текстообразования в научной сфере деятельности – осмысленного функционально-стилистически через идею взаимодействия компонентов старого и нового знания.

Познавательно-оценочные действия соотносятся с эпистемической (познавательно-речевой) ситуацией – совокупностью взаимосвязанных признаков коммуникативно-познавательной деятельности в единстве онтологического, методологического, аксиологического, рефлексивного и коммуникативно-прагматического аспектов. При этом *ведущим*, *определяющим* функционирование других аспектов и саму динамику текстообразования является **аксиологический аспект**.

Высокая роль оценки в познавательном процессе определяется самой методологией познания, ибо познать – значит уяснить, как это сделано, для чего необходимо предвзительно оценить, в какой степени познан данный объект, какие стороны его изучены недостаточно и каким образом они могут быть исследованы. Единство и взаимопроникновение друг в друга аспектов эпистемической ситуации отражается в единстве и интегративности всех познавательно-оценочных действий, воплощенных в научном тексте.

Познавательно-оценочные действия и компоненты знания, взаимодействуя на общетекстовом пространстве и вступая друг с другом в иерархические, синтагматические и парадигматические отношения, обеспечивают логику изложения, содержательную целостность и композиционную упорядоченность научного произведения, а в целом – смысловую полноту, обоснованность и доступность нового научного знания читателю в процессе восприятия им содержания текста.

Некоторые наблюдения над общими и специфическими явлениями в языке русской эмиграции (на материале воспоминаний эмигрантов «первой волны»)

Г. В. Денисова

Пизанский государственный университет (Италия)

Язык русского зарубежья в последние годы все чаще привлекает к себе внимание не только отечественных лингвистов, но и иностранных специалистов, прежде всего, славистов из тех стран, где сложились русские диаспоры. Как уже неоднократно отмечалось исследователями, русский за рубежом отличается своей неоднородностью и многоликостью как по вертикальной оси (разные «волны» эмиграции), так и в горизонтальном срезе (в рамках одной «волны»). Среди факторов, влияющих на сохранение / потерю русского обычно выделяются следующие: уровень образования, заинтересованность в сохранении родного языка (иногда это связано с профессией) и социальные условия жизни за границей.

В задачи настоящей работы входит установление корреляции между стратегиями языкового поведения двух представителей первой волны эмиграции, язык которых был сформирован до отъезда из России в 1920-е годы. Основным материалом составляют рукописи воспоминаний, которые хранятся в Бахметевском архиве Колумбийского университета (Нью-Йорк, США – Columbia University, Rare Books and Manuscript Library). Для анализа предлагаются записки белогвардейца В. В. Хороманского, который в 1930-е годы был генеральным секретарем Русского Трудового Христианского движения во Франции, а также Н. А. Купфера, зондерфюрера немецкой армии и участника РОА (известной также как власовское движение), после окончания войны переселившегося в Бразилию. У выбранных информантов имеется целый ряд объединяющих их существенных признаков, а именно (1) они составляют одну волну эмиграции; (2) успели получить до эмиграции полное или частичное образование на русском языке; (3) покинули Россию по одной и той же причине и в один и тот же исторический момент, но оказались на постоянном месте жительства в разных

странах. Таким образом, данные документы, не подверженные воздействию какой-либо редакторской правки, являются подлинными свидетельствами высокого уровня владения русским письменным языком во всей широте его функциональных и стилистических регистров и позволяют, с одной стороны, выявить некоторые отличия в речевом поведении (которые могут объясняться, в том числе, влиянием разных языковых сообществ), а с другой, – подтвердить некоторые из выявленных лингвистами языковых тенденций, общих для речи эмигрантов первой волны (речь идет, прежде всего, о морфологических изменениях, затрагивающих, в основном, категорию имени существительного; о лексических особенностях, связанных с использованием устарелой лексики, калек и т. д., а также о некоторых синтаксических отклонениях, вызванных иноязычным влиянием). Отдельно нами будут рассмотрены наименования покинутой страны и ее реалий (так называемые «советизмы»).

Мемуары старой эмиграции, однако, помимо возможности изучения новейшей истории развития русского литературного языка, дают интереснейший материал для исследования феномена поликодowości в речевых стратегиях билингвов. Поэтому основное внимание в работе предполагается уделить вопросу повышенной языковой рефлексии эмигрантов первой волны, которая проявляется в сознательном контроле над речью и, как следствие, – в особенности употребления иностранных слов и выражений. Последнее связано с нередким для старой эмиграции многоязычием, которое распределяется ситуационно и / или тематически и обычно реализуется в «переключении кода» (code switching), в отличие от «смешения кодов» (code mixing), характерного для представителей последней эмиграционной волны.

Событие – текст – личность в сельской речевой культуре

О. Н. Дубровская

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

Коммуникативное событие, сложное речевое событие, текстовое событие, социокультурный контекст, сельская речевая культура

Summary. Recordings of dialect texts with the account of events of a private life are examples of ‘oral history’ and a source of information for the reconstruction of the forms of social communication of a certain epoch. Communicative events of social significance with the primary role of speech component are treated as complex speech events. Vivid examples of such events and their influence on the life of ordinary people are provided by the stories of people living in Russian villages. The relations between the events described and the attitude of narrators to them are presented in cognitive and sociolinguistic perspective.

Правомерность использования фактов языка и речи как основы для определения сущности коммуникативных событий представляется очевидной, поскольку коммуникативные события большей частью основаны на речевом взаимодействии, а язык является формой отражения или фиксации картины мира, объективируя когнитивные аспекты мировосприятия. Жизнь человека состоит из событий разного рода, в том числе эксплицитных, имеющих социальную значимость.

Рассказы о жизни, воспоминания являются ценным источником сведений об определенной исторической эпохе. Эта ценность заключается как в важности фиксации определенных исторических фактов и описаний («устная история»), так и в особенностях речи говорящего или пишущего, как представителя определенного поколения. Это позволяет определить степень проникновения общественного, социального в судьбу отдельного человека. В таких повествованиях событийность является основой изложения материала. Человек реагирует только на такие события, которые оказались для него значимыми, «попали в поле его зрения», то есть он способен их оценивать или интерпретировать определенным образом.

Объектом настоящего исследования являются события, зафиксированные в виде имен, или описания событий в текстах воспоминаний и рассказов о жизни. Из всего контину-

ума событий особый интерес представляют сложные речевые события. Это понятие является теоретическим конструктом и не используется авторами текстов – повествователями.

Под сложными речевыми событиями (модифицированный термин этнографии коммуникации) понимаются коммуникативные события общественного характера, назначаемые, контролируемые, имеющие сложную структуру (состоящие из ряда простых и / или других сложных событий), в которых речевой компонент реализуется в виде определенного набора речевых жанров (*заседание, выборы, свадьба, совещание, конференция* и др.). Фрейм события создают предсобытие, локальная и темпоральная локализация событий, участники, выполняющие различные социальные роли, а также акциональный и предметно-символьный планы.

Стремясь хронологически последовательно изложить материал (история жизни в наивном сознании является линейной), рассказчик старается найти опору в пространственных и темпоральных ориентирах. Тем самым создается фон, на котором локализуются события или дается оценка некоторых событий. Передаваемая средствами естественного языка информация о событиях в текстах-воспоминаниях не является воспроизведением конкретных событий, но интерпретация определенных когнитивных единиц, зафиксированных в сознании и передаваемых языковыми средствами. Используя терминологию В. Я. Демьянкова, такие тексты-

воспоминания можно рассматривать как текстовые события, интерпретация и оценка которых навязывается рассказчиком. Субъективное представление событий и их оценка в анализируемых «рассказах о жизни» соответствует основным положениям концепции Демьянкова о соотношении события и текста.

В качестве материала исследования послужили записи диалектных текстов и автобиографических рассказов представителей сельской речевой культуры. Основные свойства события – пространственная и временная локализованность – превращают событийные имена в тексте в темпоральные ориентиры. Для сельской речевой культуры это, прежде всего, религиозные праздники. Например:

и вот как раз мы на- этой / на- Масленской неделе / ну маненечко сидели / собрали там человек пяток / десяток // а то это раньше / вот сейчас какие свадьбы -ти устраивают? а у- нас этого не- было (женщина, 1916 г. р. Записано 6 июля 1996 года, с. Белогорное).

События общественной жизни влетают в цепочку событий частной жизни:

вот вы это этого не- помните / там Вышинского выбрали / голосовали всё / вот как это нонче [запись сделана 6 июля 1996 г., а 3 июля проходил второй тур выборов Президента РФ] / *Дубининова какого-то выбирали / да // вот я как раз пришла с- выборов -та / и значит рожать мне // я нонче родила* (женщина, 1916 г. р., с. Белогорное).

В записях рассказов о жизни выделяется гендерный аспект интерпретации событий. Встречаются характерные черты, отличающие повествование мужчин от рассказов женщин. Прежде всего это связано с тематикой рассказов. В женских рассказах, например, упоминаются такие события как *свадьба, рождение детей, мужа забирают в армию, его возвращение из армии* – эксплицитные события жизни женщины и ее семьи. У мужчин основные события связаны с работой и общественной деятельностью.

Анализ сложных речевых событий в текстах-воспоминаниях позволяет выделить не только гендерные особенности, но и рассматривать сельскую коммуникацию в социально-историческом аспекте, а в событийном континууме выделить культурно-исторические реалии.

Взаимоотношения разговорной литературной речи и просторечия в современном русском языке

Е. В. Ерофеева

Пермский государственный университет

1. В русском языке литературная разговорная речь и просторечие – формы языка, обслуживающие повседневную бытовую речь и, соответственно, выполняющие если не тождественные, то очень близкие функции.

2. До недавнего времени взаимоотношения разговорной литературной речи и просторечия в русском языке строились как отношения противопоставления. При этом можно было говорить по крайней мере о двух оппозициях: по отношению к кодифицированному литературному языку и по характеристикам носителей.

3. Отношения кодифицированного литературного языка и разговорной речи описывались обычно как отношения диглоссии (см. Е. А. Земская, Л. П. Крысин). Эти формы противопоставлены по функциям, но не противопоставлены по составу носителей. Просторечие рассматривалось как форма, противопоставленная и кодифицированному литературному языку, и, соответственно, разговорной речи как по языковым проявлениям, так и по составу носителей.

4. В настоящее время, однако, состав носителей разговорной литературной речи расширяется, в то время, как состав носителей кодифицированного литературного языка сужается. Кроме того, размываются четкие границы между носителями просторечия и носителями разговорной литературной речи, т. е. их нельзя уже строго противопоставить по социальным параметрам. Это приводит к тому, что разговорная речь становится промежуточной формой между кодифицированным литературным языком и просторечием. Просторечие и разговорная литературная речь сближаются по своим языковым параметрам и по характеру носителей.

5. Итак, можно поставить вопрос и перестройке регистров в современном русском языке. Снимается оппозиция между разговорной литературной речью и просторечием (в связи с чем можно говорить об исчезновении просторечия как формы языка в целом), однако более четко противопоставляется кодифицированный литературный язык и бытовая разговорная речь.

Социолингвистический облик провинциального города

Т. И. Ерофеева

Пермский государственный университет

В последние десятилетия XX в. получены значительные результаты исследования разговорной речи горожан, имеющие огромную практическую и теоретическую значимость в сфере лингвистики в целом и социолингвистики в частности. Отчетливо проявилась территориально-функциональная окрашенность устной литературной речи, вызванная воздействием местных диалектов. Кроме того, устная литературная речь испытывает влияние разных социальных факторов, которые присущи носителям литературного языка. Социальные факторы выступают вторым доминирующим признаком в создании основы, способствующей образованию локальных вариантов устной литературной речи. В многогранной сложной жизни современного русского литературного языка эта проблема занимает далеко не последнее место и актуальна в плане опыта для других славянских языков.

С 1965 года в Пермском университете складывается социолингвистическая научная школа, в центре внимания которой находится социопсихологический аспект речевой деятельности. Особое направление составляет изучение языка города. Сегодня оно обретает черты солидной области лингвистических исследований.

При исследовании обиходно-разговорной речи в рамках социолингвистики вошло в традицию говорить об использовании вариаций языковых единиц в пределах территориальных или социальных групп. Для обозначения коллективного, или группового, языка считаем целесообразным ввести термин *социолект* – инвариантная социально маркированная подсистема языка, т. е. набор элементов и правил языка, формирующихся и реализующихся в речевой деятельности той или иной социальной общности. С точки зрения стратификации, это совокупность языковых кодов, которыми владеют индивиды, объединенные какой-либо стратой – например, пол, возраст, место рождения, образование и т. д. Исследование социолекта проводится с помощью метода дисперсионного факторного анализа силы влияния, который позволяет измерить степень употребления какого-либо элемента разными группами информантов, а также установить как иерархию социальных страт, формирующих социолект провинциального города, так и набор существенных страт-факторов.

В докладе будет продемонстрирована сводная экспериментально-статистическая модель социолекта г. Перми.

Современные рекламные тексты с точки зрения нормативности русского языка

Т. С. Журавлёва, Е. А. Косых

Барнаульский государственный педагогический университет

Summary. Linguistic mistakes in advertisement.

Реклама стала неотъемлемой частью жизни общества, она призвана формировать и воспитывать вкусы населения, повышать культуру потребления, расширять знания о товарах, их свойствах, назначении и способах употребления. Основными элементами рекламы, естественно, являются тексты (слова, слоганы, определенные символы и знаки), которые должны отвечать нормам русского литературного языка.

Проблеме рекламных текстов посвящено множество исследований. Изучаются жанры, формы, средства создания эффективной рекламы, особенности пунктуации, лексическая наполняемость рекламных текстов, но ни в одном из исследований не затрагивается проблема нарушения языковых норм в рекламных текстах, хотя очевидно, что языковые нормы в рекламных текстах не всегда соблюдаются.

Как показывает практика, в современных рекламных текстах в большинстве случаев наблюдается тенденция отказа от употребления знаков препинания либо замена их на пробелы или другие знаки-символы, например, нередко знаки препинания подменяются шрифтовым выделением частей предложения. Нередко, в том числе и в телевизионных рекламах центральных каналов, допускаются нарушения грамматики, орфографии, стилистической нормы.

Все рекламные объявления, которые нами были исследованы, можно разделить на группы, в зависимости от допущенных в них ошибок:

I. Рекламные тексты с орфографическими ошибками:

Жить по русски (название фирмы и телефон);

ЖЫвая рыба (название фирмы и телефон).

II. Рекламные тексты с грамматическими ошибками:

Всего в один месяц вашу рекламу увидят... человек (название рекламного агентства и телефон);

Всего за 1 минуту – и вы не узнаете Вашу ванну!;

«Пикник» – замешан и завернут;

Масла Фильтра (название фирмы, адрес, телефон).

III. Рекламные тексты, в которых нарушены графические нормы русского языка:

1. Рекламные тексты, в которых точка, запятая, точка с запятой отсутствуют, например:

ООО «(название фирмы)» современные солнцезащитные системы

жалюзи

шторы

рольставни;

Профессиональный лицей №...

ПРИГЛАШАЕТ НА ОБУЧЕНИЕ

ПО СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ:

√ *Повар-кондитер (на базе 9-11 кл)*

√ *Коммерсант в торговле (на базе 9 кл)*

√ *Бухгалтер (на базе 11 кл) ...* (адрес, телефон).

2. Рекламные тексты, в которых знак препинания заменяется либо пробелом, либо другим знаком-символом (нередко в таких рекламах знак препинания, который должен находиться в конце предложения или фразы, заменяется начальным дефисом, галочкой, ромбом и под.), например:

дизайн – студия газеты «Спутник телезрителя»

календари банеры

логотипы плакаты

листовки буклеты

визитки;

Магазин «Зоотовары»

большой выбор товаров для ваших питомцев

• *лекарства*

• *корма*

• *средства по уходу*

• *биопрепараты*

• *товары на заказ*

• *консультации ветеринара* (адрес, телефон).

3. Рекламные тексты, в которых запятая отделяет одну смысловую группу слов от другой, например:

ООО «Алтай – Сам»

цифровые ресиверы

спутниковые антенны

кабель, комплектующие (адрес, телефон);

Евросвет

люстры

бра

торшеры,

настольные лампы (адрес, телефон).

4. Рекламные тексты, в которых названия фирм не заключены в кавычки, например: ЛИТЕРА; ЕВРОСВЕТ; МЕТАЛЛ ПРОФИЛЬ; мебельный салон КОМФОРТ и др.

5. Рекламные тексты, в которых кроме пунктуационных ошибок, наблюдаются нарушения в смысловом единстве, т. е. не вполне понятно назначение предоставляемых услуг, например:

Ожирение Алкоголизм Курение (далее адрес и телефон);

Спецпредложение – черный цвет...;

Шкафы-купе

Кухни

детские

офисная мебель

гардеробные

гостиные

прихожие

и под.

растил ЛДСП

за 1 день

изготовление рамочных фасадов

(название фирмы, адрес)

Таким образом, данные примеры доказывают, что в современных рекламных текстах часто нарушаются нормы русского литературного языка. Эти факты пытаются объяснить особенностями построения рекламного текста (оформление товаров в столбик, наглядность, наличие разных шрифтов, попытка привлечь внимание ошибкой и под.). Мы считаем, что в рекламном тексте, как в любом профессиональном тексте, должны соблюдаться нормы русского литературного языка, т. к. привлечь внимание или достичь эффективности в рекламе можно и без ошибок, например, при помощи правильно подобранного сочетающегося или контрастного цвета, шрифта (его высоты, стиля письма, последовательности разных шрифтов), изображений, иллюстраций.

Драматургический текст:

особенности формирования и функционирования диалогических структур

А. В. Зиньковская

Краснодарский институт экономики, права и гуманитарных специальностей

Драматургический текст, пьеса, диалог, автор, читатель

Summary. The main distinction between oral dialogue and the dialogue of the drama text in their functional premise. The latter doesn't register free oral speech directly, but reproduces it through the author's perception in the formed way indirectly. The play transfer from one culture to another requires great concentration even on small details. Cultural awareness presupposes the dialogue in which a person admits the distinctions and tries to investigate the by means of comparison.

Принципы, нормы и традиции использования, составляющие основу спонтанного общения в повседневной жизни, являются точно такими, которыми драматурги манипулируют при построении речевых типов и форм в пьесах. Драма-

тическое действие в широком понимании становится в итоге значимым по отношению к реальным условиям, активизированным в пьесе и позимствованным в более широком социальном мире отношений, частью которого является

театральная деятельность. Они включают в себя социальные нормы, ценности, модели поведения и деятельности, которые регулируют организацию отношений между членами общества, что в свою очередь формирует основу для нашего понимания речи и поступков литературных персонажей в мире театральной постановки. Такая общая основа объединяет драматурга, читателя, зрителя, актера в общем усилии постижения смысла текста, так как то, что мы видим в пьесе, это интерпретированное, а не первоначальное действие. По отношению к диалогу как составляющей драматургического дискурса это означает, что интерпретация языка драматургии происходит благодаря нашей коммуникативной компетенции, а также нашей компетенции языковой. Совокупность традиций и правил значимого и соответствующего речевого поведения в интеракции призваны, таким образом, трансформировать последовательный обмен лингвистическими символами между драматическими персонажами в формы межличностного поведения и социально обусловленных поступков как коммуникативной деятельности.

Драматургия имеет свою собственную историю – другие постановки, другие тексты, другие контексты постановок, другие театральные нормы – и свои собственные современные рамки, отвечающие эстетическим, экспериментальным или общественным целям. Драматургические постановки принадлежат к тем постановкам, которые материализуют традицию от поколения к поколению, как вид деятельности, практики, и в которых традиция живет, и в которых стандарты, соответствующие и присущие самой традиции, обретают форму, реализуются, проверяются и повторяются.

В «драме» речевого обмена в ролях говорящего и слушающего выступают непосредственные участники общения, и в ходе диалога они меняются этими ролями. Говорящий становится слушателем, в то время как бывший слушатель становится говорящим без каких-либо обязательных изменений места действия или обстановки, меняется только «лицо». Переключение от «не-говорения» к «говорению», изменение роли говорящего на роль слушателя происходит в ответ на речь другого, так как ответ предусмотрен самой сутью формы. Последовательное чередование во времени подобных переходов и замен и составляет структуру и ход диалога.

Драматургический текст, будучи письменным текстом, обращается к контексту постановки, который требует изменения в модели дискурса – трансформации и преобразования написанных строк в динамику разговорной речи, что подразумевает большее, нежели простую декламацию строк текста актерами. Диалог создает ситуации, подобные тем, которые актеры создают совместными усилиями. Он похож на разговорную речь; языковой код, который используется в диалоге, интегрируется с другими кодами театра – паралингвистическими, кинетическими, жестовыми и т. д., так как и вербальные, и невербальные коды подобного рода используют тело актера, включая голос, что делается возможным благодаря дейктической связи между говорящим и речью.

Изменение предмета речи с течением времени, совершаемое самими актерами в эпизоде или сцене, создает траекторию, способствует развитию ситуации, учитывая ее особенности, и взаимоотношения. Управление интеракционной динамикой речи, таким образом, является основным аспектом искусства диалога в драматургии.

Драма – это больше, чем диалог, но там, где диалог используется как источник драматургического произведения, его механика играет основополагающую роль. Говорящие, слушатели и речь проявляют себя одновременно в разных направлениях – в отношении самих себя, других, друг друга, контекста ситуации, культурного контекста, осуществления действия – и вместе они призывают интерпретаторов к извлечению смысла. Там, где диалог становится активным в драме, функционирование речи является сложным в силу ее специфических особенностей, отличающихся от тех, с которыми имеют дело в другой сфере художественной литературы.

Понятие «обоснованной речи» имеет существенное значение для понимания работы драматической речи. Если диалог в драме представляет собой общение, а общение происходит всегда и только обоснованным способом, можно возразить, что диалог неизбежно воплощает ситуационные корреляты, о которых говорилось выше – участники, различные дискурсы и социальные роли, пространственно-временное окружение, каналы контакта, такие, как речь между участниками. Манипуляция или использование доступных вариантов играет важную роль при создании различных эпизодов, ситуаций и т. д., через которые разворачивается драматический нарратив и конкретизируется вымышленный мир пьесы. То, что предлагают понятия «обоснованной речи» и «речевого действия», является, прежде всего, спецификой и возможностью при том условии, что именно особенности компонентов речевого действия требуют внимания: кто является участниками, где и когда происходит общение, для чего, как оно развивается, с какими последствиями для кого и т. д.

После того, как необходимые собеседники (драматические персонажи) приведены в действие через речь, последующая речь должна быть распределена и согласована между ними таким образом, чтобы сама речь отвечала требованиям ситуации, поочередно. Опции создания и управления являются фундаментальными аспектами диалогического, драматического искусства, так как они контролируют то, как сама речь может функционировать в эпизоде, акте или сцене. Речь для персонажа, независимо от лингвистической структуры и эксплицитного / имплицитного стиля, является важной, если ее драматический потенциал должен быть полностью реализован, особенно в пьесах, где использованы именно полные ресурсы материала. Речь с другими предоставляет возможности для персонажа быть приведенным во взаимоотношения с другими персонажами и достигнуть сильной или слабой степени участия в событиях и действиях, которые происходят в пьесе.

Теоретические вопросы, решаемые при анализе частной записки как жанра естественной письменной речи

Е. Г. Зырянова

Кемеровский государственный университет

Естественная письменная речь, жанры речи, частная записка, жанровое сознание

Summary. The present report considers some problems relating to speech genres. Genre of speech is a form of our vision of reality or a model of speech building, but the problem of speech genres is not enough studied nowadays. I researched genre peculiarities of understanding the note. The report presents the result of interviewing 524 school students.

Использование языка осуществляется в форме устных и письменных высказываний. Каждая сфера использования языка формирует относительно устойчивые типы высказываний, которые М. М. Бахтин называет речевыми жанрами (далее РЖ). Богатство и многообразие РЖ необозримо, в связи с этим в последнее время понятие жанра становится одним из ключевых в описании языка. В жанроведческом аспекте исследуются не только тексты художественной литературы, но и начинают активно исследоваться жанры устной и письменной речи.

В русле работы Лаборатории русской речи при кафедре общего и русского языкознания БГПУ Н. Б. Лебедевой был введен новый объект изучения – Естественная письменная

русская речь (далее ЕПР). Согласно Н. Б. Лебедевой термин ЕПР определяется речевая деятельность, которая характеризуется письменной формой, спонтанностью и непрофессиональностью исполнения. Записка, по мнению исследователей, находится в ядре жанров ЕПР, т. е. именно спонтанность и вписанность в определенную коммуникативную ситуацию определяет набор компонентов, характеризующих записку как жанр.

В качестве основания для типологии различных жанров ЕПР Н. Б. Лебедевой была предложена модель естественной письменной речевой деятельности, состоящей из 12 фациентов. Субстанциональные фациенты: 1) автор; 2) адресат; 3) знак – диктумно-модусное содержание; 4) орудие и сред-

ство; 5) субстрат – материальный носитель знака; 6) место расположения знака – носитель субстрата. Несубстанционные фациенты: 1) цель – коммуникативно целевой фациент; 2) графико-пространственный параметр знака; 3) среда коммуникации; 4) коммуникативное время; 5) фациент «ход коммуникации»; 6) фациент «социальная оценка». Данная модель может быть использована в качестве основания для типологии различных жанров ЕПР.

Жанровые образцы в обыденном сознании являются формой видения и осмысления действительности, которая сложилась исторически и зависит от ситуации языкового действия. Т. В. Шмелева отмечает, что «речевой жанр не конструкт, не продукт отвлеченного теоретизирования лингвистов, а реально присущие речевой компетенции носителей языка модели говорения и письма».

Актуальным в последнее время становится проблема изучения жанрового сознания. Исследователей интересует: как

речевой материал воспринимается «рядовым» носителем языка, какие образцы речевой деятельности формируются в его сознании, четко ли разграничиваются речевые жанры в речевом сознании носителей языка, какие признаки являются доминирующими при выделении жанров естественной письменной речи. Данные вопросы не рассматривались по отношению к жанру записки, что делает эту проблему актуальной.

Целью нашего исследования является выявление жанровых признаков записки в сознании информантов. С этой целью было проведено анкетирование среди учеников 1–11 классов (всего 524).

При определении понятия «записка», которое испытуемыми понимается как в узком, так и в широком смысле, информанты дают следующие определения. Обобщим данные ответов на первый вопрос анкеты в следующей таблице.

№	Ответ (в %) \ класс	1 кл.	2 кл.	3 кл.	4 кл.	5 кл.	6 кл.	9 кл.	10 кл.	11 кл
1	«Не знаю»	18,6	2,4							
2	«Бумага»				5,2			4,5		
3	«Бумажка с записью»	5,08		7,8	18,4	13,9			5,2	
4	«Бумажка с информацией»				26,3			13,5	28	16,1
5	«Краткая надпись на листе»						7,6			
6	«Письмо»	27	34,2	25,4	10,5	9,3	3,8			
7	«Короткое письмо»			21,5	2,6			8,1	7	16,1
8	«Послание»	6,7	14,2	9,8	7,8		14	21,6	8,7	29
9	«Секретное послание»					32,5	5,12			16,1
10	«Письменное изложение чувств» (любовн. послание)					9,3		8,1	10,5	
11	«Сообщение»	5,08	7,1	9,8	2,6	25,5	15,1	18	19,2	
12	«Краткое сообщение»			5,8			10,2			6,4
13	«Информация»	16,9	5,7	3,9			25,6			
14	«SMS»	13,5					2,8			
15	«Передача слов на бумаге»			7,8	7,8					
16	«Когда нельзя передать на словах»		18,5							
17	«Общение двух людей»				10,5					
18	«Способ общения» (на уроке)					4,9	10,2	9	22,8	19,3
19	«Ответ, вопрос»	3,3			5,2		3,8			
20	«Предупреждение»	1,6		3,9		13,9				

Проанализировав данные анкет, можно сделать вывод, что в жанровом сознании информантов «записка» выделяется как отдельный жанр.

Основными жанрообразующими признаками записки для испытуемых будут направленность на диалогичность, наличие субстрата в виде листка бумаги, краткость изложения

мыслей, ведущая цель коммуникации – информационная, возникновение каких-либо «помех» для невозможности непосредственного общения. В сознании испытуемых складывается следующее понимание термина «записка» – маленькая бумажка с посланием какой-либо информации, обязательно предназначенной для передачи кому-либо.

Институциональные дискурсы в художественном тексте

Л. А. Исаева, А. А. Щербаева

Кубанский государственный университет, Краснодар

Институциональный дискурс, художественный текст, языковая личность, концептуальная картина мира

Summary. The report touches upon the problems of institutional discourse in fiction as a method of implicit semantic, expressed by non-direct linguistic means.

Основу антропоцентрической лингвистики составляет изучение речевой деятельности человека в различных коммуникативных ситуациях. Важным аспектом изучения художественного текста, как одного из главных продуктов речемыслительной активности индивида, является исследование принципов отражения в нем особенностей речевого поведения субъекта в разных коммуникативных сферах. Под текстом при этом понимается «некоторая законченная последовательность предложений, связанных по смыслу друг с другом в рамках общего замысла автора» [3, 12].

Художественный текст (ХТ), отражая различные аспекты человеческой деятельности, не может не включать в себя элементов различных институциональных дискурсов. По В. И. Карасику, институциональный дискурс (ИД) есть специализированная клишированная разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума. Ядром ИД является общение базовой пары участников коммуникации – учителя и ученика, священника и прихожанина, ученого и его коллеги и т. д. [4]. Мы опираемся на наиболее общее понимание термина «дискурс» – это «связный текст в совокупности с экстралингвистическими –

прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий в когнитивных процессах. Дискурс – это «речь, погруженная в жизнь» [1].

Объектом исследования в данном докладе является ХТ, включающий в свой состав элементы профессионального педагогического, медицинского и религиозного дискурсов.

В качестве **предмета** изучения взяты характерологические особенности педагогического, медицинского и религиозного дискурсов, представленные в ХТ А. П. Чехова.

Обращение к проблеме исследования фрагментов ИД в художественных текстах самобытной языковой личности, принадлежащей, по классификации В. П. Нерознака, к группе нестандартных, воплощающих в себе верхи языковой культуры [5, 113–114], позволяет изучить один из аспектов проявления языковой личности – несобственно лингвистический способ представления эксплицитных и имплицитных смыслов в ХТ [2].

В основу доклада положена следующая **гипотеза**: автор, включая в ХТ элементы профессиональных дискурсов, стремится к актуализации в сознании читателя базовых, т. е.

узнаваемых их характеристик, тем он создает у реципиента возможность обращения к прецедентным «супертекстам» и сопоставления с ними созданного в художественном тексте фрагмента ИД. Кроме того, используя фрагменты ИД, творец художественного текста не может не передавать своего отношения как к конкретной коммуникативной ситуации в целом, так и к отдельным носителям манеры профессионально ориентированного общения в частности, что создает модально-концептуальный подтекст художественного произведения. В процессе исследования материала данная гипотеза в целом нашла подтверждение. Установлены как общие, объединяющие различные виды ИД, функции их использования в ХТ, так и специфические для каждого из видов дискурса функции.

Общая функция всех институциональных дискурсов – раскрытие базовых концептов соответствующих сфер деятельности, апелляция к присутствующим в сознании читателя стереотипам институционально маркированной коммуникации и сопоставление с ними отражений в ХТ концептуализированных клише ИД, создание модально-концептуального подтекста художественного произведения.

Специфическая функция использования ИД в ХТ заключается в том, что каждой сфере присущ свой набор базовых концептов, которые получают дальнейшее раскрытие в ХТ при помощи стереотипных стратегий, ценностей, жанров, прецедентных текстов, коммуникативных клише и соответствующих формул общения, свойственных каждому ИД. Так, для педагогического дискурса (ПД) ключевым концептом является знание, для медицинского дискурса (МД) – здоровье, для религиозного дискурса (РД) – вера.

В ходе исследования материала было выявлено, что для Чехова включение в текст фрагментов ПД – это знак присутствия скрытой модально-концептуальной (обычно оценочной) информации. Учителя, в представлении писателя, – это в основном люди, лишённые индивидуальности, творчества, не отступающие ни на шаг от правил, с заштампованным сознанием (особенно преподаватели древних мертвых

языков). Исследованный материал позволяет сделать вывод, что в концептуальной картине мира А. П. Чехова «учительская» манера говорить обычно отрицательно коннотативна.

Включение в текст фрагментов МД – это также знак присутствия модально-концептуальной информации, однако она не так однозначна, как информация, представленная в ПД. Среди докторов – героев Чехова – встречаются и настоящие подвижники, и просто порядочные люди, и малограмотные хитроумные шарлатаны. Оценочность, безусловно, присутствует, но она более имплицитна по сравнению с оценочностью в ПД. Можно сделать вывод, что в концептуальной картине мира Чехова нет однозначной трактовки МД, а следовательно, однозначного отношения к речевому поведению врачей.

Фрагменты РД является средством представления имплицитной модально-концептуальной информации, которая, в основном, оказывается положительно и нейтрально коннотативной. Священнослужители изображены с уважением и почтением, по мере продвижения по иерархической лестнице они, в отличие от светских чиновников, обретают ореол мудрости и благородства. В концептуальной картине мира писателя присутствует в целом положительная оценка речевого поведения служителей церкви.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 136–137.
2. Исаева Л. А. Художественный текст: виды скрытых смыслов и способы их представления. Краснодар, 1996. 251 с.
3. Домашнев А. И. Интерпретация художественного текста. М., 1999. 204 с.
4. Карасик В. И. Этнокультурные типы институционального дискурса // Этнокультурная специфика речевой деятельности: Сб. обзоров. М., 2000. С. 37–64.
5. Нерозник В. П. Лингвистическая персоналия: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод [К 50-летию С. Ф. Гончаренко]: Сб. научн. тр. М., 1996. 163 с.

Когнитивные и речевые стратегии в аспекте их функционирования в различных типах дискурса

О. С. Иссерс

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

Коммуникация, речевое воздействие, когнитивная стратегия, речевая тактика

Summary. The problem of typology of cognitive strategies is in the focus of the article. It is defined the types of Russian speech strategies and tactics, which are oriented on modification of behavior, situation frame and scale of partner's values.

В коммуникативной лингвистике стало общепризнанным представление о том, что общение определяется и управляется неречевыми целями коммуникантов ([1], [2], [3], [7], [8] и др.). Это позволяет считать, что любая коммуникация «стратегична», поскольку мотивируется желанием говорящего достичь посредством своих речевых действий определенных социальных результатов. Коммуникация стратегична также в силу того, что находится под давлением двух постоянно действующих факторов – эффективности и социальной приемлемости. Кроме того, стратегический характер коммуникации обусловлен тем, что в процессе общения происходит постоянный мониторинг эффективности принятого плана и его корректировка.

Применительно к коммуникации понятие стратегии может быть рассмотрено как с когнитивной, так и с лингвистической точки зрения. Очевидно, что речевые стратегии имеют когнитивные измерения (например, планирование и контроль), но механизмы, посредством которых осуществляются эти ментальные процедуры, большей частью не имеют индикаторов «на поверхности речи» и, следовательно, недоступны для лингвистического анализа. В этом смысле наблюдаемыми являются лингвистические и интеракционные характеристики, по которым можно определить, как и какими средствами такие цели могут быть достигнуты. Речевая стратегия определяет семантический, прагматический и стилистический выбор говорящего. Таким образом, источником для выводов о когнитивных планах являются речевые стратегии – специфические способы речевого поведения, осуществляемые под контролем «глобального намерения», по терминологии Ван Дейка [4].

Классификация речевых стратегий зависит от избранного основания. Речевые стратегии могут характеризовать отдельный разговор с конкретными целями (обратиться с просьбой, утешить и т. п.) и могут быть более общими, направленными на достижение более общих социальных целей индивида (установление и поддержание статуса, проявление власти, подтверждение солидарности с группой и т. д.). В предложенной нами таксономии речевых стратегий представлена их классификация на основе их функций и выделены **основные (когнитивные) и вспомогательные стратегии** [5].

Основной считается стратегия, которая на данном этапе коммуникативного взаимодействия является наиболее значимой с точки зрения иерархии мотивов и целей. В большинстве случаев к основным стратегиям относятся те, которые непосредственно связаны с воздействием на адресата – его модель мира, систему ценностей, поведение. По сути своей они являются **когнитивными**.

Вспомогательные стратегии способствуют эффективной организации диалогового взаимодействия, оптимизации речевого воздействия. К вспомогательным отнесены прагматические, диалоговые и риторические типы стратегий.

В настоящее время описание коммуникативных стратегий значительно расширилось, появились новые теоретические подходы к осмыслению феномена управления речевой коммуникацией. Современные исследования разных типов дискурса (юридического, рекламного, учебного и т. д.) позволяют предположить, что специфика коммуникативных задач в той или иной социальной сфере находит отражение в наборе и эффективности коммуникативных стратегий и тактик.

Это позволяет внести ряд корректив в предложенную ранее классификацию.

В зависимости от направленности на сознание и деятельность адресата различаются **3 типа когнитивных стратегий: воздействующие на поведение, образ мыслей** (представление ситуации) и **шкалу ценностей**. Гипотеза исследования заключается в том, что в различных социальных сферах и характерных для них типах дискурса указанные стратегии имеют специфическую реализацию. Это можно обнаружить и в наборе речевых тактик, и в частотности их применения.

К числу **воздействующих на поведение** можно отнести речевые тактики подчинения (просьба, приказ, уговоры), тактики совета, предостережения, угрозы и др. Особенностью этого типа коммуникации является ее иерархическая организация: говорящий имеет возможность выбрать слабые и сильные импульсы воздействия на партнера. Это позволяет построить коммуникативную стратегию в зависимости от ее эффективности по нарастающему принципу – например, от уговоров к приказу или от совета до угрозы. Область реализации «поведенческих» речевых стратегий весьма широка – от бытового до профессионального общения, включая обучение, медицинский дискурс и т. д.

Воздействие на представление ситуации (шире – картину мира) может быть обнаружено путем анализа фреймов. Поскольку в классическом – по М. Минскому – понимании фрейма есть сумма вопросов, типичных для той или иной ситуации, интерпретация (**рефреймирование**) может идти по нескольким направлениям: было или не было событие, что было, с кем было, где и как происходило событие, каковы перспективы (последствия) и т. д.

К числу речевых тактик, направленных на интерпретацию ситуации, можно отнести тактики редукции (упрощения) и

усложнения (привнесения в ситуацию дополнительных компонентов). Особое значение подобные приемы имеют в политическом дискурсе и рекламе.

Воздействие на шкалу ценностей говорящего осуществляется посредством речевых тактик обвинения и оправдания, упрека, издевки, дискредитации и др. К числу приемов, направленных на аксиологическую систему адресата, можно отнести ссылку на авторитеты, апелляции («к отношениям»), к снобизму, к «норме» и иные. Широкое поле для реализации подобных тактик представляет реклама, сфера юриспруденции, воспитания и образования.

Систематизация когнитивных стратегий и реализующих их речевых тактик на основе предложенной классификации даст импульс к новым эмпирическим исследованиям и позволит выявить их специфику с учетом разных типов дискурса.

Литература

1. Баранов А. Н., Паршин П. Б. Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности как средство воздействия на сознание // Роль языка в средствах массовой информации. М., 1986. С. 100–142.
2. Блакар Р. М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. С. 88–125.
3. Вайнрих Х. Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. С. 44–87.
4. Дейк Т. А. ван. Язык, познание, коммуникация. М., 1989.
5. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 4-е изд. М, 2005.
6. Левин Ю. И. О семиотике искажения истины // Информационные вопросы семиотики, лингвистики и авторского перевода. Вып. 4. М., 1974. С. 108–117.
7. Fowler R. Language in the News: Discourse and Ideology in the Press. London; New York, 1991.

Темпоральные структуры повседневности в языковом коде

Г. В. Калиткина

Томский государственный университет

Повседневность, диалект, темпоральные отношения, темпоральные маркеры

Summary. The report is devoted to the semantic expansion of the present to the past and the future in texts of dialectal discourse.

Повседневность – один из модусов человеческого бытия, сфера человеческого опыта, которая характеризуется особым восприятием и осмыслением мира, специфичной рациональностью. Это касается также переживания, структурирования и интерпретации времени, зависящих не столько от этнической или социальной специфики какой-либо группы, сколько от реальных практик ее обыденной жизни.

Феномен повседневности носит исторический характер. Процесс «оповседневнивания» мира (М. Вебер) начался в эпоху Просвещения. Рефлексия над переживанием повседневной жизни прошла несколько этапов. Современные исследования повседневности носят междисциплинарный характер и связаны с обращением к ее ментальному уровню, к идеалам и стереотипам обыденного сознания, ценностным ориентациям.

Повседневное бытие выступает для человека в качестве «верховой реальности» (А. Шютц), имеет значимость универсума. Его основными чертами считают активную трудовую деятельность, преобразующую мир и связанную с заботой о телесности человека; признание самоочевидным факта существования мира; личностные приоритеты индивида; типизированный и структурированный мир социальной коммуникации. Хотя границы повседневности подвижны и задаются координатами места, времени, среды и культуры (Б. Вальденфельс), сфера повседневного обихода не требует каких-либо предосторожностей и образует тот круг, где человеку предоставлено заниматься своими делами.

Как и всякое бытие, повседневность структурируется пространством и временем. Наполнение обыденности рутинными действиями, событиями и фактами делает временем локализации повседневной жизни настоящее. Однако это настоящее несомненно: оно опосредует иные темпоральные возможности бытия. С другой стороны, ныне для области повседневного в значительной мере характерна анахроничность, потеря тех временных вех, с которыми в культуре связана трансцендентная ориентация. В связи с

этим актуален анализ семантической экспансии настоящего в прошлое и будущее, объективируемой языковым кодом, а также анализ воспроизводимого – в том числе и языком – «вечного настоящего».

Повседневная жизнь по своей сущности противопоставлена теоретизированию (Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, А. Шютц). Но обыденное мышление, как и любая другая обработка информации, основано на схематизации, обобщении, классификации и т. д., названных П. Бергером и Т. Лукманом «типизациями». Типизации содержатся в языке жестов, знаков, символов, но в первую очередь в вербальном языке. Уверенность в существовании времени как объективно данному временному потоку, в котором происходят события мира, как раз и подкреплена повседневным языковым опытом.

В качестве языка повседневности представляется целесообразным рассматривать прежде всего диалектный язык. Длительные наблюдения над русскими говорами показали, что во 2-й пол. XX в. диалект как подсистема русского национального языка переживает процессы размытия, расшатывания, нивелировки, на основании чего исследователями делается вывод о «сужении его функций». Однако именно диалект обслуживает профанную речевую деятельность, коммуникацию в обиходно-производственной и семейно-бытовой сфере, что принципиально важно для заявленной проблематики. Диалектный язык не является инструментом для теоретического знания и институционализованного мировоззрения. При этом диалект наделен когнитивной функцией, поскольку объективирует мыслительную (абстрактную, знаковую) форму опыта подобно тому, как практическая (конкретная, предметная) форма опыта объективируется в преобразовании внешних материальных объектов. Общедиалектная специфика коммуникации была намечена еще в 1990-е гг. В. Е. Гольдиным.

Таким образом, в целях реализации положения «речь о повседневной жизни не совпадает с самой повседневной

жизнью и с речью в повседневной жизни» (Б. Вальденфельс) диалектный дискурс впервые рассматривается как сфера обыденного смыслополагания, а диалект – как инструмент повседневных интерпретаций и надындивидуального менталитета. Именно язык способен верифицировать исследования ментальности.

Итак, мир повседневности подвержен постоянным интерпретациям, которые неотделимы от эмоций и оценок. Граница между повседневным и неповседневным проводится каждый раз человеком – в вещах, фактах, событиях и явлениях ее нет. Что же есть повседневный континуум настоящего, которое человек воспринимает как «сейчас», «нынче», «теперь», «сегодня»? И где его границы? Диалектный дискурс (понимаемый вслед за М. Фуко как массив

языковой практики определенного вида) рассматривается в следующих аспектах:

1. Характер соотношения ядерного лексического маркера, объективирующего момент речи, *сейчас* (*счас*) и континуума настоящего. Настоящее, бесспорно, «объемнее» момента речи. Его конституируют события и факты, то есть элементы, входящие в онтологию мира.

2. Актуальные для повседневности лексические темпоральные вехи, которые интерпретируют прошлое и ведут к сплочению группы.

3. Языковые способы увеличения продолжительности существования «своей» традиции или группы.

4. Языковые способы синхронизации времени в обыденной повседневности.

Понимание политических текстов через призму теории речевого воздействия

С. Ю. Камышева

Волгоградский институт экономики, социологии и права

Текст, дискурс, теория речевого воздействия, герменевтика, понимание

Summary. This paper deals with the propedeutical aspects of text interpretation in the political discourse.

Проблема понимания, выявления смысла как междисциплинарная проблема привлекает внимание логиков, социологов, психологов, лингвистов, специалистов в области теории перевода и массовых коммуникаций. Как ключевая категория философской герменевтики понимание может рассматриваться как экспликация имплицитированных смыслов или как интерпретация смысла. Многоаспектная и когнитивная детерминированность понимания обуславливает необходимость анализа этой категории в рамках антропоцентрической парадигмы как предпосылки ее адекватного концептуального рассмотрения во всех видах институционального дискурса, в том числе политического.

Текст в политическом дискурсе рассматривается как многомерное пространство, средство пробуждения и активизации рефлексивной деятельности адресата, направленной на постижение глубинных смыслов, зачастую программированных, при рецепции монологов публичного политика. Проблемы текстопорождения и текстовосприятия коррелируют с категориями авторства и адресности, системообразующими при создании риторического текста (неслучайно В. Н. Маров называет герменевтику «риторикой адресата»).

Отношения «автор риторического текста – адресат» есть не только внедрение определенного количества политической информации, но и одновременно «десуггестивно-суггестивный» процесс, при котором используются функциональные резервы мозга. Создание суггестивной установки, базирующейся на неспецифической психической реактивности, подразумевает воздействие любого смыслового раздражителя на центры сознания вкупе с целым комплексом неспецифических раздражителей (например, интонацией, жестами, идеомоторикой), усиливающих это воздействие. Этой цели служит и установка на «ответную» реакцию, моделирование ситуации, в коммуникативном контексте которой слово («имя») вероятно становится, пользуясь терминологией М. М. Бахтина, «своим».

В докладе, посвященном проблеме понимания и интерпретации политических текстов через призму теории речевого воздействия, на примере современной политической дискурсивной практики выявляются различные виды вербального и невербального воздействия как установка на изменение сознания, мировоззрения, симпатий и антипатий адресата.

Современное радиовещание как текст

М. К. Каракулова

Глазовский государственный педагогический институт

Языковые изменения, речь радиодикторов, разговорная речь, спонтанность речи, диалогичность речи

Summary. The broadcasters do not declare the next song now. They comment songcontents or the singers end thus make microtext in broadcasting.

Радиослушатель со стажем помнит, что музыкальное радиовещание прошлых лет представляло собой фрагменты ничем не связанных друг с другом номеров, перемежающихся объявлениями о них. В последние годы (десятилетия) язык радио, как вообще русский язык, в корне изменился. В нем возрастает личностное начало в речи. Безликая и безадресная речь сменяется речью личной, приобретает конкретного адресата. Радиопередачи композиционно строятся как монолог со структурными элементами диалога, т. е. рассчитаны на реакцию слушателей. Классический пример – использование вопросно-ответной конструкции.

Другая примета функционирования русского языка последнего времени: экспансия его разговорной формы, даже в радиозфире диктор говорит не на кодифицированном литературном языке, а на разговорном, который не допускался ранее на радио и применялся только в особых условиях. Неофициальность, даже интимность в тоне, обращении, манерах радиоведущих стала характерной чертой публичной речи последних десятилетий. Например, после прозвучавшей песни «Свет в твоём окне» диктор заявляет: «Эта красивая песня прозвучала в исполнении Алсу в дуэте /убей меня бог /не знаю /с кем», что в прошлом было бы возможно только в личной беседе с близким другом один на один.

Теперь ведущие не просто называют следующий музыкальный номер, а общаясь с радиослушателями, стремятся прокомментировать песню, создавая микротекст. Предметом разговора для дикторов становится не только песня, прозвучавшая в эфире, но и новости. Например, после сухих спортивных новостей диктор размышляет: «Еще один карлик, команда Лихтенштейн, поборолся с командой Португалии. Счет – фантастический – 2 : 2. Ай-да, карлик, ай-да, Лихтенштейн!» (Маяк. 10.10.04).

Можно выделить несколько разновидностей радиотекстов.

Диктор теперь обычно не сообщает, что «песню исполнил...», или «прозвучала песня в исполнении...», или что-нибудь в этом роде, а стремится сообщить эту информацию необычно, нестандартно. Например, после песни «Арлекино» в исполнении А. Пугачевой диктор сообщает: «В эфире улыбнулась Алла Пугачева и нас заставила улыбнуться» (Маяк. 11.10.04).

Чаще всего диктор комментирует только что прозвучавшую песню. Комментарии обычно связаны с личным восприятием песни, интересами диктора. Прозвучала песня «Эммануэль» на русском языке. Андрей Баршев, ведущий музыкальных передач, известный пристрастием к французской эстраде и знанием французского языка, заявляет: «Не

знаю, что автор русского текста этой песни. Но уверен, что по-французски она звучит лучше. Правда для тех, кто знает этот язык» (Маяк. 29.10.04). Обсуждается содержание песни, а иногда сам исполнитель. После того, как отзвучала песня в исполнении А. Пугачевой «Я тебя поцеловала», диктор признается: «Если бы **меня** поцеловала Алла Борова, я бы неделю не умывался» (Автордио. 2004) ..

Содержание песни диктор часто связывает с настоящим днем, например, после исполнения К. Орбакайте песни «Губки бантиком, бровки домиком» диктор обращается к радиослушателям: «Впереди выходные, и у вас будет время пообщаться со своими чадами, у которых губки бантиком, бровки домиком, а в голове сто тысяч “почему”, тем более погода будет в выходные теплая, хотя и дождливая» (Маяк. 22.10.04).

Реже диктор **предваряет** песню своими размышлениями. После метеосводки о предстоящих дождях А. Баршев, ведущий «Маяка» сообщает: «Я не знаю, идет ли сейчас дождь или нет. Но если он идет, он должен остановиться, хотя бы на две с половиной минуты, как поется в песне итальянской группы “Кто остановит дождь”» (Маяк. 9.10.04). Звучит объявленная песня.

Часто песня служит для диктора не просто предметом разговора со слушателями, но сам разговор о песне становится связующим моментом для перехода к следующей песне, т. е. некоторые радиоведущие создают текст: Песня + комментарий-связка + песня. После песни в исполнении «Любэ», где есть слова «Мои дворовые друзья, мои давнишние друзья – Сережа, Колька и Витек», диктор объявляет: «В ближайшее время вас ждут не Сережа, Колька и Витек, а Жанна Агузарова, Верка Сердючка и Александр Иванов» (Автордио. 17.10.04).

Иногда диктор создает текст большего размера, объединяющий несколько песен и информационный блок новостей одной общей связующей темой. После разгромного провала в матче по футболу нашей сборной со сборной Португалии в ночь на 14 октября на следующее утро диктор «Ретро-FM» Роман Емельянов возвращался к этому событию неоднократно. Сначала дали в эфир песню «Какая боль, какая боль: Аргентина – Ямайка – 5 : 0» Диктор: «Болезньчики Ямайки

могут радоваться: наша сборная проиграла сборной Португалии с разгромным счетом – 7 : 1». Затем прозвучала песня на итальянском языке, задорная, танцевальная. Емельянов: «Вот у итальянцев сегодня хорошее настроение, потому что итальянская команда победила во вчерашнем матче по футболу. Правда, соперники были не очень сильные. Но все равно победа есть победа. Оставайтесь с нами. Вzakромах нашего радио у нас много хорошей музыки». Далее прозвучали новости, в том числе спортивные, в которых сообщили о проигрыше нашей команды. Диктор (Р. Емельянов) подхватывает тему и говорит: «После новостей о потрясающей игре нашей сборной под руководством великопленного Ярцева перейдем к более приятным событиям – музыке». Затем прозвучала песня «Give me, give me», после которой Роман Емельянов продолжает тему: «Весело, хорошо сейчас в теплых странах, например, в Португалии. Я искренне рад за членов нашей сборной, за тренера, за то, что они чудесно провели время в солнечной Португалии». Затем звучит песня Антонова «Ах, белый пароход», после которой Р. Емельянов вновь вспоминает злополучный матч, говоря: «Хорошо, конечно, отдохнуть на море, на белом пароходе, но наши спортсмены хорошо отдохнули и в Португалии. Но хватит об этом» («Ретро-FM». 14.10.04). Таким образом, в этом случае радиотекст образуется достаточно большой по размеру, охватывающий четыре песни, информационный блок новостей, объединенный общей, сквозной темой. И это получилось благодаря тому, что диктор, видимо страстный болельщик, Р. Емельянов не мог сдержать своей боли, своего настроения от проигрыша нашей сборной, а потому возвращался к теме вновь и вновь.

Итак, радиотексты интересны тем, что они отражают современное состояние русской речевой культуры, и русского языка в целом, а они определяются рядом взаимосвязанных и взаимодействующих факторов, прежде всего экстралингвистических. Важность изучения радиотекстов диктуется еще и тем, что их элементы – это и элементы общенародной речи, которые, войдя в широкий коммуникационный оборот, становятся узуальными и зачастую обретают статус языка.

Функциональная стилистика рекламы как вузовский спецкурс для медиаспециалистов

Е. С. Кара-Мурза

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,

ГЛЭДИС (Гильдия лингвистов-экспертов по документальным и информационным спорам)

Комплексное изучение языка и речи, рекламный функциональный стиль и рекламный дискурс, профессиональная культура речи рекламистов

Summary. Functional stylistics as a high school discipline should promote the development of linguistic and communicative competence of students – prospective mass media specialists. Through the prism of complicated system of norms (literary-language norms, logical norms and genre-communicative norms versus stylistic norms) functional stylistics integrates learning of linguistic peculiarities (through the concept of FSC – functional-semantic categories and respective FSF – functional-semantic fields) and speech peculiarities (through the extralinguistic motivation of text generation) of specific discourses, including advertising as a persuasive communication in trading and selling sphere in business communication.

Феноменология языка СМК и его лингводидактика активно разрабатывается вузовской наукой, поскольку профессиональная речевая культура работников масс медиа вырабатывается прежде всего в высшей школе. Способности текстопорождения целенаправленно формируются на семинарах и в творческих мастерских профильных кафедр. А прикладная медиалингвистика способствует развитию у студентов компетенции и языковой (владение информативными и экспрессивными средствами родного языка), и коммуникативной (владение рабочими и повседневыми жанрами монолога и диалога). Спецкурсы по **функциональной стилистике медиатекстов** должны объяснять закономерности их порождения, специфику их структуры и особенности функционирования в них русского языка, обусловленные экстралингвистически – особыми целями направлений медиакommunikации и их технологическими возможностями, а также интралингвистически – сложной конфигурацией синонимии и транспозиции.

Наш спецкурс по функциональной стилистике рекламы предлагается учащимся ф-та журналистики МГУ на спецотделениях «Реклама и маркетинг» и «Деловая журналистика». Материалом изучения являются произведения потребительской рекламы – разные функциональные типы (это

тексты и **знаки фирменной идентификации: коммерческие имена**, включая **товарные знаки** и **логотипы**, и **слоганы**) и лингвосемиотические типы (это «линейные» вербальные тексты – статьявая реклама и «вертикальные» полисемиотические тексты – модульная, или постерная, реклама). Комплексный объект спецкурса – **полисемиотический язык рекламы и русский язык в рекламе**. Предмет изучения – обусловленность рекламных произведений требованиями рыночной экономики, которые сформулированы в **маркетинге** как научно-практическом обосновании деятельности любой организации (фирмы, партии) в высококонкурентной среде. **Маркетинговые цели** – продажа товара за счет интенсивного информирования и создания позитивной установки – определяют содержание и форму рекламной коммуникации. Ведущая маркетинговая задача, а значит, производная от нее коммуникативная стратегия называется **позиционирование**, т. е. определение выгодной позиции продвигаемого товара на фоне товаров той же категории на основании его действительных или мнимых преимуществ.

Изложение идет «от текста» – от характеристики его коммуникативной структуры и семиотики по методике И. Морозовой: роли рекламодателя и рекламополучателя – товар / услуга – доводы в пользу покупки в соотношении с специ-

фической композицией (товарный знак / логотип, слоган, заголовок, основной текст, концовка, реквизиты) и вербально-визуальными приемами означивания ролей и позиций. Кроме того, мы предлагаем алгоритм исследования прототипического рекламного акта и его трансформаций в речевых и жанровых формах. Это сильный прием рефреймирования, вуалирующий финансовую подоплеку рекламного обращения.

Анализ естественных языковых средств как описание нормативных и экспрессивных средств означивания опирается на базовый курс стилистики и поднимается до функционально-стилистикаского истолкования полисемiotической специфики рекламы. Спецкурс основан на представлении о тотальной нормативности социальной коммуникации и о ее творческом преодолении как креативном механизме текстопорождения. Универсальные **литературные нормы** (языковые правила всех уровней, логические нормы и коммуникативные конвенции) в известной степени противопоставлены специфическим – **функционально-стилистикаским**, которые регулярно побеждают, судя по частым нарушениям литературных норм в рекламе и журналистике. Но эти нарушения имеют разную природу и приводят к разным последствиям. Невольные – собственно ошибки – демонстрируют низкий уровень профессионализма и общей культуры коллективного автора рекламы. Нарочитые нарушения – экспрессы – возникают под действием функционально-стилистикаской нормы рекламы, которую мы считаем модификацией нормы массовокоммуникативных текстов, как ее сформулировал еще в 1971 г. В. Г. Костомаров: «**экспрессия – стандарт**». Они способствуют реализации коммуникативных задач рекламы, отраженных в известной «перлюкутивной» формуле AIDMA: пробуждают *внимание – интерес – желание*, задают *мотив*, стимулируют *действие*, но часто вызывают не позитивный резонанс, а раздражение общестественности как стилистические гипер-характерные ошибки. Данный спецкурс призван бороться с ошибками всех типов, но развивать креативность учащихся через осознание иерархии норм и умелое их применение или нарушение.

В спецкурсе изучаются также **законодательные требования**, данные в международных и федеральных законах о рекламе и об иных направлениях и проявлениях медиадея-

тельности, а также в законе о русском как государственном языке Российской Федерации, и **этические нормы** деонтологических кодексов. Законами запрещен целый ряд коммуникативных стратегий, сюжетных ходов и персонажей, для ряда случаев ограничено употребление некоторых типов языковых единиц. При этом **функционально-стилистикаские нормы рекламы** обусловлены **маркетинговыми целями**, требующими эффективности любой ценой, что часто приводит к пренебрежению нормами и литературными, и законодательными. Поэтому функционально-стилистикаские **критерии качества рекламы**, предлагаемые в спецкурсе, формулируются на маркетинговых основаниях, но дополняются установлениями законов. Эти критерии применяются в разного рода **лингвистических экспертизах** рекламы.

В рекламистику как дисциплину специализации «встроенна» своего рода рекламная филология. Главное в ней – «риторика», разработка системы аргументации, включающей УТП (уникальное торговое предложение, основную продающую идею) и вспомогательные аргументы – рациональные (основанные на объективных характеристиках товара и потребностях целевой аудитории) и эмоциональные (базирующиеся на идеалах, желаниях, страхах аудитории и на эмоциональных ассоциациях товара). В ней есть и «текстлингвистика», и «семиотика». В ней нет стилистикаского и культурно-речевого компонента – в спецкурсе эта лакуна восполняется. Функционально-стилистикаский спецкурс нужно обязательно основывать на рекламной филологии, чтобы «говорить на одном языке» с учащимися, работающими в рекламе.

Научным результатом функциональной стилистики рекламы является 1) характеристика **рекламного функционального стиля** как разновидности **русского литературного языка**, устроенной как **вертикально интегрированная языковая суперпарадигма**, и 2) описание **рекламного дискурса** как **речевой суперпарадигмы текстов** с частными **жанровыми парадигмами**. В наших планах – описание рекламного стиля по полемому принципу как совокупности ФСЦ, организованных вокруг специфических для языка рекламы функциональных категорий, соотносимых с понятиями функционально-семантических категорий, предложенным в ТФГ А. В. Бондарко, и функциональных семантико-стилистикаских категорий М. Н. Кожинной.

Самовыражение личности в Интернете: лингвистический аспект

Т. Б. Карпова

Пермский государственный университет

Интернет-коммуникация, язык Интернета, виртуальная личность, реальная идентичность, способы самопрезентации

Summary. Self-expression of personality in the Internet: linguistic aspect. The features of the Internet, in particular its anonymity, generate such a phenomena as the constructing of a virtual personality. The virtuality provoke a person for self-expression released from various psychological complexes which were formed in the real life. And this release takes place just in the sphere of language because a person exists in the Internet just in the language form.

Принципиальная анонимность Интернета, фрустрация визуальных и тактильных контактов, многообразие и своеобразие сетевых сообщений порождают такое явление, как конструирование виртуальной личности. Виртуальность провоцирует человека на самовыражение, связанное с освобождением от различных психологических комплексов, сформированных в реальной жизни. Причем освобождение это происходит именно в языковой сфере, поскольку человек существует в Интернете именно в языковой форме.

Самовыражение личности в Интернете начинается с выбора имени – *ника* (от англ. *nickname* – «прозвище»), под которым человек вступает в интерактивное общение в *чатах*, *блогах*, на *форумах* и т. д. Выбор *ника* определяется как уровнем культуры человека, его возрастом, профессией, социальным статусом, так и настроением, в котором пользователь Интернета зарегистрировался в сетевом сообществе и вступил в коммуникацию. То, что в качестве *ника* редко выбирается реальное имя, является нормой интернет-общения. В большинстве случаев *ники* поддерживают режим «кинкогнито» и позволяют конструировать тот сетевой образ, который бы помог максимально реализовать возможности виртуального общения. В *никах* часто проявляется самоирония языковой личности, игровой характер сетевых взаимоотношений, стимулирующий виртуальное самоотражение.

384

Детерминантой речевой самореализации личности в сети является игровой импровизационный стиль, характерный для сегодняшнего культурного контекста, определяемого как время постмодернизма, когда познание мира происходит через распознавание интертекста, новое «добывается» в ходе селекции реального и карнавалового, а его смысл и значение доступны лишь постигшим правила языковой игры. Стиль интернет-общения пронизан колоритом игры иронизирующей личности. В полной мере это относится к общению в *чатах*, на *форумах*, а также в *блогах* (*блог* – сленговое сокращение от английского *weblog*), или сетевых дневниках. Сетевой дневник – это интерактивный диалоговый (точнее, полилоговый) документ, подразумевающий взаимодействие и взаимовлияние автора и читателей в форме комментариев к подневным записям. В качестве его ведущих структурных характеристик выделяются ветвистость, нелинейность, сочетание вербальных и графических элементов, правды и вымысла, игровое начало. Основная интенция автора онлайн-дневника – самовыразиться: поделиться радостью или проблемами, «выставить мысли напоказ». И все же в *блогах* личность пытается самовыразиться не столько для познания себя, сколько для привлечения к себе внимания пользователей Интернета. А потому здесь больше местоимений «мы», чем «я», обращения ко множеству адресатов, побудительные предложения в форме 2-го

лица мн. числа, вопросительные предложения. Экспрессивность речи авторов онлайн-дневников передается обилием восклицательных предложений, многоточия свидетельствуют о спонтанности речи, а также о недосказанности, о наличии подтекстов. Необходимость передачи специфики «живой» коммуникации определяет активное использование в блогах эмоционально-экспрессивных частиц, междометий, графических средств (заглавных букв, подчеркиваний, различных шрифтов, смайликов, рисунков, фотографий), а также намеренное коверкание слов, которое могло бы иметь место в непринужденной беседе.

Авторы сетевых дневников, как правило, люди незаурядные, с творческим потенциалом. Не случайно в блогах часто выставляются стихи, рассказы, зарисовки. Таким образом творческая личность реализует свою интенцию самовыразиться. В блогах меньше, чем в других интерактивных жанрах, используются вымышленные имена. По-видимому, это связано с тем, что большинство авторов сетевых дневников не нацелены на эксперименты с реконструкцией своей личности (как это делают, например, участники всевозможных чатов); стратегия самопрезентации в блогах – излить душу, поделиться мыслями с близкими по духу людьми, раскрыть свои творческие интенции, повысить самооценку и получить популярность.

Та же стратегия и у авторов персональных сайтов, хотя их посещаемость ниже, чем посещаемость блогов, да и не каждому по возможностям сделать свою веб-страницу в Интернете. И тем не менее так называемые домашние страницы – это тоже яркая сетевая форма самопрезентации человека. По стратегической направленности веб-страницы делятся по крайней мере на три группы: персональные сайты политиков, общественных деятелей; сайты представителей разных, в том числе творческих, профессий; сайты по интересам, будь то узкопрофессиональные или досуговые интересы. В целом на домашних страницах гораздо в большей

степени, чем в чатах, блогах и на форумах, проявляется реальная личность, а не ее виртуальный образ, а потому основной стиль общения здесь не публичный, «карнавалный» (с преобладанием игры условностей и условных персонажей, с разнообразными мистификациями, театральностью, инсценированием реальных и нереальных ситуаций, с ироничностью и юмором, островами, каламбурами и т. д.), а «доверительный», «приватный», т. е. происходит «общение в виртуале со сброшенными масками». Такой стиль встречается и в виртуальных социумах, специализирующихся на общении. Недаром в них изначально заложена возможность приватной беседы без перехода на другой ресурс. В чатах, например, обычно приняты такие приватные формы коммуникации, как «шепот» (возможность при общем разговоре отправлять любому участнику чата реплики, невидимые для остальных) и «приват» (возможность перейти в диалоговый чат «на двоих»). Примечательно, что в приватном общении не принято «карнавалить» (прибегать к мистификациям, розыгрышам, провокациям), это «внекарнавальная зона», зона правды, взаимного доверия и повышенной эмоциональной насыщенности.

Находясь в киберпространстве, человек пытается создать себе «сильные позиции» посредством моделирования своего виртуального «я». Конструирование виртуального образа может быть связано с желанием пользователя Интернета решить проблему неудовлетворенности реальной идентичностью, а именно теми ее сторонами, которые в виртуальной коммуникации отсутствуют: пол, возраст, социальный статус, этническая принадлежность, внешняя привлекательность и под. Создание сетевой идентичности, которая отличается от реальной, может быть связано и с тем, что люди не имеют возможности выразить все стороны своего многогранного «я» в реальной коммуникации, испытать новый опыт, в то время как сетевая коммуникация им такую возможность предоставляет.

Прошлое, настоящее и будущее русской деловой речи

А. Н. Качалкин

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Русская филологическая наука всегда занималась изучением документов, так как он представляет собой массовый вид письменности и является носителем нормы письменного литературного языка. Исследуя литературно-художественные произведения, академик В. В. Виноградов показал, что писатель – художник слова – ориентируется на массовый литературно-письменный язык читателя, который находит свое воплощение прежде всего в текстах деловой речи.

Учитель академика В. В. Виноградова академик А. А. Шахматов исследовал летописи и документы как источник по истории языка и разработал методы сравнительного анализа документных текстов. Предшественники А. А. Шахматова А. Х. Востоков, Ф. И. Буслав, И. И. Срезневский занимались документом как материалом для исследования истории языка, в том числе формирования грамматической нормы.

Изучение русских деловых текстов имеет давние традиции. Специалисты в области русской риторики и теории словесности М. В. Ломоносов, Курганов, Н. Ф. Кошанский, Зеленецкий, М. М. Сперанский, Водовозов, Н. В. Варадинов и др. были нормализаторами современных им деловых текстов: формуляра, языка, стиля и терминологии.

Компьютеризация речевых действий приводит к значительному увеличению деловой прозы: документов, научно-технической литературы, текстов массовой информации и словесных текстов информационных систем. Деловая проза – письменные тексты; с этими письменными текстами коррелирует устная деловая речь.

Число документов постоянно возрастает; вместе с этим повышается их смысловая специализация и внутренняя дифференцированность словесно-семантической структуры. Умножение числа документов, разнообразие их видов и разновидностей, усиление роли фразеологии и терминологии, усложнение содержания, формуляра и стиля сопряжены с целым рядом недостатков современного документа как языкового явления.

Языковая деятельность имеет две стороны: содержательную (техника, образование, право, мораль) и знаковую (система языковых средств для выражения соответствующих идей). Знаковая сторона языковой деятельности играет роль инструмента для содержательной стороны. Если инструмент или искусство пользования им отсутствуют, то дело сделать невозможно.

Умение владеть нормой и – отчасти – вариантами нормы достигнуто в основном для языка художественной литературы и в известной степени для языка массовой информации, но не для языка деловой прозы. Неунифицированность терминологии – основы деловой прозы – представлена ярче всего при процедурах объединения отраслевых тезаурусов, при рубрикации банков знаний, при классификации документов и других подобных ситуациях.

Всякий текст обладает темой или предметным содержанием, которое характеризуется отношением к действительности так, как его представил создатель текста. Это отношение предметного содержания к действительности назовем модальностью.

Любое предметное содержание речи соотносится с действительностью не хаотически, а вполне определенным способом. Некоторые действия можно предположить как полезные и целесообразные или же как отвергаемые; действия можно спланировать, предписать; можно описать совершившиеся действия, описать наличные состояния объектов управления, описать потребности, новые объекты управления; закрепить отношения людей друг к другу, закрепить отношения вещей к людям, создать норму отношений друг к другу и вещей к людям, регламентировать и другие подобные действия и отношения. Эти модальные значения при становлении документной системы получают однозначное выражение в документных жанрах.

Документы отличаются от других видов речи тем, что в них представлены однозначно выраженные модальные от-

ношения в виде определенного способа активирования действительности, присущие каждому жанру определенного документа данной канцелярии. Способность каждого вида документа, реализующего жанр, к определенному типу активирования, то есть к выражению одному ему присущей модальности, составляет своеобразие документов как разновидностей текстов.

Понятие «жанр» документа может быть и сопоставлено с понятием «вид» документа и противопоставлено ему. «Вид» – понятие конкретное, а «жанр» – типологическое. Филологический анализ документов по жанрам предполагает возможность раскрытия движущих сил, приводящих к созданию формуляров документов как инструмента управления деятельностью. В результате вырабатывается система общепонятных словесных формул, в которых разрабатывается композиция, система словарных средств и фразеологии (в том числе и во многом терминологического характера), делающая замысел документа удовлетворяющим качеству словесного текста. Определенная композиция документа и лексико-фразеологический состав, в первую очередь из опорных, базовых и ключевых слов, составляют основу формуляра документа.

Русский язык отличает устойчивость делового стиля во времени. Несмотря на достоинства традиционных свойств и норм русского официально-делового стиля, нарастающая глобализация требует внимания к ярко выраженным положительным качествам делового стиля других языков. Например, во французском языке недопустимы «зыбкие» формулировки, недомолвки и двусмысленности. Эти качества, несомненно, могут быть полезны и для современной русской деловой речи.

В наши дни особенно активно проявляется воздействие устных форм общения на письменный вариант деловой речи. Это – явления языковой компрессии, эллиптические конструкции, нарушение лексической сочетаемости и форм управления. На письменную речь влияют и распространившиеся ныне документы, предназначенные для фиксации и воспроизведения устной речи. Возрастает удельный вес переписки с одновременным сокращением устных жанров деловой речи: телефонный разговор все чаще замещается деловым письмом – запиской, переговоры в их привычной

форме заменяются телеконференциями, к которым необходимо представить текст выступления.

Необходимой задачей является оптимизация языка и стиля деловых текстов. Унификация формуляров и известная трафаретизация документов в значительной степени достигнуты. Оптимизация языка и стиля может быть усовершенствована за счет рационального использования ключевых слов и доминант. Следует различать понятия ключевого слова и доминанты. Ключевое слово связано с понятием высказывания, доминанта – с выбором слова. Бывает, что одно и то же «сильное» слово русского языка: *акт, актив, активизировать, актуальный, акция* и другие подобные выступают одновременно в двух своих качествах: ключевого слова и доминанты.

Речевые процессы двух последних десятилетий привели к семантическим сдвигам в смысловой структуре у ряда деловых слов, в первую очередь таких, как *аналитик, администратор, приоритет, обвал, модель, рейтинг, экология*. Эти изменения в одних случаях обусловлены все усиливающимся процессом глобализации, соотносением традиционного словоупотребления с иностранной деловой лингвокультурой, в других – смешением стилей и своеобразной речевой эклектикой.

Речевая практика в современной деловой речи, особенно устной, показывает процесс расширения семантики в направлении ее роста за счет большей свободы индивидуального словоупотребления. Это касается случаев типа *бартер – обмен; беспредел – произвол; бригада – команда; грязные, теневые – незаконные; дилер – торговец; интеграция – сближение* и других подобных.

В выделении общих и специфических особенностей разных текстов деловой прозы, в углубленном изучении жанров через устойчивые и терминологизирующиеся названия видов документов с их языковыми особенностями, в выяснении взаимоотношений делового языка с литературным можно видеть дальнейшие задачи изучения русских документов.

Необходим также внимательный и детальный анализ нынешнего состояния делового стиля, обстоятельная разработка образовательных программ по деловой речи и активному внедрению их в практику.

Теоретические аспекты описания инвективности как функционально-семантической категории

А. В. Коряковцев

Кемеровский государственный университет

Инвектива, инвективность, коммуникативный конфликт, функционально-семантическая категория

Summary. The modern language situation assumes the description of communicative conflicts from the point of view of means of their occurrence. It is considered to be a universal component of the communicative conflict invective (as result or process). Category invectives – one of the functional – semantic categories, potentially placed at various levels of language.

Общеизвестно, что в рамках современной языковой ситуации актуализируется создание универсальной прецедентной базы, регулирующей функционирование языка как источника социальных конфликтов. Исследования этого аспекта функционирования языка ведутся в рамках таких специализированных научных отраслей и теоретико-практических направлений как юрислингвистика, экология языка, лингвистическая конфликтология, социоллингвистика, суггестология и др.

Среди представленных подходов к описанию языка можно выделить следующие параметры оснований оценок факта конфликтности:

- собственно языковой (структурно-функциональный / функционально-семантический);
- социальный (аксиологический, коммуникативный);
- культурно-концептуальный (культурологический, исторический);
- правовой.

Синтез коммуникативного конфликта происходит на уровне проявления / угасания возможных средств, способствующих

его возникновению, и зачастую собственно языковые средства детерминируют структуру возникновения и протекания того или иного коммуникативного конфликта как «результата особого типа общения» [1, 14]. Универсальным компонентом коммуникативного конфликта принято считать инвективу (как результат или процесс). Полисемантизм и открытость понятия «инвектива» приводят к неоднозначному толкованию и расхождению оценок в лингвистической литературе, во многом вариативным является и теоретический инструментарий, используемый при описании конфликтных ситуаций, эксплицированных острыми эмоциональными состояниями.¹

Попытка теоретического описания инвективности как одной из функционально-семантических категорий направлена на формирование определенных классификационных параметров, позволяющих проследить организацию и осуществление процесса инвективного (оскорбительного) функционирования языка (лингвистический аспект), а также составить матрицу, позволяющую адекватно оценить языко-речевые конфликтные выражения (юридический аспект).

¹ В частности, «инвективой» нередко обозначается совершённое языковое оскорбление, единичная лексема выражения оскорбительного значения, собственно обшенная лексема. Предполагается, что построение адекватного научному описанию традиционного семантического ряда данных понятий актуально для современной теоретической лингвистики.

Теоретико-практическим сторонам инвективного функционирования языка посвящено множество работ ([Жельвис 1997], [Шарифуллин 2002], [Голев 2006] и др.). По мнению Н. Д. Голева, в самом языке вырабатываются специализированные подсистемы определенных средств (в частности, оскорбительных), «что позволяет говорить о них как о своеобразных функционально-семантических языковых категориях с присущими им свойствами (многоуровневостью средств выражения данного содержания, ядерно-периферийным устройством и т. п.)» [2, 3]. Как языковую характеристику инвективности мы считаем структурно-функциональным свойством, существующим в рамках определенной категории, обладающей спектром вариативных методов выражения. Инвективный потенциал, реализуемый в речи, предполагает искусственную поливариативность (обслуживание различных сфер человеческого существования). Соответственно, группа языковых элементов, детерминирующая модель инвективной ситуации и когерентная структура ее непосредственной реализации позволяют говорить о целесообразности обращения к структурно-функциональному описанию инвективы в рамках языковой категории.

Критерием для выделения функционально-семантических категорий является общность семантической функции взаимодействия элементов разных уровней, наличие известного семантического инварианта и дифференциальных семантических признаков этих элементов [3]. Функционально-семантические категории могут выражаться морфологическими, синтаксическими, лексическими, словообразовательными средствами, различаться контекстными комбинациями. Инвективность как функционально-семантическая категория характеризуется в структурном плане наличием ядра (собственно инвективных лексем и словоформ, минималь-

ных смыслов, инвектогенных образований – инвектем). На периферийном уровне взаимодействуют различные функции представления контекстуальных инвективных номинаций, в качестве которых могут выступать вариативные речевые единицы.

Ядром синтезирования оскорбительности зачастую становятся собственно инвективные морфемы, минимально значимые единицы оскорбления, выявление которых позволяет провести оценочный анализ инвективности (оскорбительности) текста. К примеру, корневой ряд взаимодействует с рядом словообразовательных формантов, эксплицирующих коннотативную базу оскорбительной или пейоративной номинации лица или означивания фактов ситуации:

**Дур/а; дур/ак; дур/аки; дур/ында; при/дур/ок; дурь; дурь/я башка; дур/ацки; дур/ость; при/дурь*.

«Дур / дурь» на уровне корневой морфемы оформляется в качестве самостоятельной единицы эксплицированного минимального средства оскорбления (инвектемы). Таким образом, структура ядра категории инвективности представляет собой когерентную последовательность единиц, определяемых на различных уровнях языковой системы посредством сопоставления их поливариативных реализаций.

Литература

1. Муравьева Н. М. Язык конфликта. М., 2002.
2. Голев Н. Д. От редактора: Инвективная и манипулятивная функции языка // Юрлингвистика-6: Инвективное и манипулятивное функционирование языка: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Н. Д. Голева. Барнаул, 2005.
3. Бондарко А. В. К проблеме функционально-семантических категорий (Глагольный вид и «аспектуальность» в русском языке) // Вопросы языкознания. 1967. № 2.

Книжность и разговорность в массовой коммуникативности

В. Г. Костомаров

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, Москва

1. Всеохватывающий роль массовой коммуникации вынуждает пересмотреть многие аспекты современного функционирования языка. Новый смысл приобретает, видимо, понятие текста, что не может быть безразличным для самой языковой системы.

2. Естественной базой массово-коммуникативных текстов, органично связанных со звучанием, изображением, цветом, воспроизведением всей культурной обстановки, в собственно лингвистическом плане становится взаимопроникновение книжности и разговорности.

3. Нельзя не заметить (пусть и с большим сожалением), что обожествление книжности тускнеет, а разговорные тексты в общественном восприятии обретают (пусть при известном скепсисе) очевидную весомость. Порождение письменности (таинственной «говорящей бумаги», удивлявшей еще недавно американских индейцев) – книжность наталкивается на конкуренцию современных и куда менее ущербных средств фиксации, хранения и воспроизведения естественной речи. В то же время нынешняя коммуникативная жизнь не может удовлетвориться разговорностью, не может не использовать объективные богатства книжного языка, даже его изощренную условность, вызванную компенсацией условности письма.

4. Массово-коммуникативные тексты творят некую виртуальность, требующую своих форм выражения, в перспективе – своего «языка» точно так же, как книжность, то есть виртуальность записанных, зафиксированных письмом текстов, создала в ходе истории книжный, в привычной терминологии литературный, стандартный, образованный язык. Этот язык с его монополией на важное и серьезное содержание весьма неправомерно принизил свою звуковую прародительницу, первородную звуковую речь. В учебном восприятии язык, вообще грамотность парадоксально стали осмысляться как знание правил орфографии и пунктуации.

5. Исторически наиболее значимое богатство людей – научные, производственные достижения и непреходящие, нетленные духовные, художественные ценности связаны с книжностью. Сегодня они все теснее увязываются с иными видами и формами воплощения, в том числе и еще не устоявшимися, сомнительными. Кое-кто уже утверждает, что нормы языка, в русской традиции извлекавшиеся из художественно литературы, теперь диктуются газетой, кино, телевидением и интернетом.

6. Не стремясь послужить пророками и предсказателями, лингвисты должны всерьез обратиться к изучению и к регулированию обозначившихся процессов.

Стилистика научного текста в когнитивном аспекте

М. П. Котюрова

Пермский государственный университет

Стилистика научного текста, субъектность содержания научного текста, когнитивный эпистемологический стиль, эмпирический стиль познания, рационалистический стиль познания, метафорический стиль познания

Summary. Stylistics of Scientific Text in the Cognitive Aspect. Stylistics of scientific text and cognitive linguistics are combined to research the subject aspect of text based on the cognitive activity of the scientist. The subject aspect of scientific knowledge is studied with the respect to both epistemic and psychological peculiarities of the content. This article considers the influence of empirical, rationalistic and metaphoric style of cognition on the creation of the scientific text within the frame of psychology of cognitive styles.

Стилистика научного текста и когнитивистика неразрывно связаны, но «фокус» связи в каждом случае свой, особый: для стилистики – момент *объяснения* полученных лингвистических фактов, для когнитивистики – характер *выражения* познавательных смыслов.

1. Стилистика научного текста включает целый ряд проблем, обусловленных познавательной деятельностью ученого и отражением ее в тексте. В частности, проблемы, связанные со структурированием экстралингвистической основы научного стиля речи, а также вниманием к *субъект-*

ной стороне (наряду с объектной) содержания научного текста – научного знания.

Наиболее общим основанием дифференциации экстралингвистической основы научного стиля речи является деятельность субъекта по отношению к объекту в процессе познавательной деятельности ученого. Действительно, собственно научное знание (не только протоколно-констатирующие утверждения) представляет собой реконструированный процесс познавательной деятельности – деятельности по получению нового знания. Учитывая процессуальность научного знания, мы тем самым подчеркиваем его субъектный, а не рафинированно-объектный (результативный) характер. Акцент именно на субъектной стороне научного знания предполагает учет и гносеологической (уже – эпистемической) специфики содержания, и специфики, детерминированной психологией научного творчества.

2. Поворот в сторону субъектности содержания научного текста приводит к рассмотрению прежде всего внешней, линейной стороны текста, а значит, установлению типовых языковых средств, эксплицирующих это субъектное начало, пронизывающее научный текст. Субъект познавательно-коммуникативной деятельности – это диалектическое

единство общих и индивидуальных свойств сознания ученого; из них прежде всего следует назвать когнитивный стиль и стиль мышления, а также интуицию и ассоциативность мышления. В русле психологии интеллектуальной деятельности, а именно одного из важнейших ее разделов – психологии когнитивных (познавательных) стилей, понимаем вслед за М. А. Холодной и учитываем когнитивные эпистемологические стили как «индивидуально-своеобразные формы познавательного отношения к окружающему миру и самому себе как субъекту познавательной деятельности» [1, 312].

3. В докладе рассматриваются особенности текстов, в которых реализуются основные стили познания – эмпирический, рационалистический и метафорический. Представлены результаты изучения текстов относительно степени концептуализации, теоретизации, экстенсивности. Комплекс этих измерений представляет собой индивидуальную характеристику – функцию «психоэпистемологического профиля» личности автора. В связи с этим ставится проблема когнитивного индивидуального стиля ученого как фактора текстообразования.

Литература

1. Холодная М. А. Когнитивные стили. СПб., 2004.

Коммуникативные неудачи в общении по электронной почте в учебно-профессиональной сфере Н. А. Кочетунова

Новосибирский государственный технический университет

Компьютерно-опосредованная коммуникация (КОК); электронная коммуникация; электронная почта; коммуникативные неудачи

Summary. The report contains analysis of the most frequent causes of students' communicative failures in e-mail communication related to learning process at a university.

В настоящее время электронная коммуникация (коммуникация, опосредованная компьютером, КОК) относится к наиболее интенсивно используемым формам общения. В частности, электронная коммуникация – главным образом, такая ее разновидность, как электронная почта – все чаще используется в учебно-профессиональной сфере, где коммуникантами являются участники учебного процесса: преподаватель и студенты.

Особое значение для электронной коммуникации приобретает понятие коммуникативной неудачи (КН), поскольку в КОК риск полного прекращения общения намного выше по сравнению с традиционными формами коммуникации.

Под коммуникативной неудачей понимается неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения говорящего (Б. Ю. Городецкий, Л. К. Граудина, Е. А. Земская, И. М. Кобозева, Е. В. Падучева, И. Г. Сабурова, И. А. Стернин, Е. Н. Ширяев и др.). Е. А. Земская также включают в круг обозначаемых данным термином явлений не предусмотренный говорящим коммуникативный / эмоциональный эффект.

Коммуникативные неудачи, встречающиеся в электронной коммуникации, могут быть классифицированы следующим образом:

1. КН, характерные для традиционного устного и письменного общения.

2. КН, связанные со спецификой КОК.

3. КН, обусловленные особенностями различных жанров электронной коммуникации.

Обязательным условием достижения коммуникативных целей в КОК в учебно-профессиональной сфере является соблюдение в электронных сообщениях определенных норм учебно-профессионального общения и норм, связанных с содержательным, лингвистическим и техническим аспектами электронной коммуникации в целом и ее конкретных жанров.

Одной из интенций, наиболее часто реализуемых в рамках электронной коммуникации в учебно-профессиональной сфере, является передача выполненного задания преподавателю для проверки и получения оценки и комментариев. В качестве средства коммуникации для этого чаще всего используется электронная почта. Успешность реализации данной интенции зависит от того, насколько сообщение отвечает следующим требованиям:

1. В поле «От» отображаются имя, фамилия и электронный адрес отправителя сообщения (студента).

2. В поле «Кому» отображается электронный адрес получателя (преподавателя).

3. В поле «Тема» упоминается название изучаемой дисциплины и номер / название присылаемого задания.

4. Сообщение начинается с приветствия / обращения в форме «Здравствуйте, + имя и отчество преподавателя» / «Уважаемый (-ая) + имя и отчество преподавателя».

5. Основная часть сообщения содержит фразу, раскрывающую его цель (например, «Высылаю Вам выполненное задание № 5 / к занятию №... / по теме...»).

6. Сообщение заканчивается подписью, состоящей из фразы «С уважением», а также имени, фамилии, названия факультета и номера группы студента.

7. Текст задания содержится не в самом сообщении, а в прикрепленном к нему файле.

Материалом для нашего исследования послужили около 120 электронных писем студентов. В результате анализа в 76% электронных сообщений были выявлены нарушения приведенных выше требований, послужившие причинами коммуникативных неудач. При этом допущенные нарушения норм общения в учебно-профессиональной сфере в подавляющем большинстве случаев создавали нежелательный эмоциональный эффект, но не становились помехой для реализации интенции, в то время как нарушения норм электронной коммуникации часто являлись серьезным препятствием для осуществления коммуникативного намерения отправителя сообщения.

Основные причины возникших коммуникативных неудач могут быть подразделены на две группы:

1. Собственно лингвистические (недостаточное владение лингвистическими нормами электронной коммуникации).

2. Экстралингвистические (недостаточное владение навыками использования электронной почты).

Иллюстрацией коммуникативных неудач, вызванных данными причинами, могут служить следующие примеры.

Недостаточное владение лингвистическими нормами электронной коммуникации:

- отсутствие в сообщении приветствия (обращения) и / или подписи;
- использование в сообщении готового шаблона приветствия и подписи на русском или английском языке («Hello kna, best regards, Танюшка»);
- отсутствие в письме, требующем ответа, имени отправителя (студента), что создает получателю сообщения (преподавателю) трудности с выбором обращения при ответе

(«С уважением, всего наилучшего»; «С уважением, Рак А. В.»; «С уважением, Король В. С.»).

Недостаточное владение навыками использования электронной почты:

- отсутствует файл, упоминаемый в основной части сообщения;
- текст выполненного задания содержится не в прикрепленном файле, а в основной части сообщения, в результате чего исчезает коммуникативно значимое форматирование (таблица трансформируется в текст, исчезает нумерация и т. д.);
- сообщение было прочитано позже намеченного отправителем срока (отправитель не учел особенности электронной почты, связанные с ее асинхронностью: например, отправив сообщение с просьбой проверить его в течение нескольких минут);

- сообщение не было доставлено адресату из-за слишком большого размера прикрепленного к сообщению файла;
- сообщение было квалифицировано почтовой системой или самим получателем как спам и удалено без прочтения (из-за неверно заполненных полей «Тема» и «От»).

Результаты данного исследования свидетельствуют о том, что при реализации студентами даже простейшей интенции в рамках КОК в учебно-профессиональной сфере возникает большое количество коммуникативных неудач, приводящих к появлению нежелательного эмоционального эффекта, а также к неосуществлению или неполному осуществлению коммуникативного намерения. Следовательно, студентам необходимо специально обучать нормам учебно-профессионального общения и нормам, связанным с содержательным, лингвистическим и техническим аспектами электронной коммуникации в целом и ее отдельных жанров.

Жанр рецензии и его современная трансформация

Ю. Д. Кравченко

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

Речевые жанры, жанр рецензии, интернет-рецензия

Summary. The article is devoted to the specific of genre of review and its modern transformation in computer communicative sphere.

Дальнейшее изучение особенностей структуры речевых жанров и их типологии – один из актуальных аспектов теоретического и прикладного жанроведения, или речеведения (М. Н. Кожина, Т. В. Шмелева). И хотя «открытия» наиболее эффективных жанров состоялись», наблюдения над другими жанрами позволят, по крайней мере, приблизиться к созданию *энциклопедии жанров* (Т. В. Шмелева) и посредством их описания составить своеобразный *каталог стилей* (Г. Г. Хазагерова).

Одним из таких жанров, заслуживающих исследовательского внимания, является жанр рецензии. Ориентируясь на ставшее хрестоматийным определение речевых жанров М. М. Бахтина как «относительно устойчивых тематических, композиционных и стилистических типов высказывания», можно выделить стилежанрообразующие признаки рецензии. В тематическом плане рецензия представляет собой разбор научных сочинений, произведений искусства. Цель рецензии как оценочно-критического типа текстов – «комментирование основных положений (толкование авторской мысли; собственное дополнение к мысли, высказанной автором; выражение своего отношения к постановке проблемы и т. п.)», а также аргументированная оценка и выводы о значимости работы (Н. С. Водина, Н. Ф. Топильская). В композиционном плане для рецензии типична схема цельного и связного текста «зачин – основная часть – концовка», которую конкретизируют следующие структурно-смысловые компоненты: описание предмета анализа; формулирование основного тезиса; краткая характеристика объекта анализа; положительная оценка темы, содержания, приемов создания анализируемого объекта; описание недостатков объекта; формулирование выводов. В стилистическом плане рецензия является реализацией книжных стилей (ср.: литературная, театральная, научная рецензия) с соответствующим «набором» нейтральных и маркированных языковых средств. Таким образом, рецензия – это вторичный жанр (по М. М. Бахтину), письменный и монологический по форме, выступающий структурным инвариантом по отношению к его конкретным разновидностям.

Современным вариантом жанра рецензии можно считать *интернет-рецензию*.

Интернет, рассматриваемый сегодня как особая сфера коммуникации, как новая коммуникативная среда, как гипертекст, характеризуется интерактивностью, манипулятивностью, мультимедийностью, оперативностью и др. В процессе распространения электронного общения происходят определенные изменения в языке и речи. Эти изменения приводят к трансформации сложившейся системы речевых жанров и дают новую «электронную» реализацию традиционным жанрам (О. А. Левоненко).

Трансформация стилежанрообразующих признаков инвариантного жанра рецензии происходит и в интернет-рецензии. Особенностью последней в смысловом отношении является то, что здесь острее стоит проблема адекватной передачи в словесной форме информации, представляющей со-

бой интерпретацию произведений разных (невербальных) видов искусства. С точки зрения реализации аксиологических значений в текстах интернет-рецензий оценки разных авторов одного и того же произведения могут представлять весь спектр по признаку полярности и степени выявленности (ср. из рецензий на один кинофильм: 1. *Федор Бондарчук поставил перед собой крайне сложную задачу – сделать зрительское, массовое кино на непростую тему войны. ...С первых кадров понимаешь, что перед тобой Большое Кино, где халтура в исполнении исключена по определению. – 2. Вот теперь имеем сериал «Штрафбат» и фильм «9 рота», сделанные людьми, которые искренне уверены в том, что «снимают правду»»). При этом текст может содержать не систему аргументации, а отдельные эмоциональные доводы. Отличие связано и с отсутствием в интернет-рецензиях четкой композиции, в частности с отсутствием некоторых из названных структурно-смысловых компонентов: если отсутствует оценка объекта, характеристика достоинств и недостатков произведения, то рецензия трансформируется, скорее, в жанр аннотации; если отсутствует описание предмета анализа, формулирование основного тезиса, то рецензия трансформируется в эссе; если преобладает критический анализ над положительной оценкой произведения, то рецензия трансформируется в смежный жанр отзыва. Отличие интернет-рецензий состоит и в функционально-стилистической характеристике: в зависимости от авторской интенции и творческих возможностей в таких текстах используется все богатство стилистических ресурсов языка, в том числе нелитературные средства; так, например, отбор языковых средств может способствовать формированию «научности» текста и даже привести к наукообразности, перегруженности текста стилистически маркированными единицами. В конечном итоге выбор из ряда речевых возможностей зависит от типа языковой личности.*

В условиях электронной коммуникации возникает «новая фактура речи» (С. Н. Михайлов) и вместе с ней новая форма языкового взаимодействия – письменная разговорная речь. Некоторые тексты интернет-рецензий реализуют в письменном виде устное разговорное начало, в соответствии с бахтинской идеей, первичное по своей природе, и имеют диалогический характер при монологической форме.

Таким образом, жанр интернет-рецензии в тематическом, композиционном, стилистическом плане является неустойчивым, предполагающим максимально высокую степень креативности автора, свободу в представлении собственного мнения и в выражении оценок. Этому способствуют условия коммуникации в Интернете, функционирующем как «открытое сообщество»: адресант и адресат интернет-рецензий – это любой потенциальный участник общения, независимо от уровня образования, компетентности и языковых предпочтений. Внутренняя раскрепощенность авторов интернет-рецензий стимулируется практически полным отсутствием внешней цензуры, поэтому в отношении некоторых авторов ряда текстов актуальным является вопрос речевой культуры.

Общее и индивидуальное в речи школьников г. Брянска (русская речь между литературным языком и диалектом)

В. О. Кузнецов

Брянская лаборатория судебной экспертизы МЮ РФ
vixen2006@yandex.ru

Речевой портрет, идиолект, личностно ориентированный подход

Summary. The research is concentrated on problem of individual and common in the scholar's speech. The scholar's speech portrait consists of several groups of idiolects. These groups are characterized by different correlations of standard and dialect features.

Понятия «речевой портрет» и «идиолект» диалектично объединяют в себе разные стороны соотношения индивидуального и общего в языке и речи. Идиолект – «совокупность формальных и стилистических особенностей, свойственных речи отдельного носителя данного языка» [2, 171]. Термин «речевой портрет», с одной стороны, сближается по значению с термином «идиолект», а с другой стороны, речевой портрет «отражает особенности речи определенной общественной среды (представителем которой является “портретируемый”» [3, 482].

Речевой портрет школьника отражает речевые особенности определенной группы школьников (класса или параллели). Данная социальная группа характеризуется неоднородностью, мозаичностью. Идиолекты, выделяемые в структуре речевого портрета, конкретизируют эту неоднородность.

В докладе речевой портрет школьников рассматривается на материале наблюдений и записей устной речи учеников среднего звена (семиклассников) общеобразовательной школы г. Брянска. Таким образом, общим для всех школьников анализируемой группы является возраст (примерно 11–12 лет), место жительства (жители г. Брянска), социальное положение (учащиеся средней общеобразовательной школы) и т. д. В идиолектах учеников выделяются индивидуальные речевые особенности каждого представителя данной группы. Необходимо отметить, что в речи школьников Брянска отражается языковая ситуация, сложившаяся в городе: в речи брянцев сочетаются нормативные особенности, характерные для литературной речи, и следы диалекта.

В идиолектах брянских школьников представлены разные соотношения нормативных и остаточных диалектных особенностей:

1. Идиолекты, характеризующиеся диалектными фонетическими и лексико-грамматическими особенностями. В идиолектах отражаются следующие диалектные особенности произношения: диссимилятивное аканье (*в[ъ]да, гол[ъ]ва, тр[ъ]ва*), произнесение [γ] фрикативного и чередование его с [x] в конце слова (*[γ]ород, по[γ]ода, [γ]од, сне[x], бе[x]*), произнесение [в] губно-губного (*корова, коров*).

Идиолекты данной группы характеризуются использованием диалектной лексики (например, *бурак* – ‘свекла’, *закутка* – ‘постройка для мелкого скота’, *горожка* – ‘вид изгороди’ и др.), однако данная особенность отражается только в части идиолектов. Это объясняется тем, что «относительно легко минимизируется и переходит в пассивный запас диалектный слой лексики, уступая место общелитературной и профессиональной лексике, иноязычным заимствованиям» [1, 18]. С другой стороны, для всех идиолектов данной группы характерно использование региональной просторечной лексики (например, *остановочка, дверка, одеялко*).

Морфологические особенности: употребление диалектно-просторечных личных форм глаголов 1 лица единственного числа настоящего времени (например, *ездио, лазию, мерю* и др.); форм повелительного наклонения глаголов (например, *ляжь, ложи, едь, не трожь, езжай*), притяжательного прилагательного *ихний*; употребление предлогов в ином, чем в литературном языке значении: *по* (в значении цели) –

по воду, по грибы; с (в значении «изнутри») – *со школы, с Москвы* и др. Синтаксические особенности: употребление полной формы прилагательных и причастий в роли именной части сказуемого (*он виноватый, конь напоённый, ребенок накормленный* и др.); диалектно-просторечные конструкции управления (*оплатите за проезд, удивляюсь на тебя, радуюсь о нем, люблюсь на тебя*); конструкции *ПО* + дательный падеж существительных (*по окончанию, по приезду*). Идиолекты данной группы отличаются синтаксической бедностью, выражающейся, например, в использовании простых, преимущественно двусоставных предложений.

2. Идиолекты, характеризующиеся диалектными фонетическими и лексико-грамматическими особенностями различной степени выраженности. В идиолектах данной группы отражаются фонетические и лексико-грамматические особенности, представленные в предыдущей группе, однако эти черты различаются по степени выраженности, по степени соседства с нормой.

3. Идиолекты, характеризующиеся диалектными фонетическими особенностями. В идиолектах отражаются наиболее устойчивые диалектные фонетические особенности (например, диссимилятивное аканье, [γ] фрикативное), однако лексико-грамматические особенности соответствуют норме.

4. Идиолекты, характеризующиеся диалектно-просторечными лексико-грамматическими особенностями. В идиолектах данной группы отражаются лексико-грамматические особенности, выделенные в первой группе (они могут варьироваться), фонетические особенности соответствуют норме.

5. Идиолекты, в которых фонетические и лексико-грамматические особенности соответствуют норме. Речь школьников данной группы в наибольшей степени приближена к литературной. Идиолекты характеризуются нормативным произношением, богатым словарным запасом, владением сложным синтаксисом и др.

Специфика речевого портрета школьника заключается в неустойчивости его структуры, т. к. идиолекты учеников динамичны (на уроках русского языка происходит развитие речи, формирование и совершенствование речевой культуры школьников).

Понятия «речевой портрет» и «идиолект» актуальны в системе личностно ориентированного обучения. Изучение индивидуальных и общих особенностей речи школьников определяет выбор методов и средств обучения, характер индивидуальной работы с учеником.

Литература

1. Брызгунова Е. А. Русская речь между диалектом и литературным языком // Актуальные проблемы русской диалектологии. М., 2006. С. 18–20.
2. Виноградов В. А. Идиолект // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 171.
3. Крысин В. П. Социально-речевые портреты носителей современного русского языка. Предварительные замечания // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. М., 2003.

Книжно-письменные языковые средства в текстах интернет-форумов

Н. В. Кузнецова

Тюменский государственный университет

Интернет-форум, книжно-письменные, разговорная речь, письменный текст

Summary. There is given the classification of literary and written means of Russian literary (bookish) language in the texts of Russian www-conferences which deal with every day life topics, there seems to be the paradox of these texts that various kinds of literary-written means easily combine with colloquial and jargonism elements.

Общение во всемирной сети Интернет осуществляется в различных формах, одна из наиболее распространенных –

форум (www-conference, конференция, веб-конференция). Тексты интернет-форумов неоднородны в стилистическом

отношении. Наряду с многообразными явлениями разговорной речи, жаргонизмами, в них представлены языковые средства, свойственные книжной разновидности литературного языка. Так, в текстах русскоязычных интернет-форумов (участники которых проживают как в Тюмени, так и в других городах и регионах страны и за рубежом и, таким образом, ведут «мировой полилог») на бытовые темы содержатся следующие их виды (в соответствии с классификацией книжно-письменных средств О. А. Лаптевой [2, 157–158]).

1. Отглагольные существительные, обозначающие процесс (очевидно, в этих случаях пишущий предпочел имя глаголу): *предстоит этап обивки вагонкой и выноса оконного блока; по моей просьбе после установки мне бесплатно поменяли ручки на окнах; после 2-х лет работы ухудшения фильтрации не видели*. Нередки случаи, когда отглагольным существительным сопутствуют глаголы с ослабленным лексическим значением: *сделана реконструкция помещения, ведет к промерзанию, производится укладка белья*. В меньшем количестве наблюдаются отаждективные существительные: *из-за недостаточности денег, не указывает конкретный срок его пригодности, имитация навороченности и престижности*.

2. Причастные и деепричастные обороты: *замучившись менять иланги сейчас сделал просто; затем проехав дом направо повернешь; а мне обычную [дверь]... сваренную из уголков и хорошего листа железа; 90% не догадываются о широте озреваемых ими проблем*.

3. Предложно-падежные конструкции с книжными предложениями: *в сочетании с бронзовым штуцером и NORMАвским хомутком система почти вечная; отговаривают ввиду дороговизны расходников; выбирает себе забор исходя из потребностей и возможностей*.

4. Многословные словосочетания:

1) с главным словом – существительным: *толстая наружная стена здания рядом с оконным блоком; высокой заборной доской метра в полтора-два длиной; деревянный ящик шкафа или тумбочки с замком; обычный качественный вентиль с длинной ручкой*.

2) с главным словом – глаголом: *с гиканьем и истерическими криками носятся до 00.00; парк Гагарина и бли-*

жайшие леса протравливают от клещей и комаров; поменяли все ручки на окнах на более удобные; закрывать сам мешок шторкой изнутри пылесоса; резать сыры / ветчину шириной ломтика около 1 мм.

5. Средства союзной связи между предложениями: *На участке растут молоденькие сосенки, 3-4 м высотой, но поскольку площадь открытая – у них уже довольно серьезные стволы; Что касается LG, то, как я понял, это лучшие стиралки в данной ценовой категории; Пылесос с этим фильтром просто отказывался работать, при этом с запасным HEPA фильтром работал нормально*.

6. Слова, принадлежащие всему книжно-письменному типу литературного языка, например: *данный* (в значении «этот»), *достаточно, воздействует, в сфере* (чего-л.), *значительно, лишь, изготовить, неоднократно, необходимо, посетить, пригоден* (для чего-л.), *разнообразный, дальнейший, последующий, снабжен* (чем-л.), *соответствующий*.

Книжно-письменные средства свободно сочетаются с разговорными и жаргонными элементами, нередко в пределах словосочетания или даже одного слова.

Вероятно, большое количество книжно-письменных средств в рассматриваемом материале связано прежде всего с опосредованностью общения в интернет-форумах письменным текстом, его дистантностью во времени и пространстве, отсутствием непосредственной обратной связи. В то же время равные ранги адресата и адресанта, свободных от строгих ролевых обязанностей, нестрогая регламентированность общения в интернет-форуме, по всей видимости, обуславливают обилие в этих же текстах разговорных средств. Широкое использование книжно-письменных средств в интернет-форумах представляется возможным рассматривать и в качестве одного из свидетельств продолжающегося процесса «массового проникновения книжной речи в разговорную речь» вследствие распространения всеобщего образования [1, 25].

Литература

1. Винокур Т. Г. Стилистическое развитие современной русской разговорной речи // Развитие функциональных стилей современного русского языка. М., 1968.
2. Лаптева О. А. Теория современного русского литературного языка. М., 2003.

Автоматическая классификация текстов корпуса русских газет конца XX века по жанровым типам и источникам

О. В. Кукушкина¹, В. В. Поддубный², А. А. Поликарпов¹, О. Г. Шевелев²

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (1)

Томский государственный университет (2)

Частотные признаки, грамматическая информация, метод Хмелева

Summary. The classification of newspapers articles by genre types and sources using Khmelev's method and different features is shown. Best results are obtained using simple letter- and word-level non-grammatical features. Sources are classified better than genre types.

Автоматическая классификация текстов по различным признакам интересует сейчас как математиков и программистов с точки зрения создания эффективных методов и алгоритмов для решения этой задачи, так и прикладных лингвистов, которым интересна сама возможность подобной классификации, а также ее практическое использование, например, для создания и верификации текстовых корпусов. Успешность классификации в основном зависит от двух факторов: от выбора признаков, отражающих разбиение текстов на требуемые классы, и от эффективности выбранных методов классификации. В настоящее время существует множество работ (например, [1]–[4]), в которых используются различные методы и признаки для классификации текстов, однако проблема еще далека от разрешения. Исследователи затрагивают в основном только два основных вида классификации: по авторскому стилю и по тематике текста, в то время как существует множество других интересных делений – по жанру, полу автора и др. Подавляющее большинство работ англоязычные, поэтому они не учитывают специфику русских текстов. Набор признаков по-прежнему довольно беден и включает в себя подсчет простейших единиц текста – букв, слов, не затрагивая, например, богатый пласт грамматический информации. Слабо исследованы факторы, влияющие на качество классификации.

В данной работе проводится исследование классификации газетных текстов по жанровому типу и источникам га-

зет с помощью метода Хмелева и его хи-квадрат модификации ([1]–[2]) по различным частотным признакам. Тексты для классификации взяты из подмножества (т. н. ядерного корпуса) компьютерного корпуса русских газет конца XX века (1994–1997 годы), составленного в лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета МГУ им. Ломоносова. Ядерный корпус состоит примерно из 1 млн. словоупотреблений, содержащиеся в нем тексты вручную размечены по жанрам, источникам, авторам, названиям статей. Каждому словоупотреблению в текстах корпуса сопоставлена нормальная форма слова и некоторые грамматические признаки. Всего в корпусе 3252 газетные статьи 9-и жанровых типов, 12-и газет, примерно 1000-и различных авторов.

Жанровый тип является объединением некоторого множества жанров, которых в настоящее время существует довольно много. Из 9 жанровых типов, представленных в корпусе, только 4-х имели необходимый объем для классификации: информационно-публицистический, собственно-информационный, собственно-публицистический, художественно-публицистический.

Серия экспериментов по классификации текстов по источникам была сделана из расчета на то, что статьи, представленные в той или иной газете, имеют свои особенности. Тексты 10-и источников в корпусе имели необходимый объем для проведения экспериментов: «Завтра», «Извес-

тия», «МК», «Московские новости», «Независимая газета», «Новая газета (Понедельник)», «Новгородские ведомости», «Правда», «Свободный Сахалин», «Томская неделя».

В работе использовались 16 наборов количественных признаков трех уровней анализа текста: букв, слов, предложений. В наборы уровня букв в разных комбинациях были включены частоты появления отдельных букв, знаков препинания, частоты появления пар букв (всего 1785 признаков). В наборы уровня слов – частоты появления слов, относящихся к определенным грамматическим и семантическим классам (всего 22 класса), к обобщенным грамматическим классам, частоты появления пар слов, относящихся к определенным грамматическим классам, знаков препинания, частоты 5000 словоформ, наиболее часто встречающихся в ядерном газетном корпусе, 5000 наиболее часто встречающихся нормальных форм слов в ядерном газетном корпусе (всего 12640 признаков). Набор признаков уровня предложений брался один. Он включал частоты появления предложений, состоящих из 1, 2 и т. д. до 99 слов.

Так как отдельные статьи имеют слишком малый размер, для целей классификации брались более крупные фрагменты текстов примерно по 6000 слов или 40000 символов, включающие в себя несколько газетных статей одного класса.

Классификация производилась по методу Хмелева [1] с использованием меры Хмелева и хи-квадрат [2]. Мера Хмелева применялась только на наборах признаков, обозначающих частоты пар элементов (пары букв, классов слов), так как для ее использования необходимо представление признаков в виде матриц частот переходов [1]. Качество классификации оценивалось по частоте правильно классифицированных фрагментов текстов на тестовой выборке. Тестирование производилось многократно по методу k-подмножеств [2]. Для оценки разброса качества подсчитывались границы 95% интерквантильного интервала [2].

Самые лучшие результаты классификации по жанровым типам были получены на наборах, включающих в себя появ-

ления отдельных пар букв с использованием меры Хмелева. Сравнимые между собой результаты получены при использовании словарных признаков и грамматических признаков уровня слов, однако в некоторых случаях максимальные значения для словарных признаков все же лучше. Метод Хмелева позволяет с довольно высоким качеством (75–100%) производить классификацию газетных статей по 4 жанровым типам.

Лучшие результаты классификации по источникам газет получены на довольно простых словарных признаках с использованием меры хи-квадрат. Метод Хмелева позволяет с очень высоким качеством (99–100%) классифицировать газетные статьи по 10 источникам. Данный факт говорит о том, что на рассмотренных наборах признаков классификация по источникам производится заметно лучше, чем по жанровым типам (особенно с учетом того, что жанровых типов было всего 4, а источников – 10).

Работа поддержана грантом РФФИ 06-07-89320.

Литература

1. Кукушкина О. В., Поликарпов А. А., Хмельв Д. В. Определение авторства текста с использованием буквенной и грамматической информации // Проблемы передачи информации. 2001. Т. 37. Вып. 2. С. 96–109.
2. Поддубный В. В., Шевелев О. Г. Классификация текстов с помощью метода Хмелева и его модификаций // Научное творчество молодежи: Материалы X Всероссийской научно-практической конференции (21–22 апреля 2006 г.). Анжержо-Судженск, 2006. С. 175–177.
3. Dumais S. T., Platt J., Heckerman D., Sahami M. Inductive learning algorithms and representations for text categorization. // Proceedings of ACM-CIKM98, Nov. 1998, pp. 148–155. <http://www.research.microsoft.com/~jplatt/cikm98.pdf>.
4. Baronchelli A., Loreto V. Data Compression approach to Information Extraction and Classification. arXiv: cond-mat / 0403233, 2004. <http://arxiv.org/pdf/cond-mat/0403233>.

Теоретические аспекты исследования естественной письменной русской речи

Н. Б. Лебедева

Кемеровский государственный университет

Естественная письменная русская речь, повседневность

Summary. It is necessary to study natural spoken (naive) language.

Все больше утверждающееся в настоящее время представление о «повседневности, воспринятой как ценность» [1, 37] позволило поставить задачу исследовать повседневность русской жизни в одной из ее ипостасей – письменноречевой. К настоящему времени обосновано выделение особого объекта русистики, названного «естественная письменная русская речь» (далее – ЕПРР), под которой предлагается понимать письменный вариант «народной» речи [2], оказавшийся, как представляется, вне осознания его лингвистикой в качестве особого, специфического объекта («...речевой быт горожанина и по сегодняшний день обследован недостаточно... Особенно плохо изучена письменная сторона этого быта» [3, 18]), хотя ее отдельные разновидности (письма, открытки, народные мемуары, объявления, записки, черновики, граффити и пр.) подвергаются изучению под другими, в первую очередь нелингвистическими, точками зрения – фольклористической, литературоведческой, культурологической, социолингвистической. Лингвистические наблюдения в этой области редки и несистемны. Такой вид речевой деятельности (и ее результат – тексты), как естественная письменная речь, обладает следующими характеристиками: письменная форма, спонтанность и непрофессиональность исполнения, неофициальность (повседневность) сферы бытования, отсутствие между замыслом автора и получением текста адресатом промежуточных «фильтров» – цензоров, редакторов, корректоров, а также всего того, что привносит полиграфическая техника. Все признаки (кроме первого – письменной формы исполнения) отличают ЕПРР от таких видов письменной деятельности, как художественная, газетно-публицистическая, деловая, рекламная и пр. виды «искусственной», то есть подготовленной и профессиональной, зачастую официальной, речи. В отличие от них, ЕПРР отличается непринужденностью,

непосредственностью, вписанностью в ситуацию, короткой временной дистанцией между замыслом и реализацией. Хотя (а может быть именно поэтому) естественная письменная речь пронизывает все наше **повседневное** бытие, обычные люди (да и ученые!) ее не замечают, не ценят, не считают нужным ее изучать. Эта их черта – неотрывная вписанность в повседневное бытие – является одной из причин (наряду с господствующим в отечественном научном менталитете литературоцентризмом и книжноцентризмом), почему выделение этого объекта в русистике по существу только начинается, несмотря на то, что еще в 1928 г. Б. А. Ларин выдвинул задачу изучения «языкового быта города», «городских диалектов» и предложил рассматривать «разговорные и письменные городские аргы» как «третий основной круг языковых явлений» (наряду с литературным и диалектным языком) [4, 175].

Эти же причины объясняют, почему не устоялась и терминология. Эти тексты (или какую-нибудь их часть) обозначают различными терминами: повседневное, обыденное, бытовое, стихийное, наивное, примитивное, профанное, просторечное, народное, неофициальное, неканонизованное письмо, «письменное городское аргы» (Б. А. Ларин), «письменный вариант народной речи», «лингвистика каждого дня» (Б. Ю. Норман) и др. Каждое из этих наименований ограничивает материал одним каким-нибудь аспектом, а наименование – «естественная письменная речь» представляется наиболее емким, покрывающим многие виды неофициальной «народной» речи. Кроме того, преимущество этого термина и в том, что он указывает на определенную стихийность зарождения, исполнения и функционирования этих текстов, которые принципиально не завершены: в них могут быть зачеркивания, добавления, исправления, автор может вернуться к тексту и что-то в нем изме-

нить, они продолжают «жить» своей естественной жизнью и после написания – что-то стирается, «естественным» образом уничтожается или сохраняется, в них может вмешаться посторонний автор. Кроме того, в них более непосредственно отражается языковая личность пишущего субъекта, а также все его социальные и психологические характеристики, взаимоотношения с конкретным адресатом, с конкретной ситуацией, составным элементом чего является текст. Во многих отношениях тексты ЕПРР близки к устным текстам, хотя они никогда не должны отождествляться, даже в исследовательско-методических целях, что иногда делается.

Как представляется, национальные жанры общения (письменного в том числе), выработанные народом в процессе коммуникации на протяжении длительного времени в разных ситуациях и с разными целями, являются достижением и достоянием народной культуры, понимаемой широко. «Народная культура» в этом случае противопоставлена элитарной (канонизированной, официальной, профессиональной) культуре, этим термином объединяется и собственно народная (традиционная, крестьянская) культура, и так называемая «третья культура» (по Н. И. Толстому), и более того – любая незлитарная и непрофессиональная, включая и культуру образованных слоев населения, не имеющую в данном виде письменной деятельности признаков профессиональности и официальности (см. письма писателей). Тексты ЕПРР могут рассматриваться как проявления народной культуры и в более узком смысле (народные мемуары, поздравительные, девичьи, дембельские и пр. альбомы, коллажи, самодельные открытки и др., то есть то, что типологически близко к искусству – это, так сказать, «эр-

зац-искусство»). Именно в этом, более узком, смысле перечисленные тексты активно изучаются в фольклористике, см., например, сборник «Современный городской фольклор» [4], в котором представлены обширные материалы по устному и, частично, письменному фольклору современного города – так называемому «постфольклору». Именно в науке о фольклоре на сегодняшний момент тексты ЕПРР замечены и наиболее активно изучаются. Однако подходы лингвистики и фольклора имеют отличия в понимании предмета, цели, аспектов рассмотрения и, следовательно, методов исследования.

Наконец, исследование народной письменной-речевой деятельности в лингвокультурологическом аспекте позволяет включиться в разработку проблемы «русской национальной личности».

В данной статье далеко не исчерпываются все теоретические проблемы, которые могут быть поставлены при изучении естественной письменной русской речи.

Литература

1. *Кнабе Г. С.* Диалектика повседневности // Вопросы философии. 1989. № 5.
2. *Лебедева Н. Б.* Естественная письменная русская речь как объект лингвистического исследования // Вестник Барнаульского государственного педагогического университета. № 1. Барнаул, 2001. С. 4–10.
3. *Норман Б. Ю.* Лингвистика каждого дня. М., 2004.
4. *Ларин Б. А.* О лингвистическом изучении города // Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание. Избр. тр. М., 1977.
5. Современный городской фольклор. М., 2003.

Об Интернете и так называемой «порче языка»

Е. И. Литневская

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Интернет, ненормативная орфография, динамика языковой нормы

Summary. Some genres of Internet language affect the formation of lingual competence of children and teenagers in the field of use of orthographic norms.

В последнее время на самых разных уровнях обсуждается вопрос о так называемой «порче» русского языка – о тех изменениях, которые стремительно происходят на постсоветском пространстве, то есть в языке «нового» периода истории и культуры. Ученые, политики и другие пользователи языка обсуждают социальные факторы этих изменений и тенденции функционирования языка в новых условиях (см., например, в [5], [6], [7]). При этом среди лингвистов принято высказывать мнение, что «говорить о гибели, смерти, порче и т. п. русского языка нет оснований» [6, 16].

Как лингвист и педагог, вынуждена не вполне согласиться с этой точкой зрения.

Современное общество получило мощнейший инструмент воздействия – Интернет. Его русскоязычный сектор (Рунет) состоялся и как структурный элемент Глобальной сети, и как особое информационное, социо- и психолингвистическое пространство. При этом Рунет стремительно «молодеет»: если раньше почти половину его пользователей составляли люди с высшим образованием, то теперь им активно пользуются подростки и дети начиная примерно с 12 лет. Это возрастная группа людей, языковая компетенция которых находится в стадии активного формирования.

Представление о языковой норме дети и подростки получают в процессе обучения в школе, однако главным формирующим средством является окружающая их языковая среда. Овладение нормами происходит не только сознательно, но и подспудно: на него влияют люди, с которыми дети общаются, и тексты, которые они читают.

О. В. Кукушкина отмечает, что «владение типовыми способами описания – навык, который не приобретается путем чтения грамматик. Он возникает только в результате активного усвоения текстов определенной тематики» [1, 8]. Это же можно сказать и о других языковых навыках, в частности орфографических. Навивно было бы предполагать, что мы в соответствии с нормами языка пишем только те слова, которым нас обучили в школе (культура же пользования словарями присуща преимущественно специалистам). В подавляющем большинстве случаев мы усваиваем нормативное

употребление и написание слова на основании сознательного или бессознательного анализа устных и письменных текстов.

Одним из основных носителей текстовой информации у подростков становится Интернет: в нем они и учатся (извлекают дополнительную к учебникам информацию по всем учебным предметам), и развлекаются. В связи с этим хочется обратить внимание на два различных, но одинаково оппозиционных по отношению к нормативному правописанию феномена – язык чатов и «аффтатарский язык».

Чаты являются едва ли не самым посещаемым местом в русском Интернете, особенно по числу отвлекаемых на себя «человеко-часов». При этом большинство пользователей чатов – молодежь в возрасте от 14 до 26 лет [4]. Чаты принципиально неконтролируемы с точки зрения соблюдения в них языковых норм. Самой характерной особенностью чата является то, что он сочетает устную разговорную речь и письменную форму ее передачи, причем в режиме реального времени, то есть в условиях, приближенных к условиям устной речи. Реплики выбрасываются в диалог без проверки, и это влечет за собой большое количество нарушений норм орфографии; кроме того, эти нарушения могут быть сознательными, и в этом случае они являются элементом сленга чатлан и имеют целью сформировать оппозицию «свой – чужой».

В буквенном оформлении морфем главным из отклонений от нормативной орфографии в чатах является увеличение числа слов или морфем, написанных в соответствии с фонетическим принципом. Графическая форма некоторых слов приближена к звуковой и похожа на транскрипцию, сближаясь при этом с сокращениями, например: *эт-хрощо*.

Отклонения от нормы могут носить ситуативный характер, как, например, *штоля-а*, или быть общепринятыми в чате. К последним можно отнести *чѐ* вместо *что*, *щас* вместо *сейчас*, *чѐго-нить* вместо *чего-нибудь*, *здрасте* вместо *здравствуйте*, *ваще* вместо *вообще*, *эт* вместо *это*.

Конечно, это не свидетельствует о формировании обязательной сетевой нормы: подобное написание не носит повсеместного характера, и привычное написание словоформ можно встретить наряду с перечисленными вариантами.

По большей части измененным образом записываются слова, употребляемые настолько часто, чтобы их запись в «новой» орфографии стала привычной.

Несложно заметить, что приведенные выше примеры свидетельствуют о намеренном нарушении орфографической нормы. Однако необходимо отметить, что в чатах широко распространено и ненамеренное нарушение нормы, то есть ошибки (часто отграничить первое от второго можно лишь интуитивно).

Наибольшее число ошибок, в том числе случаев гиперкоррекции, встречается в следующих зонах: 1) мена букв *о* и *а*, *е* и *и* для записи гласного безударного слога (*ца посмотрю кого бы пригласить*); 2) ошибки в написании *тя* и *ться* в глаголе (*сеть не поднимется больше*); 3) отсутствие мягкого знака в нефонетической функции (*плохо шуткуеш*); 4) отсутствие непроизносимого согласного или его неоправданная вставка (*играй честно!!*); 5) отражение на письме ассимилятивных и диссимилятивных изменений согласных (*так сделайте...*); 6) написание *жи – ши* с *ы* или *ча – ща* с *я*: (*запиши а то забудешь*).

Наиболее частые отклонения от нормативности в слитно-раздельно-дефисных написаниях состоят в том, что слова или словоформы пишутся слитно вопреки их нормативному дефисному или раздельному написанию (*какое-то кино скачал, непошло*).

Стандартным введением в чат реплики является ее написание не с прописной, а со строчной буквы. Если же реплика состоит из нескольких предложений, то для оформления начала нового предложения прописная буква также используется реже, чем строчная; аналогично с собственными именами.

Таким образом, мы видим, что в чатах наряду с традиционной используется специфическая «новая» орфография (подробнее см. об этом [2]), причем отказ от нормативных написаний или сознателен и демонстративен, или порожден лояльным отношением к этому всех пользователей данного Интернет-жанра.

Другое порождение Рунета – «афтарский язык» («язык падонкаф»), который Л. Мокробородва удачно назвала новографом [3]. Он представляет собой результат языковой игры с буквами. При соблюдении правил графики орфографический облик слова намеренно искажается, например: *афтар, жжот, нипадецики, пеши исчо* (о типах этих на-

рушений см. тезисы С. В. Князева и С. К. Пожарицкой в наст. изд.). Новограф отличается стандартностью оформления лексем, т. е. внутренней нормированностью. «Афтарский язык» получил широчайшее распространение в Интернете и уже вышел за его пределы.

Как любая языковая игра, новограф требует от его создателей хорошего владения нормами литературного языка и не представляет опасности для человека со сформированной языковой компетенцией, однако, как и язык чатов, не так безобиден в отношении тех, чья компетенция только формируется. В методике преподавания языка есть непреложное правило: орфографии не учат «от противного», учащимся не предлагают исправить намеренно необразцовый текст с орфографическими ошибками, все неправильные написания на доске исправляются, чтобы зрительная память не сработала на запоминание искаженного облика слова. Моторная память работает при написании слова и его наборе на клавиатуре (а клавиатура становится постепенно основным инструментом письма), и измененное, пусть и намеренно, написание не может, как нам представляется, не повлиять на его запоминание в процессе формирования языковой компетенции.

Данная проблема требует специального социолингвистического исследования.

Литература

1. Кукушкина О. В. Основные типы речевых неудач в русских письменных текстах. М., 1998.
2. Литневская Е. И., Бакланова А. П. Психологические особенности Интернета и некоторые языковые особенности чата как исконного сетевого жанра // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2005. № 6. С. 46–61.
3. Мокробородова Л. Русский жжот! (язык СМИ в эпоху новографа) // Русский язык и литература: Проблемы преподавания в школе и вузе. Киев, 2006.
4. Нестеров В., Нестерова Е. Карнавальная составляющая как один из факторов коммуникативного феномена чатов. URL: <http://psynet.carfax.ru/texts/nesterov4.htm>.
5. Отечественные записки. Общество в зеркале языка. 2005. № 2.
6. Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / Ред. Е. А. Земская. М., 2000.
7. Русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. М., 2003.

Современный виртуальный креатифф: о некоторых особенностях языка Рунета

О. В. Лутовинова

Волгоградский государственный педагогический университет

Виртуальный дискурс, конститутивные категории дискурса, жанр «креатифф»

Summary. Many different means of communication appeared in our life during the last years. Nowadays electronic communication plays an important role in the process of human intercourse becoming not only a changed channel of information transmission but a specific cultural and lingual environment.

При современном полипарадигмальном характере лингвистических исследований лингвистика текста получает развитие в нескольких направлениях: структурном, коммуникативном, лингвокультурологическом.

Дискурс, понимаемый в современной лингвистике как текст, погруженный в ситуацию общения, является многомерным образованием, и в связи с этим допускает множество измерений.

Виртуальный дискурс представляет собой текст, погруженный в ситуацию общения в виртуальной реальности. Как и любой вид дискурса, виртуальный дискурс объективно выделяется на основе своих конститутивных признаков, включающих цели, ценности и стратегии соответствующего вида дискурса, его подвиды и жанры, а так же прецедентные (культурогенные) тексты и различные дискурсивные формулы.

В связи с затрагиваемой в статье проблемой хотелось бы обратить особое внимание на жанры виртуального дискурса, которые могут быть исчислены, во-первых, на основании реально существующих естественно сложившихся форм общения, для которых можно выделить канонические (прототипные) единицы: электронное письмо (e-mail), чат, форум, мгновенные сообщения (ICQ), блог, включающий дневник, новостную ленту или домашнюю (авторскую) страницу, поисквик, игру; во-вторых, по использованию относительно

устойчивых типов высказываний в тех или иных ситуациях, как типическая модель порождения текста в типичных ситуациях, то есть как речевые жанры (по М. М. Бахтину). В рамках виртуального дискурса интерес представляют следующие речевые жанры: флейм, виртуальный роман, флирт, флуд, послание и креатифф.

Креатифф как речевой жанр виртуального дискурса представляет собой вид сетевого сквернословия и / или очень большого числа эрративов (слов или выражений, которые были подвергнуты специальной искажению носителями языка, владеющими литературной нормой – термин Г. Гусейнова), используемых в качестве доминирующей формы общения. Жанр «креатифф» – это сочетание жаргона, сознательного издевательства над орфографией и мата.

Рассматривая креатифф как один из жанров виртуального общения, мы выделяем две его разновидности.

Во-первых, это падонковский креатифф, то есть креатифф тех пользователей Интернета, которые сами себя называют «падонками», а публикуемые материалы – «криатиффами». Данный жанр возник и развивался под сильным влиянием табуированной лексики и представляет собой некую попытку маскировки табуированной лексики, передачи ее не посредством прямого использования, а с искажениями, но, тем не менее, понятными другим коммуникантам, например,

«куй» вместо «х*й», «куясе» – «ни х*я себе», «нах!» – «на х*й!»), «З.14 здец» – «пи**ец» и другие. Наиболее употребительным данный жанр общения является в рамках тех или иных сайтов, например, ucaff.com, radonki.org, fucknet.ru. Согласно данному подвиду жанра креатиффа, «афтарские» «криатиффы» следует не читать, а «фтыкать» и оценивать с употреблением выражений «гламурно», «готично», «зачот», «афтар жжот», показывающих степень одобрения или же, напротив, «КГ / АМ» («криатифф – г**но» / «афтар – м**ак»), «афтар выпей йаду», «в Бабруйск животное» и т. п., вплоть до монументального «афтар, учи албанский!»

Во-вторых, к жанру креатиффа следует отнести медведовский креатифф (начало было положено словами «превед» и «медвед»), который зародился не так давно на развлекательных сайтах и предполагает «декоративную обработку» слова. «Падонковская» традиция оказала заметное влияние на становление данного вида креатиффа, однако он является вполне самостоятельным и не ставит перед собой задачи завуалирования инвективов. В своем исследовании мы выделяем около 20 правил, на основе которых создается «современный медведовский креатифф», такие как, употребление «е» в безударном положении вместо «и» (*кстати – кстате*), замену «а» в безударном положении на «о», а суффикса «-чик» на «-чег» (*красавчик – кросавчег*), озвончение согласной на конце слова (*участник – учаснег*), употребление после шипящих «ы» вместо «и» (*пиши – пейши*), оглушение и слитное написание предлогов (*в тему – фтему*), замена глагольного суффикса «-тся» на «-цца» (*нравится – нравицца*), написание «не» слитно с глаголами, причем с заменой «е» на «и» (*не хочу – нихачу*), замена «е», «ё», «ю» и «я» в начале слов соответственно на «йе», «йо», «йу», «йа» (*ёжик – йожыг*), использование вместо всех косвенных па-

дежей личного местоимения «я» несклоняемое «мну» (*Ты мну видила? Ты мну пиризвани! Он с мну ниапачеца*) и др.

Жанр креатиффа представляет собой целенаправленное искажение речи по определенным, хотя и неписанным, правилам, а не произвольный набор ошибок, как это может показаться человеку, неискушенному общением в сети. Это специфический жанр, владению которым следует учиться, как и владению любым другим жанром, если человек хочет поддерживать коммуникацию в данном жанре.

Отношение лингвистов к жанру креатиффа неоднозначно. Мнения по этому вопросу очень сильно расходятся. Одними лингвистами креатифф рассматривается как временное увлечение, своего рода развлечение и игра, определенная дань моде, которая в скором времени должна пройти. По их мнению, креатифф интересен для исследования, поскольку дает возможность лучше понять социокультурную среду Интернета. Никаких опасений этот жанр, как и другие, вызывать не должен. Другие же видят в креатиффе угрозу снижения грамотности. Поскольку использование «креатиффа» не исчерпывается общением только на специальных сайтах, но и выходит за их рамки (выражения типа «афтар жжот», «ржунимагу», «убей сибя ап стену», «слив зашитан (зошитан)», «зачот» и подобные уже не редки в речи ди-джеев радиостанций или в слоганах наружной рекламы, появляются на страницах газет), данный жанр начинает все больше проникать в реальную жизнь, и стремление «отплыть» свою речь по его образцам снижает грамотность подрастающего поколения, желающего во что бы то ни стало выделиться из общей массы, когда ничем иным выделиться не получается.

В любом случае, жанр креатиффа представляет собой интересное социолингвистическое и лингвокультурологическое явление и требует, на наш взгляд, детального изучения.

К вопросу о принципах определения особенностей авторского стиля в романе «Тихий Дон»

А. Г. Макаров, С. Э. Макарова, А. А. Поликарпов

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Дискуссия вокруг проблемы авторства романа «Тихий Дон» (ТД) развивается вот уже более трех десятилетий и к сегодняшнему дню известны уже десятки научных работ и исследований, монографий и документальных публикаций, посвященных этому вопросу [1–10]. Сомнения в авторстве М. А. Шолохова возникли как в связи с фактами его биографии, так и с многочисленными и разнообразными противоречиями, которые обнаруживаются при чтении текста. На сегодняшний день можно считать прочно установленным факт крайней неоднородности художественного текста (провалы в исторической достоверности, анахронизмы, резкие изменения стиля, разрывы в повествовании и т. д.), что может свидетельствовать о сложной предыстории текста, участии в его создании нескольких авторов [8], в том числе самого Шолохова – лишь как соавтора. Исходя из всех этих данных использование представлений, введенных впервые И. Н. Медведевой-Томашевской об *авторском* и *соавторском* началах в романе [11], можно считать вполне обоснованным. Однако попытки окончательного решения вопроса о возможном авторстве и соавторстве романа с помощью лишь традиционного текстологического и литературоведческого анализа вызвали значительные трудности в силу недостатка или неоднозначности получаемой при этом информации.

В связи с этим представляется важным объединение усилий текстологов, литературоведов и лингвистов. Попытки количественного лингвистического анализа текста ТД известны давно, однако уже первые работы [12–15] показали существование на этом пути значительных трудностей, связанных с отсутствием отработанных общепризнанных методик и однозначной интерпретацией получаемого результата. Наиболее успешной можно признать работу [14], в ходе которой в тексте романа подсчитывалась частота употребления служебных слов. В тексте ТД авторы обнаружили значительные вариации его частотных характеристик в различных его частях, что могло быть связано с сосуществованием авторского и соавторского слоев текста. Однако и здесь обнаружили большие сложности при анализе и системной

интерпретации полученных результатов. Поэтому в настоящем сообщении мы хотели бы на основе имеющихся на сегодняшний день знаний особенностей текста романа ТД наметить комплекс эффективных принципов применения его количественного анализа для более объективного определения особенностей авторского стиля и установления его возможного автора (или авторов).

Главной количественной особенностью исследований текста ТД следует признать крайнюю его неоднородность, связанную, видимо, со вторичной переработкой текста. Можно предполагать, что «соавтором» широко применялись следующие характерные приемы: *сокращение* или *исключение* отдельных авторских фрагментов, эпизодов и даже сюжетных линий; *перестановка* и *перетасовка* авторских фрагментов и эпизодов, *заполнение* образующихся *лакун* или *мест соединения* переставленных эпизодов текстами соавторского сочинения или же заимствованными из ряда мемуарных источников [8, 9, 16], *редактирование* как авторского, так соавторского текстов; *пересказывание* соавтором своими словами фрагментов авторского текста. Таким образом, простой анализ частотных характеристик должен фиксировать некие усредненные значения полученного таким образом «смешанного» текста, включающие в себя в перемешанном виде характеристики как авторские, так и соавторские. Следовательно, для действенного применения количественных методов анализа авторского стиля ТД решающим фактором становится предварительное смысловое текстологическое обоснование анализа и последовательное расслоение текста ТД на вероятную авторскую и соавторскую части (выделяемые по комплексу характеристик) для разделения вклада в характеристики авторского стиля романа работы разных лиц.

Ниже мы формулируем, как нам представляется, основные принципы организации исследования частотных характеристик текста ТД, исходя из накопленных результатов его текстологических исследований. Первый принцип – *локализации особенностей*. Членение, разбиение текста для коли-

чественного анализа не должно быть произвольным, случайным. Анализ текста ТД необходимо проводить одновременно на трех структурных уровнях. Первый – макроуровень – соответствует делению текста на части: восемь частей романа, одна из которых, шестая, делится естественным образом на две самостоятельные половины (главы 1–29 и 30–65 – разрыв соответствует приостановке печатания романа в 1929 г. и сопровождается заметными изменениями композиции и стиля). Второй – микроуровень – соответствует отдельным эпизодам, которые составляют законченное действие или сцену. Главы ТД иногда совпадают с эпизодами, а иногда (чаще) объединяют в себе от двух до четырех эпизодов. И наконец, третий – промежуточный, который объединяет в целостные блоки отдельные эпизоды: либо одной сюжетной линии, либо по хронологическому или тематическому принципу. Такое структурирование исследуемого текста позволяет локализовать те или иные обнаруживаемые особенности стиля и более точно и корректно интерпретировать их с привлечением независимых данных текстологических исследований.

Второй принцип – *дистилляции* – связан с повышением однородности исследуемых участков текста по отношению к авторскому стилю. Первый этап – выделение в тексте прямой речи персонажей для отдельного анализа, поскольку структура и состав лексики и фразеологии прямой и авторской речи заметно отличаются. Вторым этапом идет очищение текста от фрагментов, не отражающих явно авторский стиль. Это прежде всего *цитаты* из включенных в текст в той или иной форме документов, других посторонних включений; *фольклорные фрагменты* (прежде всего тексты песен, а также молитвы, заговоры, отрывки из Священного Писания и т. п.); *заимствования* из мемуарных и иных книжных источников (включая примыкающие, переходные слои текста, в которых заметно сказывается влияние лексики заимствуемых отрывков). И наконец, на третьем этапе происходит раздельный анализ оставшегося материала текста, с выделением «авторского» и «соавторского» слоев на основе предварительной текстологической подготовки.

Третий принцип – *системный мультипараметрический анализ* характеристик исследуемого текста – предполагает

объединение данных, полученных на разных структурных уровнях, с выстраиванием динамического ряда характеристик с учетом локализации их в том или ином текстовом слое и в зависимости от влияния на их величины последовательного исключения чужеродных и вторичных элементов текста с выделением параметров текста (лексических, грамматических и т. п.), по которым осуществляется наиболее четкая дифференциация особенностей авторского стиля.

Литература

1. Загадки и тайны «Тихого Дона». Итоги независимых исследований текста романа. 1974–1994. Самара, 1996.
2. *Медведев Р. А.* О романе «Тихий Дон». Если бы «Тихий Дон» вышел в свет анонимно // Вопросы литературы. 1989. № 8.
3. *Мезенцев М. Т.* Судьба романов. Самара, 1997.
4. *Макаров А. Г., Макарова С. Э.* Вокруг «Тихого Дона»: от мифотворчества к поиску истины. М., 2000.
5. *Колодный Л. Е.* Кто написал «Тихий Дон»? М., 1995.
6. *Ермолаев Г.* Михаил Шолохов и его творчество. СПб., 2000.
7. *Венков А. В.* «Тихий Дон»: источниковая база и проблема авторства. Ростов-на-Дону, 2000.
8. *Бар-Селла З.* Литературный котлован. Проект «писатель Шолохов». М., 2005.
9. *Кузнецов Ф. Ф.* «Тихий Дон»: судьба и правда романа. М., 2005.
10. *Макаров А. Г., Макарова С. Э.* Цветок-татарник. В поисках автора «Тихого Дона»: от Михаила Шолохова к Федору Крюкову. М., 2001.
11. *Медведева-Томашевская И. Н.* Стремя «Тихого Дона» // Загадки и тайны «Тихого Дона»... С. 12–96.
12. *Хьетсо Г., Хьетсо Г., Густавссон С., Бекман Б., Гил С.* Кто написал «Тихий Дон»? М., 1989.
13. *Аксенова (Сова) Л. З., Вертель Е. В.* О скандинавской версии авторства «Тихого Дона» // Вопросы литературы. 1991. Февраль. С. 68–81.
14. *Фоменко В. П., Фоменко Т. Г.* Авторский инвариант русских литературных текстов. Приложение. «Кто был автором "Тихого Дона"? // Новая Хронология Руси и Рима. Т. 2. М., 1995.
15. *Марусенко М. А., Бессонов Б. А., Богданов Л. М., Аникин М. А., Мясоедова Н. Е.* Темные воды «Тихого Дона» // В поисках потерянного автора. СПб., 2001.
16. *Корягин С. А.* Серафимович – автор «Тихого Дона»? М., 2006.

Односоставные предложения как отражение экстралингвистики научного стиля

А. В. Меликсетян

Ереванский государственный лингвистический университет им. В. Я. Брюсова (Армения)

Общенаучный язык, абстрактность, глагольные односоставные предложения

Summary. The thesis is devoted to the structural and semantic peculiarities of the so called ‘one-structure’ sentences with verbal predicate in the scientific style of the modern Russian language. The importance and significance of the latter in the scientific communication in Armenia can’t be underestimated.

Общенаучный язык обладает целым рядом существенных особенностей, отличающих его как от языка бытового (повседневного) общения, так и от языка художественной литературы. Функциональный стиль общенаучного языка представляет собой ту основу, на которой по всем областям знания строится научное общение / сообщение.

Обобщенно-отвлеченный характер функционального стиля сообщения – общенаучного языка – наиболее отчетливо проявляется при сопоставлении его с указанными выше языковыми стилями, основанными на функции воздействия.

Давление установки абстрактного обобщения внеязыковых информационных интересов на композицию и отбор средств выражения, включая явление терминов, блестяще показано в ряде работ 2-й половины XX в.

На синтаксическом уровне четко прослеживается тенденция употребления обобщенно-личных односоставных предложений в качестве начальных предложений абзаца. Исследование практического материала позволяет сделать вывод, что такое употребление присуще научному стилю вообще и, на наш взгляд, обусловлено семантикой глагольной формы.

Общеизвестно, что семантически глагольной формы $V_{пр}$ являются как приглашение к совместному действию, так и инклюзивная императивность. Цель употребления указанной глагольной формы – призвать читателя обратить внимание на ту или иную проблему, настроить его на своеобразное совместное «думание», размышление. И не случайно предложения, построенные по указанной схеме – $V_{пр}$ – получили наименование ‘обобщенно-личных’ именно применительно к научному стилю.

Динамика жанра объявления в XVIII – начале XX в.

А. А. Миронова

Челябинский государственный педагогический университет

Summary. On the book we can see the dynamics of a genre of announcement from mere manuscript versions of the 18th cent. and printed versions of the 19th century up to variety of advertising texts of the 20th century

Исследование рукописных объявлений XVIII в. и печатных XIX в. на основе формулярно-клаузуального анализа показало, что жанрообразующими признаками текстов делового

содержания являются: целеустановка, самоназвание, образ адресанта и адресата, формальная организация, перформативные глаголы.

Сравнение объявлений XVIII века из разных архивов Южного Урала и Зауралья выявило устойчивость формуляра объявления на обширной территории одной из восточных окраин России. С расширением содержания текстов, целей общения жанрообразующими признаками объявлений начала XX века в специализированном периодическом издании становятся: коммуникативная цель, образ адресата и адресанта, образ времени, тематика объявлений, языковое оформление.

Эволюция жанра объявления – документа заключалась в изменении основной функции – от информирующей к волюнтаристической, в увеличении разновидностей (видов), в переходе от строгой стандартизации и формализации к большей свободе оформления и целенаправленности. Рукописный жанр объявления XVIII в. был представлен широко: от «объявительных указов» и строгих документов, различных по тематике и формуляру, до объявлений, содержащих одновременно черты рекламы и документа. Структурно-семантический синкретизм (многозначность перформативных глаголов, которые могут обслуживать и другие жанры, многоплановая тематика, наличие собственного формуляра) дает стимул эволюции жанра объявления.

Из недифференцированного по своим жанровым особенностям, широкого по содержанию и неопределенного по интенциональным мотивировкам, пестрого по коммуникативной и тематической направленности объявления XVIII века, особенно в его «провинциальной» разновидности, рождаются жанрово однозначные и жестко структурированные объявления середины XIX – начала XX в. Перетекание объявления-документа в объявление-рекламу происходит тогда, когда функция сообщения концентрирует в себе элементы экспрессии (эмоциональной выразительности) и суггестии (внушения). Текст объявления предстает в качестве прототипного жанра массово-информационного общения с одной стороны и рекламного – с другой. Таким образом, рекламное объявление сформировалось на основе частного объявления под влиянием газетной и рекламной практики. В объявлении – документе доминирующей является информационная функция, в рекламном – регулятивно-императив-

ная и оценочная. Постепенно в рекламном тексте ведущим типом речи становится аргументация, в объявлении – описание.

Показателями коммуникативной эффективности рекламных сообщений являются распознаваемость, притягательность, запоминаемость, агитационная сила, диалогичность.

Рекламный текст в своем развитии прошел длинный путь от информационного сообщения к типу высказывания, обращенному к интуиции и чувствам покупателя. Эволюция объявлений связана с развитием экономики, культуры, с динамикой межличностных коммуникаций.

В текстах специализированного издания сочетаются научность и суггестивность, рекламность. С одной стороны, это большое количество профессиональных слов, понятных только специалистам, употребление слов в их конкретных предметно-логических значениях, с другой – широкий спектр суггестивных приемов: акцент делается на долговечность, заслуженный авторитет у специалистов, доступность, дешевизну, новизну.

Из объявления вырастают различные рекламные жанры, особенно ко второй половине XIX века, причем жанровое разнообразие текстов объявлений не противоречит их каузальной части, трафарету, выросшему из внутристилевых требований официально-деловой письменности второй половины XVIII века. Объявление может быть представлено следующими видами: краткое объявление, развернутое рекламное обращение, «житейская история», консультация специалиста или объявление, каталог, прейскурант. Жанр объявления в «Справочном листке по молочному хозяйству, скотоводству и артельному маслоделанию» (1909–1918, г. Курган) может варьироваться как → краткое объявление → рекламная статья → отзыв → некролог → письмо → консультация, совет специалиста, т. е. идет развитие текстологического многообразия жанра.

Тексты объявлений в лингвокультурологическом аспекте представляют собой культурное наследие, которое создано при помощи языка в определенный период и через язык отражает свое время.

Графика неформального письменного общения на русском языке (на материале сообщений SMS)

С. А. Никитин, М. Ю. Авдонина

Московский городской педагогический университет

SMS, графический знак, неформальное письменное общение

Summary. Field researching informal Russian written communication, with distinguished graphic peculiarities of SMS texts. The acquired data of letter-sound conformity of key-board symbols (the Latin alphabet and other symbols) and Russian letters and sounds offer cases of synonymy, polysemy and homonymy of symbols in writing. New conventions of notation methods have been distinguished, as well as almost complete denial of symbols executing grammar functions.

Письменное общение на русском языке при помощи SMS отличается от традиционных форм письменного общения и содержательно, и стилистически, и с точки зрения формальных критериев. Представляются результаты полевого исследования, в ходе которого за два года собраны и проанализированы несколько тысяч текстов сообщений московских, ульяновских и ростовских студентов. Основным содержанием SMS являются бытовые, сиюминутные вопросы, волнующие собеседника «здесь и сейчас» (в этой связи им ближе всего берестяные грамоты и записочки, которыми обмениваются на уроках в школе). Они не рассчитаны на хранение, экспрессивны и кратки (67–158 знаков, то есть около 7–15 слов русского языка). Анализ и последующий опрос показывает, что авторы по своему усмотрению комбинируют два базовых типа записи: 1) транслитерацию, 2) запись, построенную на уподоблении графических знаков клавиатуры мобильного телефона буквам или звукам русского языка. Выявлены новые конвенции способов записи, а также почти полный отказ от знаков, несущих собственно грамматические функции. Значительная часть букв кириллического алфавита: Б, Г, И, К, Л, М, Н, П, Р, С, Т, Ф, – нашла свое естественное соответствие. Тем не менее, даже в этих простых случаях бывают новшества: КО/ЮБОК (*колобок*), прием записи, когда буква Л рисуется из двух знаков: наклонная черта и заглавная латинская буква I. С колебаниями, свойственными людям, недостаточно усвоившим правила орфографии, передаются звуки А, О, Е в безударной позиции

(*simpoti4ny – симпатичный*, *roma6 – помощь*, *4ilavek – человек*), оглушенные В, Г, Д (*protif – против*, *flak – флаг*, *vuxat – выход*) и Г в грамматической функции в окончании *-ого* (*radnova – родного*). Эти случаи не диктуются спецификой SMS-сообщений. Самой существенной чертой записи является устойчивая графическая вариативность (см. сводную таблицу 12 систем транслитерации русских текстов латинским алфавитом А. А. Реформатского 1957 г.), причем она свойственна даже текстам одного человека: Ё: e (elka), e' (e'lka), io (neliogkii), jo (ljod); Жж: zh (zhena), * (*opa), j (uezjau), z (zizn'); Йй: j (skorej), y (kotoriy), i (nochnoi); Цц: ts (tseluiu), x (nexily), c (cvety), z (molodez); Ъ: y (vybor), i (mi); Юю: yu (polyubil), ju (kotoruju), iu (liul'ka), u (lublu); Уу: u (zub); y (dyb); Хх: h (holod), x (xoro6o), kh (prokhd); Яя: ya (yasli), ia (iahta), ja (jarky), R (zrR), & (& – я), a (rasstavat'sa). Наибольшее количество устойчивых вариантов записи выявлено для передачи звуков Ш и Щ: Шш sh (reshil),_w (war), 6 (цифра шесть: bude6'), Щщ: sh (eshe), sch (scheka) – (wetka), 6 (цифра шесть: bitat'), w, (w,yka – *щuka*), q (qel4ok – *щелчок*). Часты случаи уподобления внешних признаков буквы: х (*икс*) пишется для передачи русского х; R, & напоминают Я. Цифры стали именно поэтому полноправными знаками sms-записи: 3: z (zebra), 3 (цифра три: 3oloto); Чч: ch (cherdak), 4 (цифра четыре: 4ego-to). Русские буквы 3, X и У имеют, казалось бы, традиционные и удобные – в связи с их однозначностью – соответствия в латинских Z, H и U; однако в SMS и чатах Интернета они могут передаваться со-

ответственно тройкой (3), латинскими буквам X и Y. Омонимичными стали знаки: w, y, а также другие знаки и символы клавиатуры: * используется в роли ж (*ena), апостроф в роли мягкого и твердого знака (pod'ezd; otravitel'). В то время как мягкие финальные обозначаются апострофом регулярно (kolot'), хотя и необязательно, а в середине слова мягкому знаку упрощается буква b (4udesnenbkii), он редко обозначается в своей грамматической функции в инфинитиве (rastat'sa), во втором лице ед. ч. (po4uesh), как маркер женского рода (noch – *ночь*). Твердый знак также может опускаться (obuasnenie). Русские пользователи SMS применяют цифры не только как парографы, то есть вместо похожих букв, но и как фонографы, то есть по инициалу названия цифры. Как и в других языках, в русских SMS широко используются цифры 3, 4, 5, 6, 7, 100: Zemlya (земля), s4ast'e (счастье), o5 (олять), budeb (будешь), 7я (семья), 100лица (столица). Цифра 4 употребляется прежде всего как фонограмма буквы Ч, что основано и на фоническом (слово «четыре» начинается с этого звука), и на внешнем сходстве знаков: 4ego (чего), 4elovek (человек). Есть еще и соображение экономии: аффриката Ч требует как минимум двух латинских букв для ее передачи. Как особенный случай выделим использование цифры 4 в слове *счастье*, которое в SMS записываются разнообразными способами: щастье, s4ast'e, s4act'e, s4ast'e, shast'e, w,ast'e и др. На нашей лекции в Римском государственном университете (апрель 2006 г.) итальянские русисты не смогли опознать в этих формах хорошо им известное русское слово. Фонограмма *щастье* является наиболее распространенной формой записи, но использование знака 4 показывает уровень грамотности пользователя SMS, который отражает таким способом орфографическую норму русского языка. Цифра 6 является одним из важнейших знаков записи русских текстов SMS, и это – полисемичный знак, более того, можно говорить и о сформированной омонимии знака 6, которым записываются: 1) буква Б: буКВа (буква), буду сКоро (буду скоро); 2) буква Ш: бабка ne varit (бабка не варит); 3) оглушенное

Ж: побки (ножки), лобка (ложки), эту фонетическая запись можно считать подвидом предыдущего случая; 4) сочетание -шь: роeb bez menya (поeшь без меня); 5) буква Щ: bas pridu (щас приду), i6io ha4y (ицо хачу), некоторые пользователи в целях дифференциации добавляют знак апостроф: б'el' (щель) или б,elkun4ik (щелкунчик). Другие цифры используются лишь окказионально, в отдельных словах, но не как правило записи, а скорее в людической функции, как в слове 100лица (столица). Удачная находка была заимствована журналистами, стала модной и включена в тексты публицистического стиля: в № 1 московского «Большого столичного журнала» (2006) имеется рубрика «Малый 100личный журнал». Мы считаем это очень удачной игрой формы, так как читатель воспринимает журнал и как личный, и как журнал многих мнений (лиц) и как образ Москвы многоликой; актуализируется значение слова «лицо», которое морфологически не имеет отношения к слову «столица». Такое послоговое восприятие слова ресематизирует его форманты и создает дополнительные положительные, эмоциональные смыслы этого слова. Запись с орфографическими отклонениями не обязательно есть следствие недостаточного овладения нормами письма. К. Ласорса-Седина считает, что отказ от нормы регистрируется со стороны наиболее образованных слоев общества. Действительно, в мае 2006 г. у московских студентов зарегистрировано новое написание слова «пицца»: pitsa или pitsia. Такую запись можно рассматривать и как протестную, и как людическую.

Использование SMS, начавшееся 5 лет назад, привело к формированию нового кода записи в русском языке, активно вырабатывается этикет письменного общения (см. наши сообщения на конференции МАПРЯЛ в Вероне в 2005 г., в Варшавском университете и на X чтениях, посвященных памяти профессора И. М. Тронского в Санкт-Петербурге в 2006 г.). В перспективе исследования – дальнейшая социо- и психолингвистическая разработка проблем новой письменности, прежде всего орфографии и синтаксиса SMS в контексте современных европейских языков.

Концептуальные понятия современного русского психотерапевтического дискурса

Т. Г. Никитченко

НОУ школа-сад Монте梭ри, г. Краснодар
Психотерапия, курс, концепт

Summary. This paper presents results of analyzing modern Russian psychologists' perception of conceptual sphere of their professional activity.

Современная лингвистика дискурса описала многие виды социально-институциональных дискурсов: политический, педагогический, научный, медицинский, рекламный и т. п. Психотерапевтический же дискурс до сих пор оставался за пределами исследовательских интересов языковедов. Наша работа обращена именно к этому институциональному дискурсу.

Специфика работы практических психологов такова, что собрать достаточное количество текстов реальных консультативных сессий или тренингов проблематично, поскольку все специалисты данной области связаны ответственностью за сохранение конфиденциальности. Поэтому мы решили подойти к изучению современного русского психотерапевтического дискурса через выявление особенностей его концептуальной сферы.

С этой целью нами была разработана анкета, включающая следующие пункты: 1) пол; 2) возраст; 3) стаж работы в сфере практической психологии; 4) психологическая школа, к которой относят себя респонденты; 5) специализация; 6) предпочитаемые виды деятельности; 7) просьба назвать пять понятий (слов или словосочетаний), которые наиболее точно и полно, на взгляд респондентов, характеризуют (описывают) практическую психологию как сферу деятельности.

Анализу ответов на последний вопрос и посвящена данная работа.

В анкетировании приняло участие 104 человека: 13 мужчин и 91 женщина. Возраст опрошенных находится в границах от 22 до 58 лет. Профессиональный психологический стаж – от 0 лет (выпускники психологических факультетов вузов) до 32 лет. Психологи относили себя к различным психологическим школам – от наиболее традиционных (например, психоанализ, бихевиоризм, гуманистическое направление) до недавно появившихся (например, НЛП, се- 398

мейные расстановки и т. п.). Всего было названо 24 психологических направления. Опрошенные указали 90 отличных друг от друга специализаций. Предпочитаемых видов деятельности названо 19, среди которых безусловными лидерами явились психологическое консультирование (78 упоминаний) и тренинги (51 упоминание).

Респонденты назвали в последнем пункте анкеты 381 слово (среди которых были также словосочетания, а в некоторых случаях даже предложения). Это количество не совпадающих *дословно* понятий. Семантический анализ показал, что многие из них являются либо синонимами-паронимами (например, «отношения» и «взаимоотношения» или «рефлексия» и «рефлексивность»), либо гипо-гиперонимами (например, «гармония» и «гармония с собой и с миром» или «любовь» и «любовь к людям»). Такие понятия при анализе мы считали за одно, называя обозначаемый ими концептуальный смысл словом, являющимся вершиной синонимического ряда либо гиперонимом по отношению к ряду гипонимов.

В результате проведенного анализа выявились следующие наиболее часто упоминаемые психологами понятия: *помощь* (26 упоминаний), *принятие* (20), *эмпатия* (16), *творчество*, *осознание* и *развитие* (по 14), *поддержка* (13), *взаимодействие* (10), *личный рост* (9), *душа* (8), *зеркало* и *гармония* (по 7), *ответственность* (6), *любовь* (5). Также кроме приведенных понятий 12 раз был упомянут профессионализм и 6 раз – консультирование, которые мы сочли не относящимися к концептуальной области, поскольку первый – это скорее характеристика психолога, а второй – вид психологической помощи.

Обзор наиболее часто встречающихся концептов подтверждает общепринятое представление о психологии как помо-

гающей профессии. Кроме того, интересен тот факт, что, несмотря на современную научную психологическую парадигму, утверждающую, что «психология» – это уже давно не наука о душе, как считали древние греки, практические психологи продолжают считать душу одним из ключевых понятий своей деятельности.

Среди названных понятий неоднократно встречается корень «*здоров*»: «здоровая самооценка», «здоровое отношение к работе», «здоровый эгоцентризм», «здравый ум», «сохранение психического здоровья». В качестве семантически дополнительных к приведенным можно назвать следующие понятия: «работа хирурга», «восстановление», «исцеление», «лечение души», «лечение словом», «не навреди» (лозунг медиков). Следовательно, психологи, не являясь представителями медицинского дискурса, тем не менее, считают здоровьем одним из важных ключевых понятий и ориентируются в своей деятельности. Только здоровье здесь понимается, прежде всего, в его духовно-психическом аспекте.

Еще один интересный факт выявился при анализе названных участниками опроса понятий: многие из них начинаются с таких морфем, как *со-* и *взаимо-*. Так, названо 10 слов с приставкой *со-* во втором значении (по словарю Ожегова) – «общее участие в чем-нибудь, совместность»: «совместная работа», «содействие», «сознание», «сопереживание», «соприсутствие», «сопричастность», «сопровождение», «сострадание», «сотрудничество» и «сочувствие». Сложные слова, содержащие корень «*взаимо*»: «взаимодействие», «взаимо-

отношение», «взаимопонимание». Если обратить внимание на «разделенную ответственность», названную одним из респондентов, то можно предположить, что в процессе создания каждого конкретного фрагмента целостного современного психологического дискурса участвуют две личности: психолог и клиент, – которые встречаются на равных и работают над решением проблем клиента совместно. Это является отличительной чертой психотерапевтического дискурса от, например, медицинского, где ответственность за излечение лежит на враче, а пациент – пассивный объект его манипуляций. В психотерапии от активности клиента успех зависит настолько же, насколько и от профессионализма психолога.

Таким образом, предварительный анализ предложенных психологами понятий, отражающих суть психологической деятельности, или концептов, позволяет сделать следующий вывод: психотерапевтический дискурс – это дискурс двух взаимодействующих, сотрудничающих субъектов (психолога и клиента). Целью их общения являются личностный рост, осознание, развитие и гармония (обоих участников дискурса), а также сохранение психического здоровья клиента. Средства достижения поставленной цели в психотерапевтическом дискурсе – помощь психолога, заключающаяся в принятии, эмпатии, поддержке, творчестве и «отзеркаливании». Психолог производит эту работу собственной личностью, главными аспектами которой являются, с одной стороны, профессионализм и, с другой – душа и любовь.

Особенности межтекстовых отношений

(на материале писем читателей в эмигрантские и советские газеты 20–30-х гг. XX в.)

Е. А. Никишина

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва

Эмиграция, письма, межтекстовые отношения, пересказ, цитация

Summary. In my talk I analyze characteristic features of intertextual relations of readers' letters to emigrant and Soviet newspapers of 1920s and 1930s. I will pay particular attention to ways of presentation of the stimulus texts in reply letters. The most impartial ways of presentation of the stimulus text are references to the number of the newspaper and citations. Simple retelling and retelling with elements of citation admit biased interpretations. Retelling, which leads to distortion of the stimulus text, is used much more often in letters to Soviet newspapers than to emigrant ones.

В данной работе рассматриваются письма-отклики, написанные в редакцию двух газет русского зарубежья («Последние новости», «Возрождение») и двух советских газет («Правда», «Известия») в 20–30-е гг. XX века. Письма в газету часто образуют цепочки коммуникативно связанных текстов или входят в них (например, статья – отзыв о статье, письмо – ответ на письмо, государственное постановление – письмо-реакция). Очевидно, что во всяком письме-отклике каким-либо образом должен быть представлен текст-стимул, иначе письмо просто перестает быть откликом. В докладе мы рассмотрим способы отсылок к тексту-стимулу, которые встречаются в письмах-откликах, и проанализируем связь между типом отсылки и тем, насколько точно автор письма-отклика воспроизводит содержание текста-стимула.

В письмах-откликах в эмигрантские и советские газеты можно выделить следующие типы отсылок к тексту-стимулу: указание «выходных данных» текста-стимула, пересказ, цитирование и пересказ с элементами цитирования. Остановимся на каждом из названных способов подробнее.

Чаще всего в качестве текста-стимула выступает статья или заметка в газете, поэтому основным идентификатором такого текста в письме служит информация о месте и времени публикации этого текста, т. е. его «**выходные данные**». В «выходных данных» обычно указывается название, номер и дата выхода периодического издания, в котором текст-стимул был опубликован, название текста-стимула, информация о его авторе и пр.

Как правило, помимо «выходных данных», в письме-отклике более или менее подробно представлена содержательная составляющая текста-стимула. Это помогает читателю газеты адекватно понять письмо-отклик, не читая текст, к которому оно отсылает. Одним из способов передачи содержания текстов-стимулов в письмах-откликах является **пересказ**. Особенности пересказа определяются спецификой жанра писем читателей в газеты: письма по своему объему, как правило, не настолько велики, чтобы приводить связанное по-

следовательное изложение текста-стимула, поэтому пересказ сводится к тезисному изложению нужной информации и обычно уместается в одном-двух предложениях. Часто пересказ сводится к формулировке темы текста-стимула.

Пересказ с элементами цитирования отличается от собственно пересказа тем, что автор письма отклика передает содержание текста-стимула не совсем «своими словами», а с включением готовых формулировок из текста-стимула; при этом цитируемые фрагменты меньше самостоятельных предложений и синтаксически связаны с текстом письма.

При обычном пересказе и пересказе с элементами цитирования автор может случайно или намеренно исказить содержание первоисточника, сместить акценты или внести неточности.

В большинстве случаев самым объективным способом передачи содержания текста-стимула является **цитирование**. Цитирование позволяет автору более объективно представить факты из текста-стимула, кроме того, такой способ отсылки исключает неточности и не мешает понять текст письма без прочтения того текста, к которому автор отсылает.

Таким образом, указание «выходных данных» и цитирование являются самыми объективными типами представления текста-стимула в письме-отклике, а пересказ и пересказ с элементами цитирования допускают искажение содержания текста-стимула.

В статье [1] перечисляются основные типовые механизмы, которые приводят к искажению общего смысла чужой речи. Из восьми указанных М. Я. Гловинской механизмов в нашем корпусе писем-откликов представлены следующие три: 1) «снятие или замена модальности исходного высказывания»; 2) «неправильная интерпретация иллокутивного намерения или общей коммуникативной установки собеседника»; 3) «усиление, гиперболизация, генерализация исходных высказываний».

Примером замены модальности исходного высказывания может служить письмо-отклик, в котором то, что было вопросом в тексте-стимуле, становится утверждением: **Кому**

же обязана своими успехами эта оклеветанная армия. Только ли слабости своих противников? Быть может немного, но особенно и прежде всего высоким достоинством своего начальника → своими успехами красная армия обязана «слабости своих противников и удачному подбору высшего командного состава» (Последние новости. 1920). Пропозиция 'влияние слабости противников на успех Красной армии' превращается здесь из вопроса в утверждение.

В качестве примера неправильного понимания иллюкативного намерения автора текста-стимула можно рассматривать цепочку писем, в которой легкая критика государственного учреждения, содержащаяся в тексте-стимуле, воспринимается как *выпад против «Продасиликата»*, как *тяжелое обвинение по адресу госоргана* (Правда. 1923).

Примером усиления, гиперболизации исходных высказываний может служить письмо-отклик, где степень отрицатель-

ной оценки сильно преувеличена. Так, *недопустимые способы* превращаются в *темные проделки непанов* (Правда. 1923).

В эмигрантской прессе все способы отсылок распределены довольно равномерно. В письмах из советских газет содержание текста-стимула передавалось преимущественно с помощью пересказа (более чем в половине всех писем-откликов представлен этот способ отсылки). А это значит, что в письмах в советские газеты содержание текста-стимула передавалось значительно менее объективно, чем в письмах в эмигрантские газеты, и это приводило к гораздо большим искажениям текста-стимула.

Литература

1. Гловинская М. Я. Типовые механизмы искажения смысла при передаче чужой речи // Лики языка: К 45-летию науч. деятельности Е. А. Земской / Отв. ред. М. Я. Гловинская. М., 1998. С. 14–30.

Авторская песня как предмет лингвистических и междисциплинарных исследований

И. Б. Ничипоров

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Авторская песня, языковое сознание, официозная стилистика, песенное слово, социокультурные факторы

Summary. The paper is focused on the analysis of linguistic and cultural conceptions of the bard's poetry.

Явление авторской песни стало одним из магистральных в русской поэтической культуре второй половины XX столетия и в полноте выразило духовные, социально-исторические грани мироощущения срединных десятилетий века. При очевидной синтетической природе, обусловленной взаимопроникновением поэтического слова, музыки, исполнительского мастерства, авторская песня в своих вершинных художественных проявлениях была в первую очередь *искусством слова, литературным феноменом, «новым руслем»* [1, 5] в отечественной поэтической традиции.

Предметом обсуждения в данной работе являются **междисциплинарные исследования**, в которых авторская песня, творчество отдельных ее представителей осмысливается с позиций *семиотики, лингвистики, музыковедения, театроведения, культурологии и социологии*.

Авторская песня как «целостная, динамично развивающаяся семиотическая система» оригинально рассмотрена в статье В. А. Кофановой [2]. С *семиотической точки зрения* анализируются невербальные символы, неотъемлемые атрибуты исполнения бардовской песни, определяющие стратегию творческого поведения поэта-певца и выполняющие важную контактоустанавливающую функцию: обыденная одежда, соответствующая исполнению «песни в свитере», гитара как «многофункциональный знак», отсутствие поставленного голоса, а также особые знаки организации пространства творческого и личностного общения – кухня, студенческий или туристический поход и т. д. Расценивая саму фигуру поющего со сцены поэта в качестве «сложного вербального знака», автор статьи не без оснований усматривает в содержащих автокомментарии устных выступлениях бардов выработку метаязыка, системы самоописания бардовской поэзии.

Достаточно разнопланово представлены и *лингвистические подходы* к изучению бардовской поэзии. Особенно перспективными видятся исследования, рассматривающие язык авторской песни в соотнесенности с общезыковыми тенденциями эпохи. Так, в работе О. А. Семенюк [3] выявлены различные формы влияния произведений бардовской поэзии как неподцензурного искусства на крайне идеологизированное языковое сознание 1960–80-х гг.: «Произведения авторской песни служили элементом своеобразной стены, которая сдерживала давление идеологизированных текстов на общество и личность... Исполнители, благодаря высокому личному авторитету и возможности «вводить» свои тексты в общий коммуникационный поток не только в традиционном для литературы печатном варианте, но и в звуковом, имели более эффективную возможность иронизировать и над социальной действительностью, и над советским языком». Частным проявлением обозначенного влияния стала фразеология, чрезвычайно развитая в бардовских текстах и составившая мощную альтернативу официозной стилистике: «Авторская песня передала в дискурс советского периода крылатые выражения... Фразеология авторской песни

способствовала формированию более независимой личности... становилась базой особенного философского восприятия действительности». В современной лингвистике тексты поэтов-бардов исследуются как с точки зрения общих закономерностей авторского едиотипа ([4]), так и в аспектах лексической семантики (Е. А. Сполохова [5], В. П. Изотов [6] и др.), фразеологии (С. Г. Шулежкова [7], А. В. Прокофьева [8] и др.), социолитературологии (Л. В. Кац [9] и др.), лингвокультурологии (А. А. Евтюгина, И. Г. Гончаренко [10] и др.). Хотя пока подобные исследования обращены в большинстве случаев лишь к творчеству В. Высоцкого.

В свете синтетической природы искусства авторской песни и разнонаправленности творческих дарований самих бардов, часто соединявших, например, литературную деятельность с актерской, особенно актуальными становятся *музыковедческие и театроведческие исследования*.

В *музыковедческом плане* пока лишь намечена плодотворная перспектива рассмотрения синергии музыки и поэтического слова в произведениях бардов. Так, в работе М. В. Каманкиной [11] убедительно устанавливаются корреляции между литературными и музыкальными жанрами в творчестве Б. Окуджавы (вальс, марш, романс и др.), что дает основания на новом уровне анализировать ритмические и иные особенности этих синтетических текстов. Кроме того, *песенность* анализируется как ключевое свойство многих произведений поэта, проявляющееся на уровне построения образной системы, поэтического синтаксиса, на основе чего делается убедительный вывод о том, что музыка у Окуджавы выступает как «чуткий и гибкий партнер поэтического слова». Созвучны этому исследованию и работы Е. Р. Кузнецовой, представившей *мелодичность* как доминанту поэтики стихов-песен Б. Окуджавы ([12]), а в другой статье – уже на материале поэзии В. Высоцкого ([13]) – проследившей конкретные пути взаимодействия музыкального и поэтического начал на уровнях сюжетосложения, общей композиции и жанрового своеобразия произведений, где «музыкальный элемент делает ощутимыми гармонию и неповторимость лирического стиха». Особенно примечательна в этой работе и гипотеза о связи генезиса песенной поэзии середины века с символистскими эстетическими теориями.

Актуальность *театроведческих исследований* авторской песни, как видится, может быть двойной. С одной стороны, анализ комплекса особенностей сценического поведения поэта-певца в сопряженности с разноуровневым рассмотрением самих художественных текстов. Этот аспект научно практически не изучен, а осмысливается пока лишь на уровне отдельных эмпирических наблюдений – например, предложенное Л. А. Аннинским глубоко содержательное сопоставление исполнителейских и даже речевых манер Ю. Визбора и М. Ачарова ([14, 84–86]) в соотнесении не только с их индивидуальными поэтическими мирами, но и с теми различными стилевыми тенденциями в авторской песне, которые они наиболее ярко воплощают.

Иная, гораздо более отрефлектированная грань этой проблемы – влияние актерского опыта художника на образный мир и поэтику его литературных произведений. Особенно глубоко эта проблема разработана в связи с творчеством В. Высоцкого, прежде всего в сопряженности с гамлетовской темой ([15], [16], [17]). Систематизирована и методология такого рода исследования, которое остается актуальным и применительно к творчеству иных бардов-актеров (А. Галич, Ю. Ким, Ю. Визбор и др.). В работе М. Н. Капрусовой [18] выделены и взаимно соотнесены три уровня рассмотрения проблемы: воздействие на мироощущение лирического героя «черт характера, мировоззрения, настроения играемого персонажа»; интерес, внимание поэта-актера к общему контексту творчества автора играемой пьесы; присутствие в поэтическом тексте «отсылки не только к характеру играемого персонажа, не только к тексту роли, но и к декорациям, реквизиту, сценографии спектакля».

Полноценное исследование феномена авторской песни невозможно и без уяснения социокультурных факторов его появления, развития и широкого распространения в общественной среде.

В работах С. П. Распутиной, Б. Б. Жукова [19], [20] развитие и эволюция бардовского движения связываются с широким кругом явлений общественного бытия и сознания второй половины XX века, с серьезными изменениями в национальной ментальности. С. П. Распутина рассматривает широко распространившиеся в 1960-е гг. не только в СССР, но и в странах Западной Европы и США песенные движения как «выражение социальной активности» и основу широкомасштабной «консолидации людей» (французские шансонье, американские песни протеста, рок-движение и др.). Эти процессы зачастую становятся проявлением протестной реакции по отношению к диктату «идеологизированной продукции массовой культуры». Видя в бардовском творчестве определенное проявление «контркультуры», автор работы предлагает в целом убедительную социокультурную мотивацию эволюции авторской песни от раннего, лирико-романтического периода к поздней фазе, ознаменованной усилением социально-критической направленности: «Осознание принадлежности к контркультуре произойдет лишь на втором этапе его истории – в конце 60-х – начале 70-х годов, и главным образом – благодаря личности и творчеству В. С. Высоцкого».

В иных значимых с данной точки зрения работах авторская песня рассматривается как важный источник исторического знания ([21]), а также в ракурсе «шестидесятической» идеологии ([22]). Представляют интерес и исследования особенностей общественного бытования, в частности на уровне газетно-журнальных заголовков, полных или измененных цитат, крылатых выражений из произведений поэтов-бардов ([23], [24]).

Таким образом, лингвистические и междисциплинарные исследования способны выступить в качестве важного подспорья, а возможно, и определенного уточнения результатов литературоведческого изучения синтетического феномена бардовской поэзии.

Литература

- Новиков Вл. И. Авторская песня как литературный факт // Авторская песня. М., 2002. (Школа классики). С. 5–12.
- Кофанова В. А. Авторская песня как семиотическая система // Язык и текст в пространстве культуры: Сб. статей научно-методич. семинара «Textus». Вып. 9. СПб.; Ставрополь, 2003. С. 144–149.

- Семенов О. А. Авторская песня и русский язык периода 60–80-х годов XX века // Владимир Высоцкий: взгляд из XXI века: Материалы третьей междунар. науч. конф. Москва. 17–20 марта 2003 г. М., 2003. С. 196–202.
- Евтюгина А. А. Прецедентные тексты в поэзии В. Высоцкого (к проблеме идиостиля). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1995.
- Сполохова Е. А. Ассоциативно-семантические поля истины, правды и лжи в поэзии Высоцкого // Мир Высоцкого. Исследования и материалы. Вып. V. М., 2001. С. 158–178.
- Изотов В. П. Филологический комментарий к творчеству В. С. Высоцкого. Проект // Мир Высоцкого. Исследования и материалы. Вып. V. М., 2001. С. 179–198.
- Шулержева С. Г. Крылатые выражения В. Высоцкого // Мир Высоцкого. Вып. III. Т. 2. М., 1999. С. 216–225.
- Прокофьева А. В. О сюжетно-композиционных функциях фразеологических единиц // Мир Высоцкого. Вып. III. Т. 2. М., 1999. С. 208–215.
- Кац Л. В. О некоторых социокультурных и социолингвистических аспектах языка В. С. Высоцкого // Мир Высоцкого. Исследования и материалы. Вып. V. М., 2001. С. 144–157.
- Евтюгина А. А., Гончаренко И. Г. «Я был душой дурного общества». Опыт лингвокоммуникативного анализа стихотворения // Мир Высоцкого. Исследования и материалы. Вып. V. М., 2001. С. 244–255.
- Каманкина М. В. Песенный стиль Б. Окуджавы как образец авторской песни // Окуджава. Проблемы поэтики и текстологии. М., 2002. С. 225–243.
- Кузнецова Е. Р. Мелодичность как тематическая и структурная доминанта поэтики Б. Ш. Окуджавы // Окуджава. Проблемы поэтики и текстологии. М., 2002. С. 98–111.
- Кузнецова Е. Р. Слово и музыка в парадигме стихового пространства. Музыкальность лирики В. Высоцкого // Мир Высоцкого. Исследования и материалы. Вып. V. М., 2001. С. 256–263.
- Аннинский Л. А. Барды. М., 1999.
- Юткевич С. Гамлет с Таганской площади // Шекспировские чтения-1978. М., 1981. С. 82–89.
- Бачелис Т. Гамлет-Высоцкий // Вопросы театра. Вып. 11. М., 1987. С. 123–142.
- Кулагин А. В. Поэзия В. С. Высоцкого. Творческая эволюция. М., 1997. С. 122–160.
- Капрусова М. Н. Влияние профессии актера на мироощущение и литературное творчество В. Высоцкого // Мир Высоцкого. Исследования и материалы. Вып. V. М., 2001. С. 398–419.
- Распутина С. П. Социальная мотивация советского бардовского движения. Философско-социологический аспект // Мир Высоцкого. Вып. III. Т. 2. М., 1999. С. 375–379.
- Жуков Б. Б. Современное состояние авторской песни как отражение изменений в национальном менталитете // Мир Высоцкого. Вып. III. Т. 2. М., 1999. С. 380–389.
- Богоявленский Б. Д., Митрофанов К. Г. Авторская песня как исторический источник // Мир Высоцкого. Исследования и материалы. Вып. V. М., 2001. С. 515–524.
- Страшнов С. Л. Феномен Высоцкого в социокультурных контекстах 50-60-х годов // Мир Высоцкого. Вып. III. Т. 1. М., 1999. С. 22–29.
- Крылов А. Е. Бытование и трансформация крылатых выражений Высоцкого в газетно-журнальных заголовках. На примере песен для кинофильма «Вертикаль» // Мир Высоцкого. Вып. IV. М., 2000. С. 217–228.
- Крылов А. Е. Высоцкий – о нашей жизни на рубеже веков // Мир Высоцкого. Вып. VI. М., 2002. С. 273–286.

Интенция как основа коммуникативной стратегии в институциональном дискурсе

М. Ю. Олешков

Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия

Интенция, коммуникативно-речевые стратегии и тактики, институциональный дискурс

Summary. The creation of a universal typology of communicative (speech) strategies is far from being possible at the contemporary stage of cognitive linguistics and lingvopragmatics development. This goal should be reached successively, in particular, within the studies of the institutional discourses, where definite strategies are consolidated in various social institutions and roles on the level of rituals and clichéd forms. Thus, in the pedagogical (didactical) discourse of verbal interaction this classification can be elaborated.

В рамках любого институционального дискурса коммуниканты реализуют себя в ограниченном наборе ролевых характеристик, выступая в качестве представителей определенных статусных групп (учитель – ученик, начальник – подчиненный и т. д.).

Организирующим началом в модели речевого поведения является интенция (субъективная направленность на некий объект, активность сознания субъекта). По мнению представителей психолого-семантического направления, связь между мыслью и словом обусловлена интенционально.

Стратегия и тактика, выбор которых обусловлен интенцией, в свою очередь, определяются уровнем мотивации речевого поступка, то есть осознанием *потребности* речевого произведения или осознанной *причиной* совершения речевого акта.

Коммуникативная стратегия предполагает отбор фактов и репрезентацию их в определенной последовательности, заставляя говорящего адекватно организовывать речь, обуславливает подбор и использование языковых средств. Стратегия проявляется в коммуникативно-речевой тактике – совокупности речевых действий, приемов. Стратегия и тактика функционируют в пространстве той или иной коммуникативной модели, которая, в свою очередь, соотносится с понятиями «стиль общения» и «стиль деятельности».

Все вышесказанное непосредственно относится и к институциональному общению, что, соответственно, позволяет осуществить корреляцию понятий «речевое воздействие» и «коммуникативная стратегия».

Таким образом, *коммуникативная стратегия* есть результат организации речевого поведения говорящего в соответствии с прагматической целеустановкой, интенцией. В широком смысле коммуникативная стратегия понимается как общее намерение, задача в глобальном масштабе, сверхзадача речи, диктуемая практической целью (интенцией) продуцента.

Исследователями отмечается, что универсальная типология коммуникативных стратегий, применимая ко всем сферам речевого производства, вообще вряд ли возможна (или возможна как предельно обобщенная). Типологическое описание коммуникативных стратегий должно учитывать прагматические факторы речевой ситуации и сферу общения коммуникантов.

И действительно, наиболее удачными, на наш взгляд, попытками создания типологии коммуникативных (речевых) стратегий являются те, которые «привязаны» к определенному типу дискурсивного взаимодействия или сфере коммуникации. В частности, это связано с ритуализацией общения в рамках институциональных дискурсов, при этом определенные стратегии в соответствии с их институциональными признаками закрепляются за теми или иными социальными институтами и ролями.

Ритуализация речевого поведения позволяет прогнозировать речевые действия участников коммуникации и реализовать стратегический подход в стандартных речевых ситуациях. Другими словами, при обращении к институциональным сферам общения отдельные типы речевых действий могут получить иную интерпретацию, нежели в традиционных таксономиях, а разговорные классификации строятся на основе отношения одного действия к другому.

Например, в рамках такой институциональной сферы общения, как дидактическое взаимодействие коммуникантов в образовательной среде урока, нами были выделены четыре коммуникативные стратегии, реализуемые говорящим (учителем): информационно-аргументирующая, манипулятивно-консолидирующая, экспрессивно-апеллятивная и контрольно-оценочная.

При реализации *информационно-аргументирующей* стратегии в процессе дидактической коммуникации в модальном фокусе высказываний учителя находятся факты и знания участников речевого взаимодействия (его собственные

как «говорящего» и фоновые знания учащихся как «слушающих»), а ведение диалога (вербального или на уровне «невербальной обратной связи») обусловлено макроинтенцией (передачей информации), которая коррелирует с темой урока и дидактической целью. В контексте дидактического взаимодействия реализация данной стратегии направлена непосредственно на усвоение информации, связанной с темой и содержанием – учебным материалом урока.

Информационно-аргументирующая стратегия может быть реализована в виде трех коммуникативно-речевых тактик: *передача информации, коррекция модели мира, контроль над пониманием*.

Основная цель *манипулятивно-консолидирующей* стратегии – вызвать желаемые изменения в широком экстракоммуникативном контексте ситуации. Макроинтенция – социальная консолидация и «коммуникативный» менеджмент. Эта стратегия может быть реализована в виде четырех коммуникативно-речевых тактик: *подчинение, контроль над инициативой, контроль над темой, контроль над деятельностью*.

Основная цель говорящего при реализации *экспрессивно-апеллятивной* стратегии – выразить свои чувства, эмоции, оценки, коммуникативные интенции, предпочтения, настроения в отношении речевых проявлений адресата и коммуникативной ситуации в целом. Диалоги в рамках экспрессивно-апеллятивной стратегии демонстрируют регулярный характер модальных реакций. В фокусе этих реакций находятся не факты или знания говорящих, как в информационно-аргументирующем диалоге, а их мнения, интенции, мотивы, планы, личностные предпочтения. Макроинтенция – «коммуникативная» консолидация и «получение удовольствия» от общения.

Экспрессивно-апеллятивная стратегия может быть реализована в пяти коммуникативно-речевых тактиках: *формирование эмоционального настроения, самопрезентация, дискредитация* («игра на понижение»), *установка контакта и блокировка контакта*.

Реализация *контрольно-оценочной* стратегии в речи учителя на уроке является выражением общественной значимости его статуса как представителя социума и хранителя его норм, что реализуется в праве давать оценку как событиям, обстоятельствам и персонажам, о которых идет речь в процессе обучения, так и достижениям ученика. Основная цель этой стратегии – оценить знания учащихся, а также дать оценку (в том числе и на «эмоциональном» уровне) событиям и ситуациям, возникающим в процессе дидактического взаимодействия в образовательной среде урока.

Контрольно-оценочная стратегия может быть реализована в виде четырех коммуникативно-речевых тактик: *получение информации, собственная оценка, оценка поведения и отношения, эмотивная оценка*.

Приведенные примеры, на наш взгляд, достаточно полно демонстрируют возможности реализации коммуникативно-речевых стратегий и тактик в процессе вербального дидактического взаимодействия.

Вероятно, каждая институционально-профессиональная сфера общения имеет свою «регламентированную» номенклатуру коммуникативных стратегий, реализуемых в рамках планируемых интенций.

Где горит без пламени Содом: библейский текст как прецедентный феномен

Н. М. Орлова

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

Прецедентность, текст Библии, художественный текст

Summary. The paper focuses on the function of a Biblical precedent situation of Sodom and its key concepts in fiction.

Текст Библии является прецедентным прототекстом (текстом-источником), к которому обращено огромное количество литературно-художественных текстов, продуцированных в более позднее время.

Появление когнитивной научной парадигмы позволило вывести исследования в области интертекстуальности на более высокий концептуальный и терминологический уровень, а именно связать интертекстуальность с проблемой понимания текста. Рассматриваемые в этом аспекте преце-

дентные тексты представляют собой набор когнитивных схем (фреймов), которые хранятся в семантической памяти писателя и читателя (интерпретатора) текста и используются ими для продуцирования и интерпретации новых текстов и новых смыслов.

К числу наиболее значимых и частотных прецедентных текстов относится миф, в том числе миф Библейский. Библия как основа христианской культуры стала прототекстом, «текстом текстов», неисчерпаемым источником идей, об-

разов и мотивов во всех сферах искусства; библейский словарь, библейская образность, вся концептосфера Библии оказывают огромное влияние на текст европейской и мировой литературы.

Прецедентная ситуация (ПС) «Гибель Содома [и Гоморры]» – одна из самых известных и трагических в Библейском тексте. Ее освоенность проявляется в первую очередь в том, что сигналом данной ПС в различных дискурсах служит концепт «содом», обладающий огромными когнитивными потенциями, а слово-имя концепта (*sodom*) прочно вошло в русский язык, у него появились новые значения и оттенки значений, оно является вершиной словообразовательного гнезда, используется в художественных текстах в индивидуально авторском употреблении и т. д.

В русском языке в значении слова-имени концепта произошли семантические сдвиги, и на первое место вышло значение «шум, беспорядок»; значение, восходящее непосредственно в библейской ПС и возникшее путем метонимического переноса (грех определенного рода, которому предавались жители Содома), сохранило свою концептуальную значимость, что отчетливо видно при анализе гнезда производных слова содом (содомский (грех), содомит, содомия и под.).

В западноевропейских языках концепт «содом» сохранил более четкую связь с соответствующей библейской ПС, поэтому в толковании значения слова-имени концепта подкрывается сема «грех, греховность», ср. в польском: **Sodoma i Gomora** – *siedlisko występku, gniazdo rozpusty, niemoralności, grzechu, bezbożności*; в английском: **Sodom** – *a sinful wicked place*. Производные (*sodomy* и т. п.) также характеризуют один из тягчайших грехов.

Как уже было отмечено, интертекстуальные связи текста русской литературы и библейского текста в использовании ПС «Гибель Содома (и Гоморры)» широки и разнообразны. Так, в языковой картине мира А. С. Пушкина Содом – это в первую очередь город, разрушенный за грехи (а точнее, за определенный грех!) его жителей; обращение к прецедентному имени Содом находим в известных рассуждениях о красоте в романе Ф. Достоевского «Братья Карамазовы». В других текстах русской классики находим обычное для современного словоупотребления значение «шум, беспорядок, суматоха».

Прецедентная ситуация «Гибель Содома» была рассмотрена нами на примере цикла стихов Инны Лиснянской «В пригороде Содома» и двух прозаических произведений (Руслан Киреев «Лот из Содома», Борис Литвинов «Она не узнала о

своей смерти»). В результате совмещения когнитивной решетки Библейского текста с уже рассмотренной концептосферой цикла Инны Лиснянской и двух прозаических произведений можно наблюдать следующее соотношение когнитивных линий:

- концептосферы *ангелы, грех* и *пожар* вербализованы во всех рассмотренных текстах;
- концептосфера *ужас* вербализована в тексте Инны Лиснянской и Бориса Литвинова, в романе Киреева отсутствует, в тексте Библии не вербализована, но эксплицируется всей ситуацией огненного дождя;
- концептосфера *непослушание*, важнейшая для текста Библии, отсутствует в современной художественной речи, а прецедентная ситуация «Жена Лота» интерпретируется иначе.

Выводы:

1. Библейские прецедентные ситуации и вся концептосфера Библии являются мощным текстообразующим средством, способными организовывать тексты больших по объему прозаических произведений, микроконтексты в их составе, стихотворные тексты и их фрагменты.

2. Для прецедентной ситуации «Гибель Содома [и Гоморры]» наиболее значимым представляется концепт «содом», имеющий достаточно сложную смысловую структуру и подвергшийся значительной семантической эволюции в процессе функционирования в русской языковой картине мира. Так, несмотря на то, что многие Библейские концепты имеют изначально общий статус в европейских языках, в русском (и других восточнославянских) на первом месте среди лексических значений находится «Шум, беспорядок, суматоха».

3. Дальнейший анализ когнитивной структуры Библейской ПС выявил наличие в ней нескольких основных концептуальных линий, наиболее значимых для данной ситуации, и, соответственно, несколько пересекающихся концептосфер, служащих для репрезентации данной ПС («ангелы», «грех», «пожар», «непослушание», последняя относится к ПС внутри рассматриваемой нами – «Жена Лота»).

4. Наложение когнитивной матрицы Библейского текста на поэтические и прозаические тексты современных авторов позволяет говорить, с одной стороны, о концептуальной общности основных когнитивных признаков этих текстов, а с другой – о значительном их отличии. Несмотря на то, что Библия как прототекст оказывает влияние на текстообразование художественного дискурса, авторы творчески преобразуют Библейскую концептосферу, что служит неисчерпаемым источником продуцирования новых репрезентаций традиционного концепта и рождения новых образов.

Рецепция идей А. М. Пешковского в наследии М. М. Бахтина 1920–1950-х гг.

О. Е. Осовский

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, Саранск

Рецепция лингвистических идей, русский синтаксис в научном освещении, стилистика, речевые жанры, А. М. Пешковский, М. М. Бахтин

Summary. Though Mikhail Bakhtin is mostly known as a philosopher and a literary theorist, his interest to the different aspects of linguistics is very important for the history of the Russian language theory. To understand Bakhtin as a linguist is impossible without analysis of his Western and Russian theoretical sources. The given article shows that Bakhtin's reception of A. M. Peshkovskiy's ideas influenced to some extent his linguistic views in 1920–1950s.

В последние годы история отечественной лингвистики достаточно точно определила характер вклада М. М. Бахтина (1895–1975) в российское языкознание XX столетия (см. [1]–[4]). Концепция металингвистики, особенности речевых жанров, языка художественных произведений, теория «чужой речи» занимают свое место в методологическом арсенале современной науки о языке.

Естественно, что постепенно и во многом имплицитно сформировавшаяся лингвистическая концепция М. М. Бахтина возникла не на пустом месте: отечественными и зарубежными исследователями уже был обозначен широкий круг лингвистов – современников и предшественников Бахтина, в продуктивном диалоге с которыми выработывались его концептуальные идеи: это, в частности, Л. Шпитцер, К. Фосслер Ф. Соссюр, В. В. Виноградов и др. ([5]–[10]).

В этом контексте представляется существенным выяснение того места, которое занимают в круге источников Бах-

тина работы А. М. Пешковского (1878–1933), одного из наиболее авторитетных отечественных языковедов и методистов первой трети XX столетия. Бахтин, начинавший свою педагогическую деятельность преподавателем русского языка в провинциальной гимназии, в начале 1920-х гг. предложивший оригинальную теорию интонации ([11]), естественно, не мог пройти мимо трудов Пешковского, как теоретического, так и методического характера, в т. ч. его статьи 1928 г. «Интонация и грамматика» ([11]). Не случайно, на склоне лет в известных беседах с В. Д. Дувакиным он упоминает ученого в числе известных ему «fortunatovtsev» ([12, 59]). В архиве Бахтина сохранились датируемые концом 1920-х гг. «конспекты философско-лингвистических работ (К. Фосслера, Э.-Р. Курциуса, А. М. Пешковского, Г. Г. Шпета и др.)» [13, 432]. Все они были выполнены, надо полагать, в ходе подготовки текста «Марксизма и философии языка» (Л., 1929), в котором содержится полемика с ин-

Литература

терпретацией Пешковским характера передачи косвенной речи в русском языке, определяемой в книге как «типичная для “грамматика” ошибка» [14, 138].

Весной 1945 г. Бахтин обращается к проблемам стилистического анализа бессоюзного предложения в работе «Вопросы стилистики на уроках русского языка в средней школе», что связано как с его методическими интересами (он работает учителем русского языка и литературы в школе), так и с общей установкой на построение новой стилистики художественного произведения (в частности, стилистики романа), и, соответственно, называет Пешковского среди лингвистов, в трудах которых присутствует «немало ценных наблюдений над различными видами бессоюзного подчинения, но наблюдения эти не систематизированы и далеко не полны в стилистическом отношении» [15, 144–145]. Акцентированная Бахтиным мысль о важности **стилистического** аспекта в «процессе рождения языковой индивидуальности ученика» [15, 156] находит свое продолжение в его масштабной работе «Проблема речевых жанров» (1953–1954). Бахтин фактически воспроизводит здесь критику понятия «стилистический эксперимент», представленную в «Марксизме и философии языка» ([14, 138–141]), заметно дополняя и расширяя свою аргументацию ([15, 144–145]). В так называемых «Подготовительных материалах» он подробно анализируя в ходе подготовки текста категориальный аппарат Пешковского, в частности, понимание им явлений коммуникации, интонации, синтаксического целого, а также посвященные «идеалистическим основам синтаксической системы проф. А. М. Пешковского» две статьи В. В. Виноградова из сборника «Вопросы синтаксиса современного русского языка» (см. [15, 244–245]).

О некоторых особенностях идиостиля писателя-билингва (на материале романа Л. Н. Толстого «Война и мир»)

М. Р. Очкасова

Костромской государственной университет имени Н. А. Некрасова

Билингвизм, идиостиль, художественный текст, речевая манера

Summary. This article studies some characteristics of idiostyle and conceptual realization of the novel «War and Peace» by L. Tolstoi, marks of bilinguism in the text.

Язык художественного произведения характеризуется стилистической неповторимостью авторской манеры письма. Исследователи творчества Л. Н. Толстого отмечают, что язык его произведений отмечают не только ее оригинальность и звучность, но также и полнота ее, тождественность авторскому сознанию и мировосприятию.

Внутренняя речь «любимых» персонажей автора зачастую совпадает с тем, что идет от самого Л. Н. Толстого. Начиная от отдельного эпитета, который обозначает движение, жизненность, к синтаксической форме, соответствующей строю мысли автора через бинарное использование русского и французского языков – так создается стилистическое единство романа «Война и мир».

Рассмотрим употребление прилагательного «ridicule» в тексте романа Л. Н. Толстого «Война и мир».

...Князь Андрей видел, что офицер находился в том пьяном припадке беспричинного бешенства, в котором люди не помнят, что говорят. Он видел, что его заступничество за лекарскую жену в кибиточке исполнено того, чего он боялся больше всего в мире, того, что называется **ridicule**, но инстинкт говорил другое. Не успел офицер договорить последних слов, как князь Андрей с изуродованным от бешенства лицом подъехал к нему и поднял нагайку:

– Из-воль-те про-пус-тить!

Офицер махнул рукой и торопливо отъехал прочь... (Толстой, IV, 153).

В русском тексте французская языковая единица рельефно выделяется, характеризуя одного из главных героев, раскрывая всю неоднозначность его образа: с одной стороны, он боится показаться смешным, нелепым, пытается обуздать пьяного офицера, а с другой стороны – для него, русского офицера, защита «слабых и малых» – святое дело, дело чести. Контекстное окружение определяет смысловое наполнение французского языкового элемента, меняет знак коннотации (отрицательной во французском языке) на про-

1. Алпатов В. М. Кружок М. М. Бахтина и проблемы лингвистики // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2000. № 2. С. 5–30.
2. Алпатов В. М. Проблемы лингвистики в текстах М. М. Бахтина 1930-х годов // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2002. № 1. С. 4–20.
3. Алпатов В. М. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М., 2005.
4. Колесов В. В. История русского языкознания: Очерки и этюды. СПб., 2003. С. 365–378.
5. Алпатов В. М. М. М. Бахтин и В. В. Виноградов: опыт сопоставления личностей // Бахтинские чтения. Вып. 3. Витебск, 1998. С. 7–18.
6. Киржаева В. П. Лингвистическая проблематика в книгах, статьях и набросках Бахтина: Статья первая. О некоторых параллелях и созвучиях (Соссюр, Фосслер и Шпитцер) // Бахтин в Саранске. Вып. 1. Саранск, 2002. С. 36–55.
7. Контексты Бахтина // Новое литературное обозрение. 2006. № 79.
8. Hirschkop K. Mikhail Bakhtin: an aesthetic for democracy. Oxford, 1999. P. 197–224.
9. Lähteenmäki M. On dynamics and stability: Saussure, Voloshinov and Bakhtin // Dialogues on Bakhtin: Interdisciplinary readings. Jyväskylä, 1998. P. 51–69.
10. Mihailovic A. Corporeal words: Mikhail Bakhtin's theology of discourse. Evanston, 1997.
11. Левинская Г. С. К теории интонации М. М. Бахтина // Филологические науки. 1994. № 1. С. 39–48.
12. Беседы В. Д. Дувакина с М. М. Бахтиным. М., 1996.
13. Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 2. М., 2000.
14. Волошинов В. Н. (М. М. Бахтин). Марксизм и философия языка. М., 1993.
15. Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 5. 1996. С. 144–145.

тивоположный. В данном употреблении не прослеживается первоначальная негативно-ироническая коннотация прилагательного *ridicule*, связанная с его экспрессивно-оценочным содержанием «смешной до нелепости».

Ранее, эта языковая единица встречается на страницах романа, в составе выражения «donner dans ce ridicule», которое произносит князь Андрей:

– Как я узнаю его всего тут! – сказал он княжне Марье, подошедшей к нему.

Княжна Марья с удивлением посмотрела на брата. Она не понимала чему он улыбался. Все, сделанное отцом, возбуждало в ней благоговение, которое не подлежало обсуждению.

– У каждого своя ахиллесова пята, – продолжал князь Андрей. – С его огромным умом **donner dans ce ridicule!** (Толстой, IV, 96).

Болконский находит увлечение отца генеалогией мелким, незначительным. Обращаясь к фразеологизму «ахиллесова пята», он заменяет элемент «пята» на «пятка», вносящем непринужденно-разговорный колорит. Фразеологизмы «ахиллесова пята» и «donner dans ce ridicule» близки по своей семантике, их объединяет идея «человеческих слабостей». В первом рассмотренном нами употреблении слово «ridicule» приобретает окказиональную коннотацию. А во втором случае оно употреблено в своем узуальном значении в сочетании с транслитерированным синонимом «ахиллесова пята (пятка)», характеризуя образ мысли и речевое поведение князя Андрея. Повторное употребление данного слова, выражающего идею «смешного, нелепого», в разных контекстах, каждый раз в речи князем Андрея, служит созданию смысловой скрепы, репрезентирующий вертикальный контекст, участвующий в создании образа персонажа.

Таким образом, связанные с повтором определенных единиц языковой номинации, слов и фразеологизмов, оборотов речи русского и французского языков, сопоставленных, вза-

имодельствующих в семантическом плане, в различных сочетаниях участвующие в выражении определенных сторон концептуального содержания произведения. Работая над романом, автор «входит» в разные роли: он мысленно ставит себя

на место Андрея Болконского и Анатолия Курагина, Кутузова и Наполеона, людей из народа. В органическом сочетании столь разнородных языковых средств, элементов билингвизма находит проявление мастерство, идиостиль писателя.

Функционирование графики и лексики в компьютерной форме речи

Й. Пилатова / J. Pilátová, Л. Воборил / L. Vobořil

Университет им. Палацкого в г. Оломоуц (Чехия)
l.voboril@centrum.cz, pilatovj@yahoo.com

Компьютерная форма речи, новые жанры, орфография и пунктуация, лексика

Summary. The current paper endeavors to investigate specific formal properties (orthography, punctuation, lexis) of electronic discourse on Russian, English and Czech material (genre of forum, e-mail, chat). Extralinguistic factors as well as general and specific linguistic features of computer mediated speech are accounted for and discussed (in particular, contamination or speech variants, disrespect for codification, emphasis on pragmatic content, formal economy and expressivity). Functions of the specific formal means are studied.

0. В докладе обсуждаются случаи функционирования (намеренного, ненамеренного) графических средств (орфография, пунктуация, пиктограммы) и лексики избранных жанров электронной коммуникации в сопоставительном русско-чешско-английском плане.

1. Возникновение и распространение технологически опосредованной коммуникации (общение посредством телефона, телеграфа, радио- и телевидения, факса, сотовой связи и Интернета и др.) приводит не только к созданию и развитию качественно разных ситуаций вербального общения, но, следовательно, и к усложнению лингвистических понятий «коммуникация», «коммуникат», «дискурс». В качестве основных экстралингвистических факторов технологически опосредованной речи приводятся присутствие / отсутствие адресата, диалогичность / монологичность, официальная / неофициальная обстановка, письменный / устный вариант речи, неподготовленность / подготовленность, коммуникативная функция, тема, личностные характеристики участников и др. Под воздействием данных факторов языковой облик компьютерной формы речи включает в себя, по мнению исследователей, следующие общие лингво-стилистические черты, характерные для всех планов языковой системы: 1) контаминация речевых разновидностей (размываются границы между монологом и диалогом, письменной и устной формой речи, происходит смещение вербального и невербального кодов, русского и английского языков, взаимодействие актуального текста и прецедентных текстов и т. п.), 2) отклонение от норм кодифицированного литературного языка, 3) акцент на прагматическом потенциале общения (т. е. содержательная сторона коммуникации редуцируется, познавательная функция уступает место функции фатической, экспрессивной и поэтической), 4) стремление к языковой компрессии, экспрессии, игре с языком.

2. Интернет представляет собой на сей день особую виртуальную коммуникативную среду, новое средство передачи информации, в том числе новое, раньше не существовавшее место функционирования языка. В Интернете сложились ситуации, в которых коммуниканты обмениваются формально письменными текстами, сочетающимися в себе черты письменного и устного варианта речи (концептуально устно-письменные тексты) и отличающимися некоторыми чертами, не свойственными традиционно устной и письменной речи. Говорят о формировании письменной разговорной речи, компьютерной формы речи, интернет-речи, киберязыка, нетспика, электронного языка.

3. Основные жанры, в которых функционирует компьютерная форма речи (далее как КФР) – это e-mail, форум, чат, блог, включая SMS-сообщение. Наши заключения основываются прежде всего на анализе форумов, отчасти электронных писем и чатов. Учитывая перечисленные в п. 1 параметры, можно дать следующую усредненную характеристику компьютерной ситуации общения и КФР: 1) опосредованный характер связи, отсутствие аудио-визуального контакта, интерактивность; 2) формально письменное общение, эксклюзивность графических средств, компенсация паравербальных и невербальных средств; 3) повышенная диалогичность, установка на неофициальность общения; 4) информативная, эмоционально-экспрессивная, фатическая функции общения; 5) анонимность участников коммуникации, коммуникация несет черты карнавального общения людей; 6) тематическая разрозненность; 7) размывание границ между кодифицированным языком и разговорной ре-

чью, разные способы номинации, неологизация, элементы языковой игры; тенденция к аграмматизму.

4. В КФР грамматические правила пунктуации и орфографии многими пользователями не соблюдаются (напр., сигналы границы или статуса синтаксических или номинативных единиц – применение запятых, точки, кавычек, дефиса, прописных и малых букв). Иногда акцентируется элементарный фонетический принцип письма (т. е. взаимодействие графического и фонетического обликов языковых единиц). Мотивацию всего сказанного можно усматривать: 1) в объективных причинах (напр., языковая осведомленность пользователей; линейность написания, спонтанность, экономия времени); 2) в субъективных причинах (напр., индивидуализация; намеренное искажение правописания – популярный прием языковой игры, ср. «афтарская лексика»).

5. В случае намеренной обработки графических средств пунктуация, орфография, включая и типографские приемы (жирный шрифт, курсив, подчеркивание, цвет) применяются в КФР в качестве актуализирующих средств выражения. Они служат условными сигналами симуляции невербальных составляющих общения – вокальных (темп, пауза, мелодика, ударение) и невокальных (мимика, жесты, позы). К формальным средствам актуализации графического облика можно отнести применение, например, прописных букв, кавычек, жирного шрифта, цвета, подчеркивания, умножения графем, многоточия, восклицательных и вопросительных знаков и т. п. Данные средства способны в КФР замещать или передавать следующие качества и функции звучащей речи: громкость произношения, эмфатическое ударение, мелодику речи, паузы, прагматические интенции и модально-оценочные составляющие (удивление, недоумение, несогласование и т. п.), положительную или отрицательную оценку и т. д. Особым случаем является самостоятельное применение графических средств, превращающихся в иконический знак (ср. семантизация графем – «?» взамен слова вопрос или взамен целого высказывания; пиктограммы / смайлики / эмодзи как самостоятельные графемы для передачи ряда прагматических смыслов). Применению данных средств в КФР свойственны процессы автоматизации и актуализации.

6. К видимым явлениям лексического плана КФР можно отнести 1) компрессивное наименование (буквенные аббревиатуры, сокращенные словосочетания / предложения, часто заимствованных из английского языка типа *ИМНО*, *ВТН*, включая чередование буквенного и цифрового кодов, ср. пр.: *B4*, *U2*, *4U*; *4то*, *по4ему*, *небком*; усечение – *инет*, *ава*, *прога*, *модер*, *админ*, *инфа*, или разного типа универбаты-дериваты *реал*, *вирт*, *личка*, *очка* и др.); 2) экспрессивное наименование (т. е. остранение формы, ее актуализация, напр., заимствование – *андерстэнд*, *вэлкомы*, *мэйд ин раша*; деривация – *мыслишка*, *идейка*, *вопросик*, *годик*, *темка*, *доцентик*, *чемоданчик*, *новенький*, *славенько* и др.). Компрессивное и экспрессивное наименование часто взаимодействуют.

7. Интересным является вопрос функционирования данных формальных особенностей КФР в разных языках. Разграничиваем стандартное в рамках КФР применение данных средств и их применение актуальное, функционально-обусловленное. Между данными вариантами есть динамическое отношение, указанные средства можно считать полифункциональными. В заключение надо сказать, что некоторые из анализируемых выше явлений функционируют и за пределами Интернета, обогащая актуализирующие, воздействующие ресурсы языка публицистики или рекламы.

К проблеме выделения маргинальных жанров как нового объекта лингвистики**Н. Ю. Плаксина**

Кемеровский государственный университет

*Естественная письменная речь, речевые жанры, маргинальные жанры как новый объект лингвистики***Summary.** The article is concerned with the problems of marginal genres as the new object of linguistics.

Статья посвящена проблемам, связанным с выделением нового объекта лингвистики – естественной письменной речи (термин Н. Б. Лебедевой) [1]. Мы исследуем один из видов естественной письменной русской речи – маргинальные страницы тетрадей (МСТ). Под этим термином понимаем тексты, расположенные на последней странице (или последних страницах), обложке, иногда – срединном листе (если тетрадь на скрепках). Нас интересуют не любые тексты, находящиеся на данных страницах, а только те, которые носят характер попутности. Эти страницы маргинальны по отношению к основному содержанию тетради.

МСТ как объект не вычлняется наукой, а рассматривается в прикладном аспекте только учителями и методистами. Ими МСТ оценивается как нарушение, как нечто портящее тетрадь, мешающее учебному процессу, как баловство. Подобная оценка МСТ обусловлена субстратом – местом расположения (в тетради, не предназначенной для подобного рода записей), мотивацией (желание выключиться из учебного процесса, перейти из регламентированной, официальной сферы в круг лично значимых проблем), речевым поведением авторов (записи небрежны, возможна сниженная, иногда обесценная лексика, широко используются невербальные средства).

Исследование МСТ предполагает постановку и решение целого ряда проблем, в частности проблему «гносеологической толерантности» [2], когда достойными изучения признаются «низшие» сферы бытования речи, осознается необходимость обращения исследователей к обыденной, некодифицированной, спонтанной речи рядовых носителей языка. С позиций гносеологической толерантности МСТ видится не как нарушение нормы и периферийное явление, а как объект, достойный внимания лингвиста.

Данная проблема вписана в более широкий контекст философской теории повседневности: повседневность сегодня осмысливается как ценность, нечто положительное и необходимое, происходит поворот от элитарных, избранных личностей к «маленькому» человеку, человеку повседневности.

Интересно рассмотреть МСТ в жанроведческом аспекте, как особый жанр естественной письменной речи. При всей спонтанности и неосознанности они обладают устойчивостью, структурным, тематическим и стилевым единством.

Гипотеза о том, что МСТ обладают жанровыми признаками, высказана Н. Б. Лебедевой [1]. Предмет нашего исследования – жанровые характеристики МСТ. Это явление стоит в ряду объектов естественной письменной речи. Смежные с МСТ жанры – записи на полях, граффити.

Жанроведение все больше движется в направлении междисциплинарных исследований, поскольку объектом изучения становится речь не «идеального», а реального человека, где важнейшее значение имеет социальный контекст, психологические характеристики коммуниканта и пр. Соответственно привлекаются данные социологии, психологии, физиологии, культурологии, философии и других дисциплин. Среди возможных подходов к изучению МСТ (помимо собственно лингвистического) можно наметить культурологический (МСТ как часть школьной субкультуры), социологический (влияние возрастных особенностей, принадлежности к определенному социуму), нейролингвистический (при изучении мотивации помогут данные нейрофизиологии о функциональной асимметрии головного мозга: современная система образования ориентирована на левополушарное восприятие, поэтому на уроке возникает потребность в эмоциональной разрядке, то есть в правополушарной деятельности).

Итак, МСТ вызывает научный интерес, и прежде всего в жанроведческом аспекте. Проблема выделения МСТ как лингвистического объекта находится в русле расширения предметной сферы языкознания.

Литература

1. Лебедева Н. Б. Естественная письменная русская речь как объект лингвистического исследования // Вестник БГПУ: Гуманитарные науки. 2001. № 1, Барнаул. С. 4–11.
2. Лебедева Н. Б. Толерантность и естественная письменная речь // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: Коллективная монография. Екатеринбург, 2003. С. 286–296.

Стилистические особенности паралитературного текста**А. Н. Потсар**

Санкт-Петербургский государственный университет

Массовая словесность, массовый текст, паралитература

Summary. Paraliterature commonly esteemed as «bad literature» or «popular literature» does not belong to literary discourse. Paraliterature is a part of mass communication. Though related to mass communication discourse, Russian paraliterature is influenced by a strong realistic tradition of the XIX century literature. But the extent of this influence is determined by an individual writing experience of each author.

Паралитература редко попадает в сферу интересов филологической науки и, как правило, при рассмотрении в рамках оппозиции «элитарное – массовое» противопоставляется художественной литературе. Нам представляется, что паралитература занимает в современной словесности иное место. Структурный подход, предложенный Н. И. Толстым в [1, 16–17], позволяет выделить в каждой славянской культуре следующие страты: культуру образованного слоя (книжную, или элитарную), культуру народную, крестьянскую, культуру промежуточную («третью культуру»). В системе словесности соответственно выделяются художественная литература, фольклор, третья словесность. На данном этапе развития социума третья словесность – это словесность массовая, продуцируемая в СМК и в эту категорию относятся не только медиатексты, но и тексты паралитературы.

Социологами литературы уже отмечалось близкое родство паралитературы и текстов СМИ, связанное с тем, что газетно-журнальная периодика и паралитература (в особенности жанр детектива) обладают свойством включенности в актуальный социальный контекст. Реальность, которую описывает паралитературное произведение, знакома читателю из газетных сообщений и статей в глянцево-журналах ([2, 260]).

Проведенный нами структурно-семантический анализ текстов массовой словесности (см. [3, 18]) подтверждает гипотезу о концептуальной близости паралитературы и медиатекста. Исследование показало, что представление наиболее важного компонента картины мира – образа человеческой личности – в паралитературе и в медиатексте строится фактически по одной и той же схеме. Речевая структура персонажа в паралитературе организована в соответствии с теми же принципами, что и речевая структура персонажа в СМИ: отличительными особенностями будут преобладающая ориентация на событийные и социально-статусные компоненты, стереотипность на стилевом уровне. Это во многом обусловлено сходным предназначением указанных разновидностей массового текста: массовая словесность в целом воссоздает и тиражирует нормативный образ мира, выполняя социально-регулятивную функцию. Персонажи паралитературы, как и персонажи медиатекстов, наделены маркированным социальным статусом, при выборе события и героя для детективного романа писатель ориентируется на общественную систему ценностей и на те рамки актуальной действительности, которые заданы массовой аудиторией средствами массовой информации. При этом фактор реальности / вы-

мышленности персонажа не сказывается на его представлении в тексте каким-либо определенным образом.

Массовая словесность в значительной степени определяет речевой облик современного общества. При этом массовая словесность как речевое явление развивается достаточно поздно, тогда, когда в обществе уже существует сложившаяся и многообразная речевая практика. Следовательно, массовая словесность формируется на базе множества других текстов. И, развиваясь, заимствует выработанные в других сферах стилистические приемы. Поэтика современной паралитературы, как нам представляется, находится под заметным воздействием поэтики реализма XIX века.

Наиболее близкой и понятной широкой аудитории в современной России является поэтика русской классической литературы, поскольку именно эти произведения изучаются в школе в обязательном порядке, именно эти произведения считаются эталонными, именно они, таким образом, формируют представление о языке и стиле как у читающего, так – во многом – и у пишущего. Традиционно стиль классической литературы принято называть реализмом. Имитация поэтики реализма свойственна современной массовой словесности, и В. П. Руднев предлагает термин «квазиреализм» для обозначения стилизованного облика массовой словесности.

Именно психологический роман является в сознании большинства читателей вершиной русской литературы. Дальнейшие эксперименты с формой, авангардистские или модернистские, понятны значительно более узкой аудитории, а потому практически не сказываются на речевом облике массовой словесности. Тип представления персонажа, созданный в рамках русского классического романа, оказывается своего рода архетипическим образцом для современной паралитературы, образцом, который массовая словесность имитирует, но не воспроизводит.

Исследование, проведенное нами, показало, что паралитературный текст, в отличие от литературно-художественного

произведения, в идеологическом отношении является монологичным – точно так же, как и текст журналистский, публицистический. Художественное произведение в русской литературной традиции очень часто оказывается тенденциозным. Но паралитературный текст не просто тенденциозен, он крайне идеологичен.

В каждом конкретном паралитературном тексте преобладают либо структурные и стилистические компоненты, которые актуализируют влияние художественной литературы, либо структурные и стилистические компоненты, выявляющие генетическую связь паралитературы и дискурса СМИ. Так, в ряде романов Б. Акунина, действие которых происходит в дореволюционной России, читатель видит множество явных и скрытых цитат из произведений писателей-классиков, структурную и речевую стилизацию. В произведениях П. Дашковой эксплуатируется классическая схема построения реалистического романа с развернутыми портретами персонажей, характерным приемом смены точек зрения при представлении того или иного героя, однако стилизации на речевом уровне мы не увидим. Произведения ряда других авторов паралитературных текстов, в частности Ю. Латыниной или С. Минаева, в значительной степени ориентированы на поэтику публицистического текста. Соотношение названных выше компонентов в каждом тексте предопределяется, скорее всего, индивидуальным речевым опытом пишущего.

Литература

1. Толстой Н. И. Язык и культура // Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С. 16–17.
2. Дубин Б. В. Испытание на состоятельность: к социологической поэтике русского романа-боевика // Новое литературное обозрение. 1996. № 22. С. 260.
3. Потсар А. Н. Речевая структура персонажа в массовом тексте: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2006. 18 с.

Исторический аспект лексического взаимодействия социальных диалектов (к проблеме формирования общего жаргона в России во второй половине XIX в.)

М. Н. Приёмшева

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург

Историческая лексикология, социолингвистика

Summary. Dealing with mutual influence between some social dialects of the XIX cent. this paper considers their lexical interaction and forming the interjargon during the second part of the XIX cent. as its result.

На современном этапе языкового развития мы видим, какую большую роль играют жаргоны в современной языковой ситуации, каково их воздействие на разговорную речь и литературную норму. Отсутствие достоверных источников жаргонной лексики в предшествующую эпоху, с 30-х гг. XX в., привело к тому, что интерес современных ученых сконцентрирован на ее синхронно-описательном изучении. Очевидно также, что из основных категорий социальных диалектов – а) профессиональная лексика б) жаргоны в) арго, условные языки (А. Леонтьев) – наибольший интерес сейчас привлекают именно жаргоны. Для сравнения, по нашим предварительным подсчетам, со второй половины XIX в. до 90-х XX в. опубликовано не более 20 воровских, тюремных словарей, тогда как за последние 15 лет словарей разных жаргонов, преимущественно также воровских, насчитывается не менее 90.

Из истории русской лингвистической науки мы также видим, что интерес к жаргонной лексике пропорционален активизации социальных тенденций, способствующих ее актуализации. Такими периодами в истории русской лингвистики были 20-е и 90-е гг. XX в. Синхронно-описательный подход к изучению жаргонов, необходимый при определенном ракурсе их изучения, с другой стороны, способствует, на наш взгляд, переоценке их социальных свойств в каждый такой период и неполноте их рассмотрения как лингвистического объекта. В связи с этим вспомним утверждение Л. Успенского о профессиональных жаргонах, что это неопределенный источник по изучению языковых явлений, «применимых к жизни обычного слова в языке общем».

Рассмотрение некоторых социальных диалектов в исторической перспективе дало возможность увидеть, что, являясь в каждый исторический период достаточно замкнутой лек-

сической системой, каждый из них обнаруживает элементы общности и преемственности в истории языкового развития как друг с другом, так и в отношении собственной эволюции.

Исторический аспект изучения некоторых социальных диалектов XIX в. позволяет ввести некоторые важные параметры их анализа в целом, которые можно в совокупности учитывать и при синхронном их рассмотрении.

1. Фактор исторической изменчивости социально-стратификационной парадигмы в целом (экономическая, социальная обусловленность существования элементов в данной системе: например, исчезновение офенского языка, специальной лексики сектантов пропорционально утрате соответствующих социальных групп в XIX в.; появление новых «языковых» групп хиппи, наркоманов и т. п.)

2. Фактор исторической модификации отдельных социальных групп внутри данной парадигмы (изменение статуса и «качества» языков нищих, воровского жаргона, тюремного жаргона, формирование молодежного жаргона, изменение в статусе «деклассированности» и т. д.)

3. Фактор различной социальной и, как следствие, лингвистической актуализации их лексикона (социальная «популярность» или распространенность какой-либо социальной группы, например, офеней в XIX в., воров в XX в.; социально-лингвистические «каналы» взаимодействия, интеграции, социально-лингвистические доминанты: заметим, что традиционный для XX в. «канал» воровской жаргон – молодежный жаргон совсем не был актуален в XIX в.)

Подчеркнем, что историческими категориями являются не только сами социальные диалекты (исчезают носители одних, появляются новые социальные формации, меняется

их роль в истории языковой народной культуры), но и «каналы» их взаимодействия.

Исторически обусловленным оказывается не только иная парадигма социальных диалектов на определенном историческом этапе, но и социально-исторически обусловленные иные каналы их взаимодействия, что вело к историко-лингвистической обусловленности лексической базы «общего жаргона» (М. Грачёв) или «интержаргона», который, судя по письменным источникам, к концу XIX века начал приобретать зримые (фиксированные, отчетливые) формы.

Речевая системность религиозного стиля современного русского литературного языка

О. А. Прохвятилова

Волгоградский государственный университет

Речевая системность, религиозный стиль, экстралингвистические параметры, языковые характеристики, архаичные языковые элементы

Summary. The report deals with the interconnections between the units of language of different levels in church pronunciation style; extralinguistic influence upon this functional style is also analyzed.

Существование религиозного стиля как разновидности современного русского литературного языка, которая функционирует в сфере религиозной коммуникации, было признано совсем недавно – на рубеже XX и XXI веков. На сегодняшний день имеются описания некоторых жанровых разновидностей современной духовной речи, намечены ее основные стилистические параметры, многие из которых требуют уточнения и дополнения.

Современные подходы к изучению функциональных стилей литературного языка предполагают раскрытие их речевой системности, то есть выявление внеязыковых свойств стиля и описание взаимосвязи лингвистических элементов и категорий, которые составляют его стилистическое «содержание».

По нашему мнению, важнейшими экстралингвистическими признаками религиозного стиля, которые обуславливают системность его языковых характеристик, являются, во-первых, совокупность видов коммуникации, актуальных для религиозной сферы общения, – коллективная, массовая и личная коммуникации, а также особый вид – гиперкоммуникация; во-вторых, специфический тип соотношения «говорящий – слушающий» в религиозном общении; в-третьих, присущая монологическому религиозному тексту диалогичность; в-четвертых, сочетание функций сообщения и воздействия, в которых реализуется просветительская и дидактическая направленность текстов религиозного стиля; в-пятых, стилевая доминанта, представляющая собой синтез в религиозных текстах элементов двух языковых систем – русского староцерковнославянского и современного русского языков.

Экстралингвистические параметры религиозного стиля обуславливают его лингвистические характеристики, описание которых предполагает определение внутренней организации функционального типа речи, то есть совокупности языковых единиц, которые объединены общей задачей, целями речевого общения.

Специфика лексической семантики словарного состава религиозных текстов проявляется в наличии единиц тематической группы «Православная сакрально-богослужбная лексика». Сакральная лексика включает слова, базирующиеся на понятии «вера» (например, именованья Бога, ангелов, последователей Бога и т. п.). Богослужбная лексика объединяет единицы, связанные с ритуалом, совершением религиозных обрядов, церковной службой (например, именованье церковных строений, утвари, одеяний священнослужителей, священных книг и т. п.).

Своеобразие морфологического строя религиозного стиля определяется особенностями функционирования глагольных форм. К числу стилистических маркеров следует отнести настоящее богословское обобщение, которое обычно используется при обозначении речевого действия, происшедшего в прошлом и не совпадающего с моментом речи, и актуализирует традиционную для сферы религии представление о событиях Священной истории – Ветхого и Нового Заветов – как явлениях непреходящих, стоящих вне времени, поскольку с помощью таких форм в религиозных текстах (проповедях, посланиях) вводятся высказывания высоких духовных авторитетов, иерархов православия и христи-

В докладе рассматриваются некоторые важнейшие для XIX в. каналы лексического взаимодействия некоторых социальных диалектов (офенский язык – условные языки ремесленников (В. Д. Бондалетов), офенский язык – воровской язык, офенский язык – язык раскольников, сектантов, язык воровской – тюремный жаргон, офенский язык – язык нищих), на базе взаимодействия которых открисгаллизовываются лексические элементы «общего жаргона» к концу XIX в., часть из которых остаются его элементами и в конце XX в.

анства, что позволяет придать им обобщенно-«вечный» смысл, усилить современность и актуальность содержания репродуцируемой речи.

Стилистически значимым для религиозного стиля является и высокая частотность «мы»-форм. Прежде всего отметим, что категория «мы» занимает особое место в православно-славянской культуре, отражая основную идею православия – идею соборности, то есть свободного единства людей, основанного на сохранении автономности и самобытности личности каждого члена церковной общины. Вместе с тем широкое использование императивных форм «совместного действия» наряду со «специальными» формами 2-го лица единственного числа служит передаче особого характера диалогичности в религиозных текстах.

Синтаксические особенности религиозного стиля связаны с широкой распространенностью императивных конструкций, высокой частотностью элементов эмоционального синтаксиса (вопросительных и восклицательных предложений, инверсивных конструкций, синтаксических повторов).

Специфика речевой организации текстов религиозного стиля заключается также в особом соотношении и взаимодействии элементов церковнославянского и современного русского языков. Система языковых средств духовной речи пронизана архаичными компонентами всех уровней, которые в сочетании с единицами современного русского литературного языка создают ее стилистическое своеобразие.

На фонетическом уровне специфику звучания современной духовной речи обуславливает уникальное сочетание акустических признаков, отражающих особенности древней музыкально-тонической и современной акцентно-мелодической фонетических систем. Так, несмотря на господство современной орфоэпии, отмечается непоследовательное воспроизведение следующих произносительных свойств, которые восходят к традициям старославянского произношения (сохранение качественных и количественных характеристик гласных полного образования в безударных позициях, например: [o] *ни[spo]сланиш*; произношение ударного нелабIALIZED [э] после мягких согласных, шипящих и [ц] на месте ударных *o / e*, например: *возне[с'эт]*; *ду[шэ]ю*; «побуквенное» произнесение некоторых флексий в грамматических формах, например: *Свят[аго] Духа*).

На уровне лексики черты древней языковой системы находят отражение в широкой представленности церковнославянизмов. При этом речь идет не только о тех церковнославянизмах, которые имеют соответствующие формальные (фонетические или словообразовательные) показатели, но и о так называемых лексических славянизмах, не подвергшихся стилистической и семантической ассимиляции (например: *страсть* в значении 'страдание', *зреть* в значении 'видеть').

На морфологическом уровне к числу архаичных элементов речевой организации религиозного стиля следует отнести императивные формы, представляющие собой соединение глагола в 3-м лице единственного числа с синтаксической частицей *да*.

Среди архаических синтаксических структур, воспроизводимых в духовной речи, следует назвать постпозицию согласованного определения.

Современный языковой стандарт в аспекте истории литературного языка

А. П. Романенко

Педагогический институт Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского

Языковой стандарт, типы культуры, норма

Summary. In the paper it is shown that contemporary language standard is represented by two variants in accordance with the peculiarities of contemporary cultural and language situation.

Современная языковая ситуация характеризуется тем, что в сфере функционирования литературного языка (особенно в средствах массовой коммуникации) выступает в качестве литературного языка нелитературная речь, о чем много говорят и пишут. Причем, это не искажение, не порча литературного норматива, а новый языковой стандарт (этот термин более уместен для обозначения данных фактов, нежели термин «литературный язык»).

Такая ситуация сложилась в результате кардинального изменения в XX веке всей системы культуры и статуса, состава литературного языка. Русский национальный литературный язык (XVII – начало XX в.) представлял элитарную культуру, которая являлась нормирующим центром всей системы культуры. Этот язык был обязательным во всех публичных сферах жизни русского общества. В XX веке ситуация меняется: центром системы культуры постепенно становится культура массовая, реализующаяся, главным образом, в текстах массовой информации. Элитарная культура оказывается на периферии культурного пространства. Литературный язык подвергается так называемой демократизации, которая проявляется следующим образом.

Изменяется **объем носителей**: массовая коммуникация формирует массовую аудиторию, численно несравнимую с носителями элитарного литературного языка.

Состав носителей также меняется: помимо интеллигенции (носителя элитарного языка) в сферу массовой коммуникации вовлекаются разнообразные слои населения – рабочие, крестьяне, служащие.

Изменяется **нормирующий вид словесности**: вместо литературы (прежде всего художественной) эту функцию начинает выполнять массовая информация. Заметим, что меняются не просто виды словесности, изменяется характер норматива: вместо первичных приходят вторичные тексты.

Состав источников литературного языка расширяется: таковыми становятся просторечие и общий жаргон, ими теснятся традиционные источники (народная и книжная речь).

Результатом этих изменений становится тенденция к **стилистической сниженности** публичной речи. Это не просто понижение уровня культуры речи, стилистически сниженные средства языка и речи обладают преимуществом употребления перед традиционно литературными.

Указанные процессы нуждаются в лингвистической интерпретации. В. Е. Гольдин и О. Б. Сиротинина выделяют разные типы речевой культуры. Л. П. Крысин говорит о толерантности современной нормы.

На наш взгляд, специфика современного языкового стандарта, состоит в том, что он представлен не единой системой, а двумя вариантами – 1) традиционным вариантом, продолжающим традиции классического русского литературного языка, и представляющим элитарную культуру; 2) новым вариантом, распространенным в публичной сфере массовой коммуникации, представляющим массовую культуру. Соответственно можно говорить и о двух типах нормы, которые получают кодификацию.

Прагматика научного текста

И. А. Скрипак

Ставропольский институт экономики и управления имени О. В. Казначеева

Научный текст, научный дискурс, прагматика, эффективность общения, диалогичность научного текста

Summary. The paper covers the problems of scientific discourse. Such essential characteristics of scientific text as pragmatics and dialoguesation are analyzed.

Как отмечает Г. В. Колшанский, любой текст прагматичен, так как он коммуникативен ([3, 139]). Текст неизбежно связан с проблемой его интерпретации, или понимания. Понимание текста требует от интерпретатора не только знания слов, значений слов и правил их употребления. Понимание текста теснейшим образом связано с целым рядом других явлений – «объемом» знаний интерпретатора (с так называемыми фоновыми знаниями), его установкой в процессе общения, ассоциациями и т. д. говорящий, «примеривая на себе», проектирует воздействие своего произведения на других людей, исходит из возможности и желательности взаимопонимания. Таким образом, лингвистический аспект этой проблемы, представленный в функциональной стилистике и культуре речи, основывается именно на значимости коммуникативной функции языка в процессах общения и предположении о возможности и необходимости взаимопонимания, а следовательно, и эффективности общения посредством языка. Во всяком случае, говорящий (пишущий) должен к этому стремиться, а главное – для этого имеются языковые (речевые) возможности. На постулате «эффективность общения» покоятся и такие прагматические понятия, как «принцип приоритета» и «фактор адресата». Лингвистические изыскания проблемы взаимопонимания, видимо, должны строиться на деятельностной основе в подходе к речемыслительным процессам (иными словами, текст – это понятие коммуникативное, ориентированное на выявление специфики определенного рода деятельности) ([4, 206]). Это показывает, что в научном дискурсе адекватность понима-

ния текста, взаимопонимание между автором и читателем (в их диалогических отношениях) вполне возможны.

Автор научного текста вправе предугадывать и ожидать, даже предупреждать реакцию адресата и «отвечать» на нее, учитывая ее в речевой ткани своего произведения, в которой, таким образом, и реализуется диалогичность. И для этого в историческом процессе развития функционально-стилистических возможностей языка складываются в течение длительного времени проверенные в отношении своей эффективности средства и способы выражения научного содержания, средства воздействия на читателя, акцентирования его внимания на определенных моментах текста ([2, 98]). Лингвистические исследования подтверждают, что научный текст, так же, как и любой другой, не лишен прагматики, поскольку автор научного произведения желает быть как можно лучше понятым читателем; если такая установка отсутствует, то нарушается вообще суть языкового общения. Следовательно, средства выразительности являются, прежде всего, и средствами прагматики. Диалогичность же письменной научной речи – это взаимодействие общающихся, понимаемое как учет адресата, отраженный в речи, а также эксплицитные в тексте признаки собственно диалога. Прагматика теснейшим образом переплетается с диалогичностью.

В аспекте лингвистического воплощения диалогизации вся организация речи, все языковые средства реализуют ее, осуществляя в то же время и прагматичность. В письменной речи ее адресат имплицитен, поэтому формируются специальные средства и способы выражения, сообщающие о ее

диалогичности, выступающие в функции диалогичности. Для научного дискурса они оказываются очень важными, так как призваны обеспечить адекватность интерпретации текста читателем. Автор научного текста все время имеет в виду читателя и ориентирует на него свою речь. Это непреложный закон языковой коммуникации, который еще раз подчеркивает организующую связь диалогичности, прагматики, экспрессивности, понимаемой в научной речи прежде всего как специфическое качество, способствующее наилучшей реализации прагматики (функциональная оправданность экспрессивности в научном стиле) (см. [1, 94]).

Научное мышление – это двусторонний акт, ученый имеет в виду постоянно читателя, он старается представить все его возражения, его аргументацию, он ведет мысленный диалог. «И это потому, что при написании научных текстов речь не является односторонней, адресат как бы разговаривает – пусть с обобщенным – собеседником, тем самым монологическая по форме речь приобретает признаки диалогичности, в сущности она лишь внешне монологична» [1, 124–139].

Адресат и его восприятие играют в научном дискурсе очень важную роль. Адресат вместе с автором строит текст, его восприятие является компонентом стилевой структуры. Композиционное место средств диалогичности определяется тем, что оно позволяет автору наиболее удачно развернуть тезис, раскрыть тему, осуществить движение повествования. Автор научного текста (НТ), если он хочет быть правильно понятым, ориентируется на определенный адресат речи не только в отборе языкового материала, но и прежде всего в построении речи (четкое членение текста на абзацы,

трансформация линейной последовательности изложения, использование экспрессивных средств и т. д.).

По законам связи языка и мышления признаки «диалогичности» обнаруживают себя во внешней речи. Особенно ярко это проявляется в синтаксической организации научного текста, для которого характерны вставные конструкции в соответствующих функциях, использование структуры простого предложения на фоне сложных, вопросно-ответный комплекс, использование стилистических возможностей порядка слов, проявление авторского «я», коммуникативная значимость метафорических высказываний, повторов, параллелированных конструкций.

Л. А. Киселева также отмечает, что прагматичность научного текста обычно носит имплицитный характер, но именно имплицитная прагматичность, придавая тексту объективистский характер, часто является наиболее действенным способом убеждения читателя в правомерности отстаиваемой точки зрения ([5, 157]).

Литература

1. Кожина М. Н. Диалогичность как категориальный признак письменного научного текста // *Стилистика научного текста (общие параметры)*. Ч. 2. Пермь, 1998. С. 124–195.
2. Кожина М. Н. О диалогичности письменной научной речи. Пермь, 1986.
3. Колянский Г. В. Коммуникативная функция и структура языка. М., 1984.
4. Сорокин Ю. С. Язык науки и литературный язык // *Художественное и научное творчество*. Л., 1972. С. 178–193.
5. Киселева Л. А. Вопросы теории речевого воздействия. Л., 1978.

Риторическая критика как теория анализа и оценки речи

В. В. Смоленцова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Почему речь одного оратора, будь то депутат Государственной Думы, проповедник в церкви или школьник, отвечающий на уроке, убедительна и эффективна, а другого – бледна и недействительна? Почему иногда предложения вполне успешных и умелых ораторов не находят отклика в душе и сознании их слушателей и не приводят к ожидаемым последствиям и поступкам? Как реалии и ценности нашего времени отражаются в выступлениях наших публичных деятелей? Можно ли из выступлений президента узнать, что он сказал, что он хотел сказать и чего он сказать не хотел, но проговорился?

Все эти вопросы (и не только они) рассматриваются в рамках риторической критики – филологической науки, анализирующей тексты риторических произведений и факты публичных выступлений с точки зрения замысла оратора, интересов аудитории и параметров социо-культурного и историко-политического контекста.

Зарождение и формирование риторической критики как дисциплины обычно связывают с выходом в свет статьи американского ученого Герберта Вичелнза «Литературная критика ораторских речей» в 1925 году, в которой он противопоставил риторическую критику критике литературной на том основании, что первая в отличие от второй руководствуется «не категориями прекрасного и вечного, а эффективностью» [1, 35]. С этого времени американские лингвисты и литературоведы стали разрабатывать специальные методы анализа и оценки публичных речей, отличные от методов литературной критики (только в XX веке их было сформулировано более шестидесяти).

Столь стремительное развитие этой дисциплины в США, очевидно, объясняется и высоким уровнем публичности, и тем, что именно в этой стране быстрее всего развивались информационные технологии и средства массовой манипуляции, которым призван противостоять риторический анализ. Стремительность и интенсивность развития этой дисциплины в Соединенных Штатах Америки, а также увеличение влияния этой страны на мировое сообщество в XX веке привели к тому, что работы по риторической критике стали появляться и в трудах европейских лингвистов, в том числе и русских. Однако стоит отметить, что задолго до того как риторическая критика была «завезена» в Россию из Америки, в отечественной филологии появлялись собственные глубокие и содержательные риторические анализы публичных выступлений выдающихся русских ораторов.

Одним из первых в России исследованием по риторической критике можно считать магистерскую диссертацию Юрия Самарина «Стефан Яворский и Феофан Прокопович как проповедники», написанную и успешно защищенную еще в 1844 году, и уже тогда во многом превосхитившую многие положения, выработанные американскими учеными в двадцатые годы XX столетия. Специфика аудитории, критерий эффективности, жанровая корректность, доминирующая роль личности ратора в публичном выступлении – вот лишь краткий перечень тех понятий, которые принято считать новаторской разработкой американской риторической критики начала XX века, тогда как русской филологической мыслью они были осознаны уже в первой половине XIX столетия в работах Юрия Самарина. И то, на что указывал Вичелнз в своей работе 1925 года, а именно, нетождественность произведения литературного и риторического в виду ориентированности последнего на сиюминутные потребности общества и установку на результативность, необходимость выработки особых методов критики ораторского произведения, было очевидным для Самарина в 1844 году: «В существенных свойствах красноречия и искусство далеко расходятся. <...> Ораторская речь есть плод не свободного творчества, но результат расчета» [2, 5, 11].

Публичная ораторская речь вновь оказалась предметом риторического анализа только тогда, когда произошла коренная реорганизация российской культуры и речевого устройства российского общества, а именно после революции 1917 года, когда ведущую роль в организации и во влиянии на сознание масс получает публичная ораторская, главным образом, пропагандистская речь. Это время ознаменовалось появлением плеяды выдающихся революционных ораторов, и в этом смысле первые годы советской власти оказались наиболее благоприятным периодом для развития риторической критики в России. Действительно, в 1924 году в первом номере журнала В. Маяковского «ЛЕФ» выходит целый ряд блистательных риторических анализов ораторской прозы В. И. Ленина. Среди авторов статей такие выдающиеся филологи, как В. Шкловский, Б. Эйхенбаум, Л. Якубинский, Ю. Тынянов, Б. Казанский. В двадцатые годы создается Институт живого слова и различные комиссии по изучению приемов ораторского мастерства выдающихся ораторов революции; к работе привлекались ведущие лингвисты, филологи, ораторы, специалисты по сценической

речи того времени: С. М. Бонди, В. Э. Мейерхольд, А. Ф. Кони, Л. В. Щерба, Н. А. Энгельгардт, Л. П. Якубинский, В. В. Виноградов, В. Гофман.

С конца тридцатых годов вплоть до времен перестройки в отечественной филологии количество работ, посвященных изучению ораторской прозы, резко сокращается. Только в семидесятые-восемидесятые годы отечественные лингвисты, разрабатывающие вопросы стилистики, начинают обращаться к ораторской прозе. Происходит вторичное сближение отечественной лингвистики с методами риторической критики; отечественные ученые – и здесь в первую очередь нужно упомянуть работы Ю. В. Рождественского и его учеников – начинают обращаться к опыту американской риторической критики. Однако довольно быстро становится очевидным, что прямое заимствование здесь недопустимо.

Так как же понимается предмет и задачи русской риторической критики сегодня? Некоторые аспекты здесь заимствуются из американской науки, некоторые переосмысливаются и модифицируются.

Всякий риторический анализ включает в себя описание, анализ, истолкование (интерпретацию) и оценку риторического произведения. Из всех задач критика оценка – самая важная, но и наиболее сложная, так как она предполагает сравнение с неким эталоном или соотносении речи с определенными критериями оценки. «Коротко говоря, для начала [критик] должен иметь стандарты, чтобы определить такую речь, на основе которой можно было бы провести сравнение» [3, 20]. Американская наука предлагает, главным образом, использовать критерии эффекта, правды, этики и красоты. В отечественной же науке все активнее использу-

ется понятие национального риторического идеала, разработанного А. К. Михальской, которая определила его как «принадлежность системы идеалов данного сообщества, ментальный образ, некий идеальный образец речи, причем речи не просто «приемлемой», «нормальной», «допустимой», которая описывается понятием нормы речи. <...> Это «образ прекрасной речи», существующий не только в сознании ратора, но и в сознании слушателя, короче, в голове любого носителя данной культуры. Это система наиболее общих ожиданий и требований к хорошей речи» [4, 54].

Выделение основных признаков национального риторического идеала позволит установить культурно значимые критерии оценки публичной речи и перейти от оценки речи, базирующейся на «системе наиболее общих ожиданий и требований к хорошей речи» к аргументированному научному анализу и оценке всякого риторического произведения и идей, в нем предложенных.

Литература

1. *Wichelns H. A. The Literary Criticism of Oratory // The Rhetorical Idiom. Essays in Rhetoric, Oratory, Language, and Drama. Presented to Herbert August Wichelns. With reprinting of His "Literary Criticism of Oratory" (1925) / Ed. by D. C. Bryant. Ithaca; New York, 1958.*
2. *Самарин Ю. Ф.* Стефан Яворский и Феофан Прокопович, как проповедники: Рассуждение, писанное на степень магистра философского факультета Юрием Самариным. М., 1844.
3. *Cathcart R. S. Post-communication critical analysis and evaluation. Los Angeles, 1966.*
4. *Михальская А. К.* Русский Сократ: лекции по сравнительно-исторической риторике. М., 1996.

Писательские идиолекты в русском языке: под интегралом Стиля и дифференциалом Дискурса

А. В. Степанов

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

1. С языком писателя в русском языке поколения учащихся знакомятся уже по учебникам грамматики, где писательскими предложениями традиционно иллюстрируются или подтверждаются ее значения и формы, правила пунктуации. Некоторые из таких предложений надолго, а то и на всю жизнь западают в *литературную* память учащегося.

Другое дело, знакомство с линзой, собирающей или рассеивающей семантические и экспрессивные лучи русского языка, – с *цельным* писательским *идиолектом*.

2. «Отчего в России мало авторских талантов?» – с карамзинских времен хрестоматийно известный вопрос.

По прошествии двух веков вопрос можно ставить иначе: «отчего в России много авторских идиолектов», понимая, что и «талант», и идиолект равно пребывают под ферулой (гончаровское слово) русского языка и под интегралом Стиля. Какого?

3. Все началось со Стилем, точнее сказать, все гарантировалось известным афоризмом: «стиль – это человек». Но в настоящее же время есть основания предполагать, что может сложиться другая, новая редакция афоризма, что-то вроде «человек – это дискурс» или «дискурс – это человек», причем здесь человек уже не в родовом его значении, а в индивидуальном (!), то есть в *речевом*: дискурс – *речь*, по афоризму В. Ключевского, расплавленное золото.

По каким ориентирам – через какие периоды и эпохи – проходила или проходит эта метаморфоза – *перекодировка* стиля в дискурс? Нам представляется, что уже в трагедиях А. П. Сумарокова семантическая антитеза *страсти – супружество* возвестила дискурс, а его «патриотические» перифразы *сын отечества* и *член русского народа* дополнили понятие, не поддающееся т. н. культурной идентификации.

4. В лингвистическом значении дискурс – *имя* плюс *дейксис* (местоименность). Так воспринимается постулат Достоевского: *слова и словечки* – как всеильное обаяние, будто читать его тексты следует выговаривая их про себя.

За дискурсом не надо забывать и *сказа* – традиционного литературного вместилища и *слов*, и *вещей*, тоже порой с трудом поддающихся культурной идентификации.

Но Стиль довлеет Дискурсу, и чему способствовал ряд факторов истории языка и литературы.

Это внутривидовая борьба по Дарвину (вспомним Анну Каренину: «вот мы и боремся»).

Это открытый к концу XIX века закон апперцепции (по Вундту).

Это понятие «языковой личности», на время реставрировавшее семантику константиноаксаковского перифраза: «природный носитель языка».

5. Вообще в судьбы писательских идиолектов вплетаются контаминации (смешения) стиля с дискурсом. Когда И. Бродский в одном из стихотворений трагически детерминировал «неэвклидову геометрию»: «не то чтобы здесь Лобачевского твердо блюдут», то в авторе угадывался демонстративно дискурсивный поэт XX века.

Изоляционной прокладкой между стилем и дискурсом являются слова-концепты, например, *правда* – концепт горьковского идиолекта (нач. XX века), *истина* – концепт леоновского идиолекта (конец XX века) и др. Вопрос только в том: прежде к языку или к литературе они относятся, поскольку в функции концептов могут выступать и слова просторечные, откровенно дискурсивные: «баско» у подлиповцев Решетникова, «тае» и «не тае» у толстовского («Власть тьмы») Акима.

Но именно так выглядит «песнь торжествующего» русского дискурса. Кстати сказать, Тургенев, автор этой «Песни...», находил для себя «поддержку и опору» именно в словах равно принадлежащих и русскому языку, и русскому народу – значит, в русском дискурсе.

6. Писательские идиолекты исполнены тайн. Чтобы сомкнуть нашу индивидуальную душу с их тайной, порой кажется достаточно нашего *подсознательного* чувства. Но чтобы *филологической* душе сомкнуться с тайной идиолекта, необходим тот корпус знаний и русского языка, и русской литературы, которым порой перекрывается официальная градация специальностей: лингвиста и литературоведа. Приходится сожалеть, будто миновала пора их, по выражению академика В. В. Виноградова, «совместных усилий», что так резко сузилась дорога к изучению языка и стиля – *идиолектов* писателей, всегда считавшихся *мастерами* русского языка.

Урбанолингвистика: проблемы и перспективы исследований**Е. Н. Степанов**

Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова (Украина)

Язык города, социоллингвистика, направления научных исследований

Summary. In the article the specificity and directions of urbanolinguistic researches is determined within the framework of modern sociolinguistics: language and ethnoses of city, language and dialect engagement in city, language and social roles of the townspeople, idioms of city in language space of the world, country, locale, language portrating of cities on different chronological stages, language of city in the literature and art.

Город как объект изучения интересует сегодня представителей многих научных направлений. Наибольших успехов в изучении феномена города достигли сегодня географы. В географии сложилось такое самостоятельное исследовательское направление с четко очерченным кругом проблем, как георурбанистика. Основой для наблюдений георурбанистов часто являются достижения экономистов, социологов, культурологов, историков. В последние десятилетия много внимания изучению города уделяют экологи, климатологи, биологи, социологи. Намного реже город становится объектом лингвистических исследований. Заметное место в разработке проблем урбанолингвистики занимают труды таких ученых, как Б. А. Ларин, В. В. Колесов, В. С. Елистратов, Т. И. Ерофеева, Л. А. Кудрявцева, Т. В. Шмелёва, Г. М. Мезенко, Н. П. Шумарова, Б. Вечоркевич, М. Грухманова, И. Зайферт-Наука, Б. Дунай, Дж. Дрейк, Л. Педерсон, Р. Макдевид, Е. Н. Степанов и некоторых других.

Сегодня в научных исследованиях известны и используются разные классификации и типологии городов: по времени образования; по количеству населения; по экономико-географическому состоянию; по народнохозяйственным функциям; по участию в территориальном разделении общественного труда; по генетическим признакам; по типам перспективного развития. Однако до сих пор не разработаны общие принципы лингвистической типологизации городов, сегодня не изучены лингвистические портреты абсолютного большинства городов. Рост интереса к изучению языковых проблем регионов в восточнославянской лингвистике конца XX – начала XXI в. обусловлен тенденциями центробежных политических процессов на постсоветском пространстве.

Современная политология, социология, демография не оставляют без внимания вопросы мировых этнополитических процессов. Однако материалы, публикуемые научными журналами и сборниками, в основном, анализируют и описывают этнополитические процессы в определенных странах и регионах. Научную же информацию о том, как реагирует этноязыковая ситуация конкретного населенного пункта на те или иные цивилизационные и политические процессы в мире или его регионах, встречаем нечасто.

Общезвестно, что развитые языки мира обогащаются сегодня, в основном, благодаря цивилизационным процессам, происходящим в городах и подчиненным прежде всего городской жизни. В середине XX в. Б. Л. Пастернак определил четкую обусловленность смены литературного и языкового стилей конца XIX – начала XX в. социальными преобразованиями, связанными с процессами урбанизации новейшего времени: «Хаотичное перечисление вещей и понятий, которые, на первый взгляд, несовместимы и поставлены одно с другим рядом как бы произвольно, у символистов, Бло-

ка, Верхарна и Цитмана, совсем не являются стилистической причудой. Это новый строй впечатлений, который подмечен в жизни и списан с натуры. Так же, как гонят они вереницу образов своими строчками, плывет сама и гонит рядом с нами свои толпы, кареты и экипажи деловая городская улица конца девятнадцатого века, а потом, в начале следующего века, вагоны своих городских, электрических и подземных дорог. В этих условиях неоткуда взяться пастушеской простоте. <...> Живой язык, наспех сложенный и естественно отвечающий духу современности, – язык урбанизма» («Доктор Живаго»).

В мировой лингвистической науке все же есть определенный опыт в изучении проблем языковой жизни города. Этот опыт дает возможность выявить специфику и определить направления современных урбанолингвистических исследований. Этим направлений много. Их выбор исследователем зависит от конкретных потребностей, заинтересованностей, возможностей, наличия материала, от научных вкусов и привязанностей. Несмотря на разнообразие, все эти направления можно определенным образом сгруппировать, например, так:

- языковое и диалектное контактирование в городе;
- языковая практика и социальные роли горожан;
- язык города в мировом цивилизационном процессе;
- язык города и политические процессы;
- идиомы города и их место в языковом пространстве мира, страны, региона;
- языковое портретирование городов на определенных хронологических срезах (в том числе перспективное);
- язык города и его роль в литературе и искусстве.

Урбанолингвистика достойна изучения в отдельном спецкурсе или даже курсе. На примере нескольких городов – большого и малого; одноязычного, двуязычного и многоязычного; автохтонного и колониального; столичного и провинциального; монофункционального и полифункционального; промышленного, сельскохозяйственного, военизированного и курортного; континентального и приморского; внутреннего и приграничного; материкового и островного; приполярного, расположенного в зоне умеренного климата, субтропического, тропического и т. д. – в этом курсе следовало бы показать отличия в формировании языковых картин мира жителей этих городов, а также отличия в языковых картинах мира горожан, сельских жителей и маргиналов. Разумеется, каждое теоретическое положение урбанолингвистики должно подтверждаться данными широкого комплекса эмпирических наблюдений. Указанные же направления научных исследований в русском языкознании разрабатываются бессистемно. А здесь много работы и для ученого, и для студента.

Речевая культура офицера как проблема военного образования**Е. Н. Тарасова**

Военная академия войсковой ПВО ВС РФ, Смоленск

Военное образование, русский язык и культура речи, языковая личность

Summary. These theses deal with the problem concerning the place of «The Russian Language and the Culture of Speech» as a subject for choice at the non-linguistic educational institutions (namely at the military education institutions).

Многие исследователи отмечают падение речевой культуры носителей русского языка в наши дни, привыкание к низкой культуре речи окружающих, снижение требовательности к чужой и своей речи. Вызывает беспокойство, что эти тенденции проникают в учительскую среду.

На фоне таких настораживающих выводов оптимистично выглядят отзывы курсантов IV курса Военной академии ВПВО ВС РФ о впервые проведенном в 2004–2005 учебном

году цикле занятий по русскому языку и культуре речи. В учебном плане обучения курсантов Военной академии «Русский язык и культура речи» отсутствует как самостоятельная дисциплина, для ее изучения выделено 30 часов в рамках предмета «Культурология». Такое отношение к названному курсу в вузе, помимо недооценки его важности, связано со статусом дисциплины по выбору. Между тем речь – это главный инструмент взаимодействия офицера с

подчиненными, обучения и воспитания личного состава, управления на всех уровнях.

Широко распространено мнение, согласно которому курсанты военных вузов отрицательно относятся к изучению гуманитарных дисциплин вообще и русского языка в частности. Тем более было интересно узнать из первых уст о том, что будущие офицеры не только считают этот курс полезным и интересным, но и ратуют за увеличение количества часов на его изучение.

Будущим офицерам, подтвердившим свое желание знать родной язык и владеть им на высоком уровне, неизвестно, что кафедры русского языка не имеют полномочий влиять на объем и продолжительность курса. Решение принимает администрация вуза, руководствуясь государственным образовательным стандартом, где «Русскому языку и культуре речи» определено место дисциплины по выбору.

Преподаватели-русисты, понимая ошибочность такого положения, несправедливого по отношению к государственному языку Российской Федерации, поднимают вопрос об обязательности дисциплины, требуют государственного подхода к решению государственного вопроса. Но реальность сегодняшнего дня такова, что в негуманитарных вузах на изучение «Русского языка и культуры речи» в среднем отводится не более 34 часов.

Существует много программ данного курса – творческих, интересных. Но ни одна из них не может обеспечить решение главной задачи – формирования знаний по предмету, необходимых для развития практических навыков и умений. И связано это с тем, что отведенный объем учебного времени не позволяет ввести систематический курс. При таких условиях курс может носить чисто ознакомительный характер. Обучаемые за короткий отрезок времени способны лишь принять к сведению определенную информацию. Получаемая информация не превращается в знания, тем более – в практические умения и, следовательно, не оказывает влияния на языковую личность. Задача повышения общего уровня владения культурой речи и уровня владения профессиональной речью в рамках ознакомительного курса решена быть не может.

В основу курса «Русского языка и культуры речи», введенного в Военной академии ВПВО ВС РФ в 2004 году, положен нормативный аспект. Отношение к такому подходу среди преподавателей-русистов неоднозначно. Одни отрицательно оценивают его как тренинг по нормам, по выработке навыков использования тех или иных готовых форм в той или иной ситуации общения. Другие считают, что владеть русским языком значит прежде всего владеть его нормами. Это фундамент культуры речи, та основа от которой мы должны отталкиваться. Мы придерживаемся второй точки зрения. Диагностирующий тест, проведенный с курсантами в рамках Дня грамотности перед началом обучения дисциплине, подтвердил правильность нашего выбора. Практика показывает, что для всех категорий военнослужащих – курсантов, слушателей, офицеров – характерно недостаточное владение нормами русского литературного языка.

Раздел, посвященный нормам русского литературного языка, должен занять свое место в целостном, проблемно

ориентированном курсе «Русского языка и культуры речи», где выработка нормативных навыков сочетается с решением задач эффективного общения в сферах устной и письменной речи. Но вначале должен быть решен вопрос об изменении статуса дисциплины и увеличения количества часов на ее изучение.

В рамках ознакомительного курса не может быть достигнута и более значимая цель – воспитание языковой личности. Между тем в свете концепции реформирования Вооруженных сил Российской Федерации вновь становится востребованным офицер – не только квалифицированный специалист, но и гражданин страны, высококультурный человек. Великие полководцы прошлого недаром говорили: «Каковы офицеры, такова и армия». Если страна нуждается в новой, реформированной армии, то в первую очередь должен быть подготовлен и воспитан представитель этой армии – офицер. В воспитании любой личности (в том числе личности военного человека) родной язык играет огромную роль. Более чем трехсотлетняя история военного образования в России свидетельствует о том, что в первых военных школах духовно-нравственному развитию личности офицера уделялось большое внимание.

Возрождение средствами языка национального самосознания, формирование речевого военного идеала на основе изучения национальной речевой традиции – одна из важнейших задач дисциплины «Русский язык и культура речи», военной риторики. Ее актуальность все больше осознается в среде профессиональных военных.

В условиях нарастающего кризиса духовности и национальной самоидентификации молодежи, слабого знания родного языка, традиций своего народа необходимо самое серьезное внимание уделять культурно-ценностной ориентации личности (в том числе личности военного человека). «Русский язык и культура речи» – один из тех предметов, который способен выполнить эту задачу (при условии, если ему будет отведено достойное место в программе обучения), так как язык является важнейшим личностнообразующим фактором.

С другой стороны, сам язык – зеркальное отражение личности: «Язык все, – писал И. А. Гончаров. – Язык не есть только говор, речь; язык есть образ всего внутреннего человека: его ума, того, что называется сердцем, он выразитель воспитания, всех сил умственных и нравственных». [Гончаров 1977]. Если с этих позиций посмотреть на воинские подразделения курсантов и слушателей, на офицеров, командующих этими подразделениями, то увидим печальную картину: сплошь и рядом слышится брань, редкий человек в погонах не использует в своей речи ненормативную лексику. Этот факт тем более печален, если вспомнить о том вкладе, который внесли российские офицеры в развитие отечественной культуры.

Очевидно, что русский язык нуждается в защите, повышении его роли и авторитета во всех сферах общественной жизни, в системе образования всех уровней. Один из путей решения отечественной проблемы – повышение статуса предмета «Русский язык и культура речи» путем включения его в число обязательных дисциплин.

Стилистические средства выражения категории градуальности

С. А. Тихомиров

Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсевьева, Саранск

Стилистические средства выражения категории градуальности в современном русском языке имеют синтагматические, структурные и семантические особенности. Особый интерес представляет гипербола, которая позволяет создавать в тексте ситуации, способные отобразить как эмоциональный, так и рациональный аспект человека, события, и утвердить его «сверхнормативное» бытие, а также проблема ее стилистической валентности. Градуальные отношения со смежным значением преувеличения (гиперболичности) относятся к числу языковых универсалий и охватывают определенную часть системы языка; их конкретизация в языковых формах обусловлена психофизическими особенностями человеческого мышления.

В настоящем докладе мы предпримем попытку исследования специфики стилистической валентности гиперболы,

способности образовывать синкретические конструкции, обладающие градуальной семантикой, которые вовлекаются в коммуникативное и ценностное взаимодействие в структуре художественного текста; анализа взаимодействия гиперболы с метафорой, сравнением, эпитетом, антитезой, каламбуром и др.

Гипербола в современном русском языке понимается нами как стилистический прием явного и намеренного преувеличения, имеющего целью усиление выразительности, модифицирующий градус меры и степени – и реализующий категорию градуальности.

Зона синкретизма метафоры и гиперболы порождает более яркий, тонкий, острый смысл художественного текста, раскрывая реалию под иным углом зрения, создает многочисленные коннотации.

Синкретизм гиперболического и метафорического образов приводит к увеличению функциональной валентности стилистического приема.

Взаимодействие гиперболы и олицетворения происходит путем уподобления неживого объекта живому, при этом осуществляется обогащение значения.

Во взаимодействии гиперболы и метонимии реализуется механизм «замены явления» другим явлением, смежным по значению, что делает гиперболу более яркой, выразительной, вводит в ее структуру элемент словесной игры. Перенесение содержимого на содержащее дополняет и расширяет образную семантику гиперболы.

В гиперболическом сравнении выражается и обычная для сравнения образная функция и одновременно дополнительная функция преувеличения признака сравниваемого предмета. В параллельном изображении двух явлений форма отрицания является одновременно и способом сопоставления. Гиперболические сравнения реализуются в форме простых предложений с составным именным сказуемым и со словами подобия *вроде, равны / равно, подобно, как, словно, точно, как будто*.

С помощью гиперболических сравнений выражены предельная мера действия, состояния, качества, степень силы признака, степень качества, степень проявления состояния.

В современном русском языке гиперболический эпитет выражается именем прилагательным, наречием, именем числительным, глаголом, именем существительным. Эпитеты приобретают гиперболический характер, когда употребляются в качестве определений к словам, с которыми в плане обычных логических ассоциаций сочетаться не могут. Эффект смысловой исключительности создается в результате объединения в смысловое целое далеких и несовместимых по значению слов. Крайней степенью проявления признака характеризуются в поэтических произведениях гиперболические эпитеты с приставкой *без-* в значении «отсутствия». Гиперболические эпитеты *вечный, вековой* обозначают временной признак, не имеющий точно очерченных границ, указывают на неограниченную длительность явлений и выступают в мерительном значении «очень долгий». Гиперболические эпитеты обладают особой художественной выразительностью, существенно расширяют «границы» образа.

Повтором гиперболических средств актуализируется градусность, происходит концентрация значений повторяющихся элементов. Лексические средства гиперболизации иногда дистантно многократно повторяются. Отмечено использование повтора в рамках окказионального словообразования. Впечатление от гиперболического рефрена усиливается особым ритмико-синтаксическим строением (часто – анафорой).

Гротескная гипербола усиливает значение преувеличения, обогащая его семантикой ирреальности. Гротескная гипербола реализует семантику ирреальности в структуре синкретичного стилистического приема. Продуктивна каламбур-

ная гипербола, возникающая при рефразировании широко известных выражений: *Покупаю модный блейзер, / восемь кнопочек на нем. / Нажму кнопку – кто-то трезвый / говорит во мне: «Прием. / Абонент не отвечает или временно не доступен / звону злата. И мысли, и дела он знает наперед...»* (А. Вознесенский). Контрастность возникает из сопоставления этого текста с текстом исходным (М. Лермонтов «Смерть поэта»), разительно отличающимся по смыслу. К ним относятся речевые «переделки» пословиц и поговорок, известных стихов, песен: *С мылом – рай в шалаше, если милый атташе* (С. Трофимов); *С мылом – рай в шалаше* («С мылом – рай в шалаше»); *«Капитализм – это не советская власть / плюс мобелизация всей страны»* (ср. с советским лозунгом «Коммунизм – это советская власть плюс электрификация всей страны!») / *Черный мобель, черный мобель / над мою головой, / нового сознания модуль, / черный мобель, я не твой!* (ср.: русская народная песня «Черный ворон») (А. Вознесенский).

Каламбур становится выразительнее, если обыгрываются гиперболические свойства или качества.

Взаимодействие гиперболы и антитезы направлено на создание эффекта преувеличения двух явлений в их противоположности. Автор преувеличивает до предельной степени крайние грани одного явления, что способствует раскрытию его масштабности. Наиболее часто используется гиперболические антитезы: *рай – ад, зарабатывать денег – отъем денег, нестяжательство – нажива, огонь – холод*. В гиперболической антитезе используются как антонимы общенародного языка, так авторские: *...не меняй простых пороков / На образованный разврат* (А. Пушкин); *У них не кисти, / А кистени. / Семь городов, антихристы, / Задумали они*. (А. Вознесенский). Взаимодействие гиперболы и антитезы позволяет более контрастно, насыщенно, ярко отобразить явление действительности, передать глубину психологических переживаний.

Продуктивна оппозиция «гипербола (преувеличение большого) – антигипербола (преувеличение малого)». По степени освоенности языком гипербола и литота могут быть общеязыковыми и индивидуально-авторскими: *В сто сорок солнц закат пылал...* (В. Маяковский); *Земля пуста, как орех* (явление контаминации: особое сравнение + гипербола) (А. Вознесенский); *фигурка оленя на гольце сделалась уже с комарика ветчиной* (В. Астафьев).

Описание и изучение зоны синкретизма гиперболы (ее взаимодействия с другими стилистическими приемами) как средства выражения градуальной семантики в рамках семантически-структурно-функциональной системности позволяет выделить структурные разновидности каждого вида явлений подобного синкретизма, установить особенности взаимодействия стилистических приемов в структуре текста любой функциональной разновидности, прийти к общей системной классификации гиперболы в градуальном аспекте.

Риторические фигуры и типы повествования

И. В. Труфанова

Московский городской педагогический университет

Речевой жанр, риторическая фигура, тип повествования, речевая стратегия, речевая тактика

Summary. Many phenomena concern to rhetorical figures, represent actually speech genres or the speech tactics used as obligatory components of narration, as types of a narration.

В словарях тропов и риторических фигур помещены различные явления. Среди так называемых «неспециально характеризованных фигур» (Хазагеров, Ширина) некоторые представляют собой *речевые жанры*, используемые в сказе.

Аддубитация (дубитация, апория) – выражение сомнения, раздумья. **Экспозиция** – добавление слов, фраз, предложений для более подробного, образного пояснения уже сказанного. **Эвхаристия** – благодарность богам, судьбе. **Ара** – проклятие, мольба о наказании (импрекация). **Апофонема** – моральное поучение в форме антитезы. **Антисагога (компенсация, рекомпенсация)** – похвала добродетели и осуждение порока. **Адмирация** – воспроизведение восхищенной, удивленной, приподнятой речи. **Апофонема** и **антисагога** – пересекающиеся, если вообще не тождественные, понятия. Непонятно, почему не включены в состав «неспециально характеризованных фигур» **риториче-**

ский вопрос (эротема), исправление (коррекция), гипофора (эпилемма), кверимония – жалоба, упреки Богу, богам, властям.

Еще больше такого рода фигур в словаре (Романова, Филиппов), хотя авторы не квалифицируют их как нехарактеризованные. К ним относятся следующие. **Апострофа** – обращение к Богу, умершим, отвлеченным понятиям, явлениям природы, к читателям / слушателям. **Апория** – фигура сомнения, затруднения, прерывание речи вследствие сомнений и размышлений как умышленная их демонстрация (**дубитация, диапорезис**). **Антипротасис** – приступ к опровержению, выражаемый в форме вопроса. **Ассимиляция₂** – притворное испытывание затруднений в речи, притворное колебание сказать что-то, сделать признание. **Апофаза₂** – отказ от того, что человек только что говорил. **Антипофора (объекция, эпилема, антиципация)** – формулирование

возможных возражений и их опровержение заранее. **Анамнез** – оговорка вспоминающего то, что было забыто. **Гипотипоз (экспланация)** – живое описание, словесное изображение предмета, события так, чтобы слушатели представили его в своем воображении. **Замословие** – выражение своих мыслей посредством включения их в воображаемую чужую речь. **Сустентация** – задержка в середине фразы, высказанная с целью вызвать у слушателей догадки, сомнения относительно продолжения и затем дать неожиданное продолжение наконец. **Интеррогация** – фигура обращения с вопросами к аудитории. **Кондупликация** – повторение части высказывания в его конце с целью подчеркнуть значенные части. **Коммуникация (прозопопея, субъекция)** – фигура обращения к слушателям как бы с приглашением принять участие в обсуждении вопроса. **Метабаза₁** – резкий переход к другой теме (**метаксиполия**). **Метабаза₂** – возвращение к теме, от которой внезапно ушли в сторону. **Оптация** – выражение горячего желания. **Присоединительный вопрос** Вы поддерживаете меня, не правда ли? **Периболь** – витиеватые украшения речи; маркирование мыслей, затемнение речи. **Периплока** – ловкое прикрытие словами настоящего смысла речи. **Эпекзегезис** – добавление к предыдущему слову, фразе для более ясного выражения содержания или для эмфазы, объяснительное расширение уже законченного высказывания. **Эпанортоз₁** – припоминание, поиск слова, чтобы найти более точное или строгое обозначение. **Эпанортоз₂** – умышленное называние явления вначале одним определенным словом, чтобы затем «исправиться», назвав его другим словом, обратив внимание на несоответствие данного явления первому его обозначению. **Эмфазис** – эмоционально-выразительная фраза, заключающая в себе больший смысл, чем смысл составляющих ее слов. **Филиппика** – сильная, страстная негодующая речь против кого-либо, отдельные выпады такого рода. **Эпифонема** – восклицательное предложение или разительное порицание, суммирующее или заканчивающее речь или речевой отрезок. **Харизмизм** – тонкая ирония, отрицательная оценка чего-либо неприятного в приятных выражениях, кроткий, но язвительный ответ на обидное замечание. **Хлеазм** – вид иронии, осмеяние, притворное самоосуждение, но в такой форме, чтобы изобразить себя лучше. **Эпилексия** – пылкий упрек за несправедливость. При этом очевидно, что **апострофа, интеррогация, коммуникация** – пересекающиеся понятия, а также **приболь** и **анория** и **периплока₂** и **ассимиляция₂** – тождественные. Тождественными понятиями с **эмфазой** являются **иннуендо** и **импликация**.

Кроме перечисленных, встречающихся в любом типе сказа, следующие риторические фигуры используются как речевые маски сказителя / рассказчика определенного социального слоя, носителя определенной межличностной роли. **Супербилоквенция** – высокомерная речь. **Рацея** – назидательная, высокомерная речь, длинное наставление. **Рамплиссаж** – длинноты, «вода». **Парентирс** – произнесение

ложно воодушевленных речей. **Родомонтада** – речь хвастуна. **Метабаза₃** – фигура повторения мысли в других словах. **Логодиаррея** – непомерная болтливость, быстрая и затяжная речь кого-либо, пустословие, бессмысленные словесные построения. **Дигрессия** – часть речи, в которой автор отдалается от темы, чтобы рассказать анекдот, воспоминание с намерением переменить скучную тему или заставить слушателя томиться ожиданием продолжения интересующей его темы. **Инвектива** – резкое обличение, осмеяние какого-либо лица или группы лиц, речь, полная выпадов. **Диатриба** – резкая, желчная критика. **Бомбаст (ампула, перьергия)** – высокие фразы на тривиальные или пустяковые темы. **Балагурство** – составление в разговорной речи рифмованных юмористических обыгрываний темы, использование прибауток, шуток. **Антидигезис** – представление рассказа противника в ином виде. **Депрекация** – выражение эмоциональной мольбы к человеку подчас торжественным тоном или с проклятиями. При этом **супербилоквенция** и **рацея** – пересекающиеся понятия, **рамплиссаж** и **логодиаррея** тоже.

С другой стороны, среди «неспециально характеризованных риторических фигур **катаглогсия** – употребление изысканных выражений – создает одну из разновидностей несобственно-авторского повествования и является *речевой тактикой*. **Указание** – словесная стимуляция мысленного наглядного представления описываемого предмета, явления (указательными частицами, глаголами восприятия и др.) – используется как конституирующее средство одного из видов несобственно-авторского повествования или несобственно-прямой речи и в последней представляет собой *речевое действие*. **Включение в описание образа наблюдателя** – художественный прием усиления выразительности описываемой картины путем введения в нее свидетеля, реагирующего зрителя – характерно для безличного (нейтрального) типа повествования и принадлежит к *речевым тактикам*.

Одни и те же явления обозначены в современных словарях по риторике разными терминами. **Эпанортоза** – фигура уточнения, состоящая в самопоправке (Москвин) – и **исправление (коррекция)** (Хазагеров, Ширина) – и **эксзегезис** (Романова, Филиппов). **Остраннение** – изображение вещи как первый раз увиденной (Москвин) – и **указание** (Романова, Филиппов). **Гипотипоз (гипотипозис)** – фигура, посредством которой события представляются как происходящие перед взором автора, предполагает активное использование настоящего исторического, нередко сопровождается фигурой указания (Москвин) и другое значение этого термина и включение в описание образа наблюдателя (Романова, Филиппов). **Паренезис** – увещательная речь (Романова, Филиппов) и **апофонема, адхортация** (Хазагеров, Ширина).

Похоже, настоящее время – это в риторике период «мозговой атаки», когда из «запасников» «вызывается» максимальное количество терминов, когда-либо кем-либо предлагаемых, ничто не подвергается критике и не отбрасывается.

Новое и псевдоновое в русскоязычной интернет-коммуникации

У Баоянь

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Неофициальное межличностное общение, русское коммуникативное поведение, мультикультурность

Summary. Nowadays the problem of Internet, and many linguistic, psychological, philosophical, sociological questions linked with the Internet, attract much interest and are intensively researched. However, one must admit that problems still remain unresolved, and we are going to devote this report to one of them, namely, to some problems of the linguistic theory applied for Internet-researches. Our research of Internet-blogs and the ways of communication within it convinced us in the existence of new and pseudo-new linguistic phenomena in non-formal interpersonal virtual communication, in particular in I-blogs.

В докладе рассматриваются некоторые существенные лакуны в теории и практике лингвистического анализа текстов в Интернете, представляющих сферу неформального межличностного общения на русском языке.

На сегодняшний день существует много серьезных исследований Интернета: лингвистических (Г. Н. Трофимова, Л. Ю. Иванов, М. Б. Бергельсон), психологических (В. Нестеров, А. Жичкина, А. Е. Войскунский, Ф. Смирнов), филологических (В. П. Терин, М. Хайм) и социологических (В. А. Михайлов, С. В. Михайлов).

Несмотря на то, что в этой области сделано достаточно ценных наблюдений и обобщений, мы обратим внимание на

некоторые пробелы в лингвистической теории, применяемой для этих исследований, которые приводят к искажениям в интерпретации материалов Интернета. Изучение текстов интернет-дневников (ИД) и общения в ИД убедило нас, что в межличностном общении в виртуальной коммуникации, в частности ИД, надо учитывать следующее.

1. Интернет интернационален, но это не значит, что он полностью стирает национальные коммуникативные черты. М. Маклюэн, канадский философ и культуролог, ввел понятие «глобальная деревня» и утверждал еще до появления Интернета, что «Земной шар, обвязанный электричеством, не больше деревни». По словам В. П. Терина, «под глобаль-

ной деревянной имеет вид в виду все современное общество как оно воспроизводится с помощью «электрических» средств общения (телевидения, радио, кино, телекоммуникаций). Изо дня в день вступая в связь друг с другом через их посредство, люди рассуждают и поступают так, как если бы они были совсем рядом, как если бы они жили в одной деревне. Они вольно или невольно все основательнее влезают в жизнь друг друга, рассуждая при этом обо всем, что им приходится видеть и слышать» [1].

Кроме того, Интернет во многом анонимен, там общаются виртуальные личности. Человек, который живет в Новосибирске, может указать в личном профиле как место жительства любой город, который ему хочется, даже зарубежный. Но это не значит, что в интернет-общении нет национальных коммуникативных особенностей.

В русской лингвистике известны работы И. А. Стернина («О понятии коммуникативного поведения» и др.), книги Н. И. Формановской о русском речевом этикете, существуют также работы Ю. С. Степанова, А. Д. Шмелева и других исследователей, рассматривающих «ключевые идеи русской языковой картины мира». Однако лингвисты, психологи, социологи и философы, которые изучают интернет-коммуникацию, мало используют эти работы. В связи с этим мы хотим подчеркнуть, что в русистике уже есть теоретическая база для изучения национальной специфики Рунета и необходимо учитывать национальную коммуникативную манеру, особенности русского этикета и русской языковой картины мира в анализе интернет-коммуникации.

2. Современное общество существует и развивается в эпоху мультикультуальности. Учет этого фактора является очень важным элементом для изучения интернет-общения. В советское время культура народа была официально едина, люди читали одни и те же книги, смотрели одни и те же фильмы, слушали одинаковые радиопрограммы, идеология у всех членов лингвокультурной общности была единообразна. Теперь же появляется гораздо больше выбора, мультикультурализм постепенно становится главенствующей и неизбежной тенденцией. Вследствие этого растет непонимание и появляются различия в языке между поколениями и разными группами коммуникантов. Большой языковой и культурный разрыв между теми, кто пишет в Интернете и кто пишет о Интернете, ощущают мешающим последним объективно интерпретировать текстовый материал.

Г. Н. Трофимова в обширной монографии, посвященной языку Рунета, отмечает, что его пользователи являются культурной элитой страны. «Приступая к изучению русского языка в “сетях” Рунета мы должны разобраться и в том, кто, собственно, определяет здесь языковую политику. Прежде всего, это люди, на сегодняшний день имеющие доступ в Интернет, который отнюдь пока еще не стал общепринятым и демократичным. Согласно последним статистическим данным, контингент постоянных потребителей Интернета состоит из нескольких групп: с одной стороны, это ученые, преподаватели и студенты российских вузов, то есть в **некотором роде интеллектуальная элита общества**, а с другой – **представители хорошо обеспеченного слоя общества**, являющегося крайне разнородным по образовательному и культурному уровню, в том числе, и по уровню владения русским литературным языком. Третья группа – это журналисты, работающие в Интернете. Соответственно, и язык в Рунете отражает специфику каждой из этих групп» [4].

На самом деле, как показывают социальные опросы, не очень грамотные подростки, молодежь или средний класс составляют основную часть «виртуальщиков». Можно констатировать, что неформальное межличностное общение в Интернете, например, интернет-дневники, форумы, чаты (здесь мы не говорим о сайтах средств массовой информации или о тех сайтах, где проходит научное общение) прежде всего представляет собой общение далеко не элитного слоя общества, плохо владеющего русским литературным языком.

Мы, вышедшие из юного возраста лингвисты-исследователи Интернета, не очень хорошо разбираемся в культурных феноменах, которые коренятся в голове у молодых пользователей Интернета. Так, мы плохо знаем компьютерные игры, ролевые игры, которые порождают массу жаргона и сленга, не знаем героев и идеологов киберкультуры. Необходимо упомянуть о «падонках», которые пишут вопиюще неграмотно не бессознательно. У них есть своя идеология. Изначально их лидеры выступили против компьютерной грамотности, компьютерной проверки правописания. По словам М. Ю. Сидоровой, «падонки», гордо именующие себя «контркультурными деятелями» и людьми, «способными абстрагироваться от социальных норм и правил (морально-этических и т. д.), в каких бы то ни было проявлениях своей воли» представляют в силу своей агрессивности и организованности особо опасное контркультурное течение в Рунете. «Это группы, сознательно посвящающие себя созданию текстов, демонстративно нарушающих языковые и моральные запреты» [3, 34]. Чтобы бороться с демонстративным, сознательным нарушением языковых норм, надо отличать его от бессознательной неграмотности, от «передачи произношения на письме», от языковой игры. Обобщенно говоря, в Интернете нет единственного языкового и культурного пространства и нет единого языкового и культурного пространства у завсегдатаев Сети и их исследователей.

3. Не все новые языковые явления, которые появляются в Интернете, порождены Интернетом. Интернет часто просто выступает как зеркало активных процессов в языке. Для многих из регистрируемых языковых новшеств он является катализатором, но не источником. Так, Г. Н. Трофимова в своей книге описывает много актуальных языковых явлений, характеризуя их как черты языка Интернета, а не вообще русского языка нашей эпохи [2]. Однако эти активные процессы заимствования, морфологии, словообразования и т. д. в Сети просто представлены в печатном виде, поэтому они более очевидны. Наша задача состоит в том, чтобы четко определить границы и сферы возникновения и распространения этих новых языковых явлений, отличить новое, обязанное своим появлением именно сетевой коммуникации, от псевдонового и нового, лишь зафиксированного, отраженного в Сети.

Литература

1. Терин В. П. Исследования средств информации. <http://www.mgimo.ru/kf/MEDIA/ms02/index.htm>.
2. Трофимова Г. Н. Языковой вкус Интернет-эпохи в России 2004 <http://www.gramota.ru/>.
3. Сидорова М. Ю. Интернет-лингвистика: русский язык. Ч. 1. Межличностное общение. М., 2006.
4. Трофимова Г. Н. К вопросу о специфике функционирования русского языка в Интернете (норма и узус). http://www.dialog-21.ru/Archive/2001/volume1/1_39.htm.

Декларативная риторика как вызов культуре

Г. Г. Хазагеро

Московский городской педагогический университет

1. Существует определенное критическое соотношение между объемом речей, толерантных по отношению к аналитическому мышлению и познанию нового, и объемом речей, агрессивно направленных на подавление аналитических и познавательных способностей человека (по замыслу – адресата, а по факту – и самого адресанта речи). Когда в публичном пространстве нарушается баланс этих речей, в языке и обществе инициируются инволюционные процессы. Представления о прагматике, о чем мне не раз приходилось писать, должно включать не только узкие ком-

муникативные цели говорящего, но и общую заботу о коммуникативном пространстве как таковом (дальняя прагматика говорящих).

2. Под декларативной риторикой будем понимать стратегию речевого воздействия, минуя убеждение (аргументацию) и делающую ставку на непосредственное проникновение в когнитивные структуры реципиента с целью формирования наиболее благоприятной для адресанта ментальной карты. Такая практика находит иногда и теоретическое оправдание в рамках неориторки.

3. В логике той риторической парадигмы, которую предложил Аристотель и которая зиждилась на категории правдоподобия (логический или риторический силлогизм) и принципе разъяснения предмета речи (ясность как главное качество речи), декларативной риторике отводилось место лишь в рамках торжественного (показательного) красноречия. Наследники торжественного красноречия – от проповедей и поучения до психотерапевтической беседы являются законными преемниками декларативной риторики, широко пользующейся этическими или иными аксиомами и тяготеющей к самопровозглашению, зачастую достигаемому обычной итеративности канонических формул. В судебном же и совещательном красноречии ее использование ненормально и ведет к отрицательным культурным последствиям.

4. Именно так устроена тоталитарная риторика: вместо того, чтобы доказывать что-то, опираясь на аксиомы, эта риторика с помощью «новояза» меняла сами аксиомы, т. е. приобретала декларативный характер. Логическая уловка, обозначенная в классической риторике как *reticō principii*, а на языке Чехова называемая «этого не может быть, потому что этого не может быть никогда», стала ведущей стратегией риторик тоталитарных режимов. Если изначально работодатель называется «эксплуататором», то факт эксплуатации уже не будет нуждаться в доказательстве. Подобным же образом в фашистской Германии евреи сравнивались с крысами.

5. На первый взгляд, декларативная риторика вооружает говорящего неограниченными возможностями или, точнее, возможностями, ограниченными факторами не языкового характера, такими, как эфирное время, административный ресурс и прочее. Но рассмотрим ситуацию в динамике. Декларативная риторика, агрессивно притязаящая на проникновение в когнитивные структуры реципиента, со временем стала не только достоянием тоталитарных систем. Коммерческая реклама повсеместно пользуется не аргументацией, а приемами манипулятивного воздействия, создавая локальные «новоязы» с помощью слоганов и клипов. Итеративность становится в ней главным и единственным аргументом. В результате приемы декларативной риторики быстро инфлируют, теряют свою воздействующую силу.

6. Речь идет не об обычном снижении экспрессии при превращении какого-то речевого приема в штамп, как это было показано В. Г. Костомаровым еще в семидесятые годы. Речь идет о тотальном недоверии реципиентов общественной речи к «лингвистике лжи», низводящему декларативную риторическую до игрового уровня. Происходит виртуализация декларативной риторики. Возникает своеобразный эффект «Сказки о рыбаке и рыбке», когда все возвращается на круги свои и шоу воспринимается именно как шоу, а не как руководство к действию.

Телевизионные миры, будь то потребительский рай или политический театр, все в меньшей степени служат прямым руководством к повседневным действиям. Декларативная риторика загоняет сама себя в виртуальное пространство.

7. Но при снижающейся эффективности декларативной риторики вред, наносимый ей культуре и самому языку, не снижается. Обогащение когнитивного инструментария автоматически не происходит из-за того только, что штампы декларативной риторики воспринимаются говорящими как одиозные. Если когнитивный инструмент признан негод-

ным, это еще не значит, что ему существует замена. Множество советских концептов вызывает улыбку у людей старшего и младшего поколения, но это не снимает вопрос об образовавшихся лакунах в сфере осмысления социальной жизни.

8. Готовность декларативной риторики навязать свое видение мира перевешивает желание разобраться в ситуации объективно и в конечном счете становится контрпродуктивным для самого говорящего, так как снижает его адаптационные возможности. Если классическая риторика с помощью системы общих мест, теории статусов и теории аргументации давала продуценту речи возможность прощупать то мыслительное пространство, в котором он отстаивал свое мнение, буквально заставляя говорящего вдуматься в предмет, о котором он говорит, то декларативная риторика устроена иначе. Для того, чтобы навязать свое мнение, ей вовсе не нужно анализировать сами реалии.

9. На уровне словесности, той текстовой среды, в которой мы живем, декларативная риторика ведет к деградации языка и мышления и, безусловно, к социальной дезадаптации. Деградация литературного языка – это утрата им способности выражать сложную нюансировку, бедность словаря. Одно из ярких проявлений этого – жаргонизация литературного языка. С риторической точки зрения, введение жаргонной лексики – способ уйти от ответственности. Тактика «навешивания ярлыков» наиболее успешно осуществляется именно с помощью жаргонных слов. Сегодня на правах публицистического койне в наших СМИ функционирует особый вариант воровского жаргона с добавлением тинейджерской лексики и фразеологии. На этом языке крайне трудно аргументировать какую-либо точку зрения, ничего невозможно обсудить, абсолютно исключено что-либо осмыслить, но зато удобно декларировать все что угодно.

10. Инволюция языка идет в направлении, прямо противоположном его эволюции, – от полноценных слов к языку междометий и индексикальных знаков. Завоевания академий, столетия назад занимавшихся разведением синонимов и шлифовкой языка, завоевания классической литературы очень просто можно перечеркнуть, отказавшись от главного свойства литературного языка, о котором писал еще Вилем Матезиус – способности передавать смысловые и стилиевые нюансы.

Но деградация языкового мышления обусловлена не только обеднением понятийной базы как прямого следствия обеднения словаря и избыточной фразеологизации языка, образованию словесных клише для упрощенного описания реальности, что, кстати, является одной из типичных черт тоталитарного языка. Деградация связана также с притуплением речевых навыков, ослаблением логического контроля за речью со стороны говорящего и слушающего. Возникает своеобразная лень ума. Образно говоря, там, где надо включить мозги, включается горло.

11. Остановить деградацию можно только с опорой на механизм языковой рефлексии и феномен метаязыка. Необходимы не только усилия в русле традиционной культуры речи. Необходимо культивировать здоровую риторику, отесняя декларативную риторическую за пределы коммуникативной и даже социальной нормы. Риторическая культура должна быть прозрачной, т. е. включать в себя блок ответственной рефлексии. Она не может выглядеть как набор технологий, социальный вред которых даже не изучен.

Нормы научной деятельности в некоторых грамматических контекстах

Т. М. Цветкова

Московский городской педагогический университет

Субъект познания, цели / задачи исследования и оценка результатов, ограничения в грамматических контекстах

Summary. The presentation deals with a number of contexts (extracts from the text of scientific prose) containing the verbs of scientific cognition activity bearing the general meaning of «the ways of obtaining new knowledge». A number of factors connected with the status of the scientific discourse producer, deixis and modality impose restrictions on the use of specific lexical units and their forms while formulating the purpose and the results of the research.

Грамматика научной речи достаточно хорошо изучена как с точки зрения представленности тех или иных форм в текстах, так и в плане их функционально-коммуникативных свойств. Однако хотелось бы обратить внимание на ряд грамматических контекстов, в которых проявляются некоторые особенности научно-познавательной деятельности:

независимость объективного знания от «воли» субъекта-исследователя, оценка результата деятельности «научным сообществом», нормы «научного этикета».

1. В научных текстах значительное место занимает методологический аспект (М. Н. Кожина, М. П. Которова, Е. А. Баженова, Н. В. Данилевская, Е. В. Чернявская, В. А. Салимов-

ский, В. А. Шаймиев и др.), к которому относится и информация о способах получения нового знания, – их обозначают глаголы (и девербативы) научно-познавательной деятельности: *анализировать, описывать, уточнять, интерпретировать, классифицировать, систематизировать, объяснять, обобщать, доказывать, опровергать* и др., обозначающие логические процедуры и операции, а также их «смысловые эквиваленты», семантика которых носит более «аморфный» характер: *выявить, детализировать, раскрыть, рассмотреть, осветить, разъяснить* и др. Их значение – «получение объекта в ноу нового знания» (Н. К. Рябцева). «Перспектива», «планирование» познавательных действий, оценка результатов определяются в известной мере нормами научной деятельности, такие как новизна, объективность, обоснованность, достоверность, и грамматические контексты «проявляют» аксиологический аспект получения знания.

2.1. В конструкциях «Цель (задача исследования) работы →», доминантную сему которых можно определить как «намерение (желание / хотение) С познания, не участвуют ГНПД, в значении которых уже присутствует сема ‘достижение успешного результата’: нельзя в силу разных причин заявить своей целью – *констатировать, *резюмировать, *(за)фиксировать, *прийти к заключению.

В такой конструкции не выступают также глаголы (словосочетания), выражающие негативное отношение к точке зрения / работе других научных С: *Цель / задача... – опровергнуть...; изложить сомнения...

2.2. Не употребляются «критические» глаголы и в форме 1-го лица будущего времени: «заявления» *Опровергнем эту точку зрения / мнение...; Подвергнем критической оценке эту трактовку...* были бы нарушением «научного этикета».

Вообще ГНПД в форме 1-го лица буд. вр. имеют в научных текстах ограниченную сферу употребления – перформативные формулы, открывающие «ближайшую перспективу»: *Определим статус разговорной речи; Систематизируем признаки предложения; Раскроем специфику императива.* В контекстах с указанием на определенную локализацию ситуации: *В 1-й главе мы докажем наличие асемантических отрезков, а во 2-й обобщим положение о «субморфах», –* такие формы не употребляются.

Ограниченность контекстов с формой 1-го л. буд. вр. некоторых глаголов связана с семой ‘обещание’, которое предполагает возможность выполнения, но достижение знания зависит не от усилий С, а от природы / сложности объекта.

Научный идиолект: метафизика и поэтика

Л. О. Чернейко

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Язык науки, термин, когнитивная метафора, концептуальный анализ, картина мира

Summary. The language of science includes both the logical concepts-terms and the symbolic notions. The implicit symbolic notions derive themselves from the combination of term first of all with verbs and adjectives.

1.1. В системе ценностей культуры наука, будучи особым видом познавательной деятельности, выделяется на основе таких базовых параметров, как объективность и систематизированность полученных знаний о мире. Эти параметры характеризуют результат научного (в первую очередь естественнонаучного) познания, но не сам процесс, который подчиняется универсальным закономерностям мышления. В их основе лежат три составляющих: восприятие как ответ на ощущение; наглядность как соответствие понимания предмета восприятия (т. е. извлеченной из опыта некоторой рациональной его модели) чувственным данным о нем; мышление как путь к постижению практической и / или теоретической сути предмета. Но главное в мышлении – его обобщающая функция, которая осуществляется в адекватной содержанию, изоморфной ему универсальной форме – языке.

1.2. «Так как язык есть произведение мысли, то нельзя посредством него выразить ничего, что не являлось бы всеобщим» (Гегель). По причине неоднозначности русского существительного **произведение**, еще не утратившего значения синтаксического деривата соответствующего глагола, хотя и ограниченного в современном русском языке в своем употреблении (*произведение потомства, произведение на свет ребенка, но не произведение автомобилей, шума, впе-*

В случаях с временной референцией действий: Сначала мы выявим природу видовых противопоставлений, затем каталогизируем глагольные лексемы с этих позиций; В 1-й лекции мы установим причины редукции, во 2-й выявим и выделим особенности каждой группы – эти глаголы используются не в значении «исследовательской деятельности», а для обозначения «демонстрации» этих действий.

2.3. Ограниченное употребление имеют и формы прошедшего времени глаголов НСВ: например, глаголы, указывающие на достоверность знания, могут выражать отрицательную оценку или несогласие: *Х доказывал наличие фонемы [ы] в русском языке. Он писал...* Требуется расширения контекста указание на ‘модификацию знания’: *неоднократно уточнял классификацию / формулировку* (при «зачете» результата – форма СВ *уточнил*). Результаты некоторых действий научным обществом «не засчитываются», например: *Х обсудил / обсуждал...* (хотя *Цель – обсудить...* и *Обсудим...* воспринимается как исследовательская программа).

2.4. При распределении пассивных форм ГНПД также наблюдается дифференциация форм: работы или ее результатов в изложении от 1-го лица предпочтительнее формы на -ся: *Разъясняется ряд терминов; Раскрываются основные положения ТРА; Освещаются вопросы ортологии,* поскольку в пассивных формах, выраженными краткими причастиями, доминирует сема ‘оценка’. Такие формы приняты в авторефератах, а также при отсылках к ближайшему контексту: *Ваше были пояснены...; В предыдущей главе эти точки зрения уже были освещены.*

2.5. Сочетаемость с модальными квалификаторами также отличается избирательностью и связана с таким аспектом значения ГНПД, как ‘контролируемость’. Например, странно звучат фразы: *?Попытаемся рассмотреть эти видовые пары, ?Попытаемся обсудить некоторые трудные случаи согласования; ?Автор стремится проанализировать случаи редукции.* Различным образом сочетаются с модальными квалификаторами глаголы *классифицировать* и *систематизировать*: *Попытаемся классифицировать / ?систематизировать речевые ошибки...*

3. Эти дополнительные наблюдения позволяют еще раз уточнить и конкретизировать такой характерный признак научного текста, как ‘бессубъектность изложения’. Рассмотренные ограничения связаны с проявлением в тексте С исследования, его намерений, рефлексии по поводу познавательных действий; оценки своих результатов.

чатления), в этом тексте обнаруживается контаминированный смысл, отражающий два статуса языка по отношению к мысли: результативный (язык произведен мыслью) и процессуальный (язык производит мысль). В аспекте результативного язык есть произведение коллективной мысли, хранящееся в коллективной памяти в виде лексики и грамматики. В аспекте процессуального язык есть также произведенные мысли, но только в смысле ее выражения индивидуумом в конкретном речевом акте, в тексте. В гегелевском тексте отражен результативный аспект («всеобщее»), который вступает в противоречие с процессуальным («выражение»). Это противоречие может быть снято. Язык рожден такой потребностью человека социального, как совместное, общее и со-общаемое, знание о мире, т. е. со-знание. И язык социума произведен его мыслями о мире, отлившимися в понятиях и суждениях прежде всего обыденных. Произведение мысли как ее выражение осуществляется через комбинаторику тех единиц и по тем правилам, которые являются всеобщими. Однако оригинальность мысли и самобытность мышления проявляются не как воспроизводство смыслов, а как их производство, что находит свое выражение в нетривиальной сочетаемости слов.

2.1. Научный язык – это, в соответствии с научным определением, прежде всего совокупность терминов, терминология

гия той или иной сферы знания. Однако понятие «язык науки» шире понятия «научный язык», поскольку помимо терминов, в которых специальные знания хранятся, язык науки включает как лексические средства обработки и передачи этих знаний, так и грамматические средства связи терминов в научной речи, т. е. единицы общезвестного языка. За многими терминами стоят идеализированные, абстрактные объекты, и способ рассуждения о них, аналогично обыденному мышлению и естественному языку, базируется на символизации, которая проявляется в имплицитной (через вторичные предикаты) и эксплицитной метафорах. Если в термине отражена работа такой составляющей научного мышления, как аналитизм, или, по Дж. Локку, способность суждения, состоящая в «тщательном разведении идей, в которых можно подметить хотя бы самую незначительную разницу», то в метафорах научного языка – синтетизм, позволяющий научной интуиции схватить интенциональный объект целиком, во всей его сложности и противоречивости. Синтетизм мышления в подходе к научному объекту особенно проявляется тогда, когда сам объект (или взгляд на него) является новым для науки, а метафора – единственным предрациональным, дологичным способом его оречевления (вербализации), представляющая истину в образе. В метафоре Дж. Локк видел проявление остроумия («разнообразное соединение» тех идей, «в которых можно найти какое-нибудь сходство или соответствие»). Вместе с тем он полагал, что «было бы своего рода дерзостью взяться за исследование остроумия по строгим правилам истины и здравого смысла». Но для когнитивной лингвистики смысл представляет ценность как текстообразующий фактор, а текст (комбинаторика знаков) – как смыслопорождающий.

2.2. Метафизика как «наука о вещах, постигаемых в мыслях, за которыми признается, что они выражают существование в вещах» (Гегель), по необходимости присутствует в любой науке. Однако в силу особенностей мышления в науке также присутствует и поэтическое созерцание, если поэзию понимать как «фантазию, вкладывающую духовное в природное и представляющую собой осмысленное знание» (Гегель), как «антропоморфизм, захватывающий мир неодушевленных предметов» (Р. Якобсон), а искусство – как попытку назвать действительность, которая предстает в какой-то новой еще не названной категории (Б. Пастернак. Охранная грамота). Для исследователя научного идиолекта рациональные версии (= дефиниции) термина должны сверяться с анализом его употребления в научном тексте, с анализом глагольно-атрибутивной сочетаемости, из которой выводимы и логические отношения стоящей за термином сущности, и ее символика (имплицитные и эксплицитные образы). И хотя такой практики до недавнего времени не было, только она способна стать опорой в лингвистической (и логической!) обработке научного объекта, снабжая исследователя «языковым знанием», тем знанием, в котором объект сам себя раскрывает.

3. В одной из своих статей (1993 год) Д. С. Лихачёв дает следующее определение языка: «Язык нации является сам

по себе сжатым, если хотите, алгебраическим выражением всей культуры нации». Математическая метафора в формулировании соотношения языка и культуры делает мысль Д. С. Лихачёва не только нетривиальной, но особенно актуальной для современной лингвокультурологии. Ни на одно из трех отмеченных новейшими словарями русского языка нетерминологических употреблений слова **алгебра** (и его производного **алгебраический**), в которых выражаются важные с точки зрения нематематического (т. е. обыденного, философского, поэтического) русского сознания смыслы стоящего за термином **алгебра** математического понятия, нельзя спроецировать формулировку Д. С. Лихачёва. Слово **алгебра** как термин – рациональный знак метафизической сущности взятых в совокупности сложных отношений величин, а как метафора – символический знак метафизической сущности сложных отношений языка и культуры. Алгебраическая метафора Д. С. Лихачёва точно раскрывает отношения языка социума и его культуры, поскольку актуализирует одновременно те аспекты математического понятия **алгебра**, которые связаны а) с ее символикой и б) со сложением множеств. Символика алгебры вытекает из отношений величин, определяющих их качества независимо от их природы. В круг алгебраических величин входят и множества, действия над которыми (в частности сложение) подчиняются совсем иным (не арифметическим) законам. В этих разных, но соприкасающихся друг с другом плоскостях лежит ответ на метафору-загадку Д. С. Лихачёва.

4. Земледельческое, сельскохозяйственное слово **почва** в русской культуре является концептом. Как следует из проанализированных словарных определений, понятие почвы как верхнего слоя земной коры становится в русской культуре символом глубинных социальных привязанностей человека и его социальных корней, т. е. символом социальной основы бытия человека. Особое место занимает это понятие в биосоциальной картине мира В. В. Докучаева, являясь термином, за которым стоит и научное понятие, и отличная от обыденного сознания символика. Исследование сочетаемости слова **почва** и других естественнонаучных терминов в текстах В. В. Докучаева (*мощность почвы, почвы представляют собой особые естественно-исторические тела, горизонт пашины, ветры – враги*) позволяет смоделировать картину мира, лежащую в основе его научного мировоззрения: человек и среда – нераздельное целое; явления природы олицетворяются и даже персонафицируются, но рассматриваются не как царствующие над человеком, а как сотрудничающие с ним и подчиняющиеся его авторитету при условии, что человек постигает законы их существования.

5. Без словаря концептуальных метафор – внерациональных коррелятов терминов, которые моделируются на базе исследования их сочетаемости в научных текстах с общими для терминологии и общезвестного языка глаголами и прилагательными, описание научного идиолекта, а также мета-языка определенной дисциплины и науки в целом не может быть признано исчерпывающим. Кроме того, соотношение в научном идиолекте логического и символического может рассматриваться как стилообразующий фактор.

Современная разговорная речь: креативный аспект

Ю. Н. Шаталова

Белгородский государственный университет

Разговорная речь, словотворчество, потенциальное слово, новообразование

Summary. This paper deals with the creative aspect of colloquial speech. The particular attention is paid to the process of words creation in daily communication.

Под разговорной речью чаще всего понимают неофициальную, непринужденную речь носителей литературного языка, обслуживающую сферу бытового общения. Непринужденность проявляется в относительной свободе речевого поведения, в возможной реализации творческого речевого действия. Одной из форм креативного самовыражения говорящего является образование в речи новых слов. Новообразование создается при условии столкновения говорящего с коммуникативным препятствием, когда носитель языка не ходит в своем внутреннем лексиконе единицы, соответствующей его коммуникативным намерениям. Помимо этого необходимы условия словотворчества можно считать наличие комфортной для говорящего коммуникативной ситуа-

ции, а также собственно способность говорящего к созданию слова, его богатый речевой опыт. Последнее представляется довольно важным: как показывают наблюдения над речевой практикой представителей различных социальных слоев, разного уровня образования, активное словотворчество характерно для образованных людей с обширным словарным запасом, часто связанных со словом по роду занятий.

Рассмотрение фактов словотворчества, анализ возможных причин создания нового слова в живой разговорной речи позволяет отметить две характерные, в некоторой степени противоположные, тенденции.

С одной стороны, образование в речи нового слова чаще всего объяснимо системообразующим экстралингвистиче-

ским фактором, определяющим облик разговорной речи, – стремлением говорящего к экономии усилий. Не случайно все большую активность демонстрируют такие, например, способы деривации, как сложение, универбация, позволяющие дать однословное наименование какой-либо реалии, упростить высказывание.

С другой стороны, в современной речи нередко можно отметить факты, свидетельствующие, скорее, о стремлении к усложнению речи, а не ее упрощению. В частности, это проявляется в намеренном создании необычных, причудливых слов, появление которых можно объяснить желанием говорящего высказаться не банально, поиграть словами, реализовать свои лингвокреативные способности.

В первом случае большинство новообразований представлены единицами, созданными с помощью высокопродуктивных морфем, так называемыми потенциальными словами (термин Г. О. Винокура). Появление подобных лексических единиц заключено в словообразовательных возможностях языка, но реально они могут и не появляться, если в них нет нужды. Крайне высокой при этом является вероятность одновременного создания одного и того же слова разными людьми. Исследование таких новообразований позволяет вскрыть словообразовательные потенции языка, дать представление о лексике, актуальной на данном этапе развития языка. Однако изучение данных слов связано с некоторыми трудностями: зачастую достаточно сложно определить, является слово вновь созданным или услышанным где-то и воспроизведенным. В качестве примеров потенциальных слов, демонстрирующих действие в разговорной речи закона экономии речевых средств, можно привести следующие суффиксальные универбаты: *генералка* – *гене-*

ральная уборка, а также *генеральная репетиция*; *дистанционка* – *дистанционная форма обучения*; *зарубежка* – *зарубежная литература*; *театралка* – *театральный кружок*; *брезентухи* – *брезентовые рукавицы*.

В отношении тенденции к усложнению речи путем создания необычных слов важным является тот факт, что подобное можно отметить в речи людей, обладающих довольно редким талантом языкотворчества, продвинутого в языковом отношении. Нередко такие слова создаются по конкретному образцу путем замены одной из мотивирующих основ или путем замены, добавления одного из звуков: *плоскоумие* (ср. *плоскостопие*); *пылеглол* (ср. *полиглол*); *чашка-самомойка* (ср. *скатерть-самобранка*); *закладная* (от жарг. «заложить» – *наябедничать*, *выдать кого-либо*, ср. *докладная*); *окладоискатель* (ср. *кладоискатель*); *трудноустройство* (ср. *трудоустройство*); *шизобретатель* (ср. *изобретатель*). Новообразование может быть создано вследствие желания говорящего избежать труднопроизносимых слов, заимствований: например, нами зафиксированы в речи два аналога слова *кондиционер* – *воздухогонятель* и *замерзатель*. Все подобные слова создаются с установкой на создание комического эффекта, на языковую игру, которая представляет «адогматическое речевое поведение, основанное на преднамеренном нарушении языкового канона и обнаруживающее творческий потенциал личности в реализации системно заданных возможностей» (Т. А. Гридина). В речи языковая игра позволяет преодолеть коммуникативный барьер, преступить границу «своего / чужого» пространства, создать доверительную атмосферу беседы, а значит сделать общение более продуктивным. Такое словотворчество, как нам кажется, можно считать показателем высшего уровня владения языком.

Записная книжка как жанр естественной письменной речи

А. С. Юркевич

Кемеровский государственный университет

Жанры речи, естественная письменная речь, записная книжка.

Summary. The article is connected with consideration such a new direction in linguistics, as natural written speech, namely of such genre of business records, as a notebook.

В докладе рассматривается записная книжка (ЗК) как один из жанров естественной письменной речи (ЕПР). Под ЕПР (термин введен Н. Б. Лебедевой [1]) понимаются записи, обладающие признаками непрофессионализма, спонтанности, неофициальной сферой бытования. В лаборатории Кемеровского госуниверситета, в рамках которой выполняется данная работа, естественная письменная речь рассматривается в жанроведческом аспекте, в духе работ М. М. Бахтина [2].

В докладе ставится задача рассмотреть жанровое своеобразие ЕПР на примере записной книжки, выделить интегральные и дифференциальные признаки жанра.

Записная книжка является одной из разновидностей записей, объединенных функциональной характеристикой – деловой характер записи. В своем конкретном воплощении они представлены такими видами деловых тетрадей, как блокнот, записная книжка, «книга для записей», еженедельник, ежедневник, последние страницы «для записей», – все это позволяет говорить о возможности выстраивания определенной типологии жанров делового письма, в котором ведущую роль играет записная книжка как один из ярких, «классических» образцов ЕПР.

Остановимся последовательно на рассмотрении интегральных признаков записной книжки как разновидности ЕПР, затем перейдем к дифференциальным.

Непрофессионализм авторской деятельности как признак ЕПР проявляется в отсутствии таких этапов становления автора ЗК, как обучение, усвоение, практика, оценка, в результате которой оттачивается мастерство в той или иной области. Характер существования записной книжки исключает все эти этапы авторского становления. Это такой вид письменного общения, который не содержит более-менее определенных обязательных правил (в отличие от написания заявления, поздравительных открыток и пр.), но в жанрово-языковом сознании любой владелец ЗК имеет общее представление о предназначении, структуре, характере информации и т. д., при этом, конечно же, заполнение ее всегда оказывается сугубо индивидуализированным.

Следующий конституирующий признак ЕПР – спонтанность. Назначение ЗК заключается в том, чтобы моментально, оперативно зафиксировать какую-либо информацию с целью ее дальнейшего использования. Владелец ЗК выбирает из информационного потока только те элементы, которые в данный момент представляются значимыми для дальнейшего использования, при этом действуя спонтанно, без особой обработки материала (что, кроме всего, отражается нередко и в характере записи).

Неофициальная сфера бытования раскрывается через характер содержащихся записей. Так, главным конституирующим признаком ЗК в рамках деловых записей является признак автоадресатности. Под автоадресатностью понимается субстанциональное совпадение автора и адресата при их функциональном различии. Под субстанциональным совпадением следует понимать физическое совпадение автора (отправителя информации) и адресата (получателя информации), а под функциональным несовпадением – различие автора и адресата с точки зрения роли по отношению к записи (один – пишет, другой – читает). Кроме того, между ними имеются различия и субстанционального характера, которые объясняется целым рядом причин, например, «временным зором» между исполнением записи и ее прочтением, в результате которых автор и адресат не будут совпадать в информационном, психологическом, социально – возрастном и др. отношениях. Наличие данного признака определяет записи в ЗК как закрытые, рассчитанные на одного человека, который является их автором и владельцем.

Итак, рассмотрев интегральные признаки ЗК как разновидности ЕПР, мы приходим к выводу, что данный жанр полностью относится к естественной письменной речи. Что касается дифференциальных признаков, то мы в данном докладе остановимся на таком параметре, как автор.

Автор (он же владелец ЗК) рассматривается в нашем докладе как языковая личность в жанроведческом аспекте, то есть как личность, проявленная в данном жанре. Выше было сказано, что автоадресатность является важнейшей ха-

рактистикой жанра ЗК. Она реализуется в двух оппозициях: а) автор – адресат; б) пишущий – читающий. Автор и адресат физически (субстанционально) совпадают (это одно и то же лицо), но в психологическом и функциональном плане при внесении записи на страницы ЗК происходит как бы «раздвоение сознания» на Я-автора и Я-адресата («Я сегодняшний – автор записи, отправляю текст себе-завтрашнему – адресату»). Владелец записной книжки сам выбирает себе роль автора (пишущего) или адресата (читающего), при этом каждая из этих ролей влияет друг на друга. Записывая информацию в настоящем, автор проектирует ее в будущее, на время, когда эта информация может стать актуальной. Ментальное, психологическое и др. состояния пишущего и читающего не являются тождественными. С другой сторо-

ны, адресат, обращаясь к записи прошлого, может восстановить в настоящем времени ретроспективную ситуацию записывания и тем самым обращается к «Я-автору» (пишущему). Таким образом, соотношение автора и адресата, пишущего и читающего представляет собой диалектически сложные оппозиции, включающие как тождество, так и противоречие, в этом и кроется вся специфика автоадресатных жанров ЕПР.

Литература

1. Лебедева Н. Б. Естественно-письменная русская речь как предмет лингвистического исследования // Вестник БГПУ. 2001. № 1. С. 4–10.
2. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 250–296.

Духовное послание как жанровая разновидность современного религиозного стиля

И. Ю. Ярмульская

Волгоградский государственный университет

Духовное послание, религиозный стиль, сакрально-богослужебная лексика, единицы с архаичной окраской, композиционно-речевая структура

Summary. In this report the linguistic parameters of ecclesiastical message like a genre variety of modern religious style are considered.

В последнее время возрастает интерес к изучению и описанию языка православных религиозных текстов.

Материалом для нашего исследования служат тексты современных духовных посланий, опубликованные с 1996 по 2006 годы в печатных и электронных СМИ. Авторами посланий являются 13 священнослужителей. Среди них – патриарх Московский и всея Руси Алексей II, митрополиты, архиепископы, епископы, протоиереи и др. Всего анализу подвергнуто более 150 текстов современных церковных посланий.

Духовное послание, которое представляет собой открытое письменное обращение иерарха Церкви к своей пастве и имеет характер наставления, поучения, входит в корпус текстов, функционирующих в сфере религии.

Комплексный подход к анализу современного духовного послания позволил систематизировать многообразие типов церковного послания и создать его многоаспектную классификацию, в основе которой лежат 5 признаков: адресант, адресат, цель, тематика, форма речи.

Так, по адресанту выделяются послания, имеющие единичного адресанта, и послания, имеющие группового адресанта. По адресату устанавливаются «внутрицерковные» и «внецерковные» послания. По цели разграничиваются информационные послания, дидактические послания, эпидеяктические послания. По тематике выявляются праздничные и непраздничные послания. По форме речи – устные и письменные послания.

Раскрыто стилистическое своеобразие системы языковых единиц духовного послания, которое заключается во взаимодействии элементов современного русского литературного языка и церковнославянского языка, обусловленное характером доминанты религиозного стиля.

Установлен ведущий принцип отбора разноуровневых языковых средств, принимающих участие в формировании текста церковного послания, и определена их функционально-семантическая обусловленность.

Так, дидактическая направленность духовного послания формируется благодаря корпусу сакрально-богослужебной и церковно-религиозной лексики, а также высокой частотности императивных глагольных форм. Экспрессия религиозного послания создается благодаря концентрации слов, имеющих книжную и высокую эмоционально-экспрессивную окраску, использованию церковнославянизмов, архаичных синтаксических конструкций, а также скоплению образительно-выразительных средств (лексических контактных и дистантных повторов, синтаксического параллелизма, антитез, сравнений, эпитетов).

На лексико-грамматическом уровне в качестве стилистических маркеров современного церковного послания высту-

пают: сакрально-богослужебная, церковно-религиозная, книжная лексика, единицы с пометами «высокое», «почтительное», «устарелое», «старое»; настоящее богословского обобщения (например: ... *Святой Апостол Матфей повествует о благоговейном поклонении волхвов – восточных мудрецов...* (Мф. 2, П)); императивные формы (1-го и 2-го лица множественного числа, 3-го лица единственного числа с частицами *пусть, давайте*), модальные предикативы *должен, надо, необходимо* в сочетании с инфинитивом, родительный присубстантивный (например: *мы любим нашего ближнего; православные со всего мира; мои дорогие и возлюбленные в Господе* и др.), концентрация имен прилагательных сравнительной и превосходной степеней сравнения; императивные предложения, элементы эмоционального синтаксиса (вопросительные и восклицательные предложения), синтаксические повторы.

Наряду с языковыми единицами современного русского литературного языка стилообразующими элементами современного духовного послания являются и языковые средства, имеющие архаичный характер. К их числу относятся: церковнославянизмы; модальный предикатив *надобно* в сочетании с инфинитивом; глагольные аналитические формы 3-го лица единственного числа с частицей *да*, архаичные падежные формы притяжательных прилагательных на *-ов, -ий* (например: *познав свет Христов; наша вера в благодать Божию* и др.); устаревшее управление (например: *возлюбленные о Господе; братья и сестры во Христе* и др.), инверсивные конструкции с постпозицией согласованного определения (например: *прославляли Отца вашего Небесного; с проповедью Христа Воскресшего; отблески сияния славы Божией* и др.).

Определена композиционно-речевая структура современного церковного послания, включающая следующие составные части: вступление, информативно-повествовательную часть, назидательно-интерпретирующую часть, заключение и окончание. Раскрыты содержательные и формальные особенности каждой из выделенных композиционно-речевых частей.

Итак, проведенное изучение духовного послания как жанровой разновидности современного религиозного стиля позволило создать многоаспектную классификацию церковного послания, раскрывающую многообразие его типов; установить принципы отбора и функционально-семантической обусловленности разноуровневых языковых единиц, используемых в тексте духовного послания; выявить систему его образительно-выразительных средств; провести комплексный анализ языковых элементов, определяющих особенности этой жанровой разновидности и специфики религиозного стиля в целом.